

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019
1(19)

ISSN 2587-9472

Эн № ФС77-68095

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-68095

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (19)' 2019

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.

Заместитель главного редактора:

Липунов В.И.

Редакционный совет:

Председатель – Малышев Н.Г., чл.-корр. РАН, д-р техн. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Заместитель председателя – Семенов А.В., д-р экон. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Заместитель председателя – Руденко Ю.С., д-р пед. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Букалерева Л.А., д-р юрид. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Землин А.И., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II»);

Марченко М.Н., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, Почётный президент Ассоциации юридических вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова);

Сауляк О.П., д-р юрид. наук, проф. (Московская коллегия адвокатов «Юристы-профессионалы»);

Шамба Т.М., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист РФ (Коллегия адвокатов «ТАМИР» г. Москвы).

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. Витте», 2019

**КОНСТИТУЦИОННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА	7
<i>Бабурин Сергей Николаевич</i>	
25 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ РФ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ	15
<i>Куксин Иван Николаевич</i>	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	23
<i>Ашавский Борис Матвеевич</i>	
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ.....	29
<i>Сауляк Олег Петрович, Зейналов Шамиль Аширафович</i>	
РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА РАСПУТЬЕ. ИЗЪЯНЫ И НЕДОСТАТКИ ДЕМОКРАТИИ	38
<i>Марченко Михаил Николаевич</i>	
НАРОДОВЛАСТИЕ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	48
<i>Селихов Николай Васильевич</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ	55
<i>Головастова Юлия Александровна, Видова Татьяна Александровна</i>	

**ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ
И ДОГОВОРНОЕ ПРАВО**

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БАНКОВ И БЮРО КРЕДИТНЫХ ИСТОРИЙ	63
<i>Гуртова Мария Александровна</i>	
ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО РЕБЁНКА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	68
<i>Юрчук Василий Степанович</i>	
ПОНЯТИЕ, ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	73
<i>Колонтаевская Ирина Федоровна</i>	

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, СОДЕРЖАНИЕ, ГАРАНТИИ..... 80
Теплякова Ольга Алексеевна

О КОНСТИТУЦИОННОМ «РАВЕНСТВЕ» ЗАЩИТЫ ВСЕХ ФОРМ
СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ..... 84
Досюкова Татьяна Викторовна

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

DEVELOPMENT OF NATIONAL CONSTITUTIONALISM AS THE EVOLUTION OF FORMS OF SOCIAL COHESION	7
<i>Baburin S.N.</i>	
25 YEARS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIAL AND LEGAL REALITIES.....	15
<i>Kuksin I.N.</i>	
INTERNATIONAL LAW AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: INTERACTION PROBLEMS.....	23
<i>Ashavskij B.M.</i>	
CONSTITUTIONAL LAW AND ORDER AND THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF THE UNIVERSALLY RECOGNIZED PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW INTO THE NATIONAL LEGAL SYSTEM OF RUSSIA.....	29
<i>Saulyak O.P., Zeynalov Sh.A.</i>	
RUSSIAN DEMOCRACY AT THE CROSSROADS. FLAWS AND SHORTCOMINGS OF DEMOCRACY.....	38
<i>Marchenko M.N.</i>	
DEMOCRACY AS A FOUNDATION OF SOCIAL UNITY OF RUSSIAN STATE	48
<i>Selikhov N.V.</i>	
HISTORICAL VARIETIES AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE REPUBLICAN FORM OF GOVERNMENT	55
<i>Golovastova Y.A., Vidova T.A.</i>	

CIVIL, BUSINESS AND CONTRACT LAW

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF BANK LENDING TO INDIVIDUALS IN THE FIELD OF INTERACTION OF BANKS AND CREDIT BUREAUS.....	63
<i>Gurtova M. A.</i>	
LEGAL STATUS OF A MINOR CHILD AND ITS IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN LEGISLATION.....	68
<i>Urchuk V.S.</i>	
CONCEPT, NATURE, ESSENCE AND FEATURES CORPORATE RELATIONS	73
<i>Kolontaevskaya I.F.</i>	

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

THE PRINCIPLE OF THE INVIOABILITY OF THE HOME IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE LEGAL FRAMEWORK, CONTENT, GUARANTEES.....	80
<i>Tepliyakova O.A.</i>	

ABOUT CONSTITUTIONAL “EQUALITY” OF PROTECTION
OF ALL FORMS OF PROPERTY IN THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION.....84
Dosyukova T.V.

УДК 323.2+34.03+342.722:342.81

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Бабурин Сергей Николаевич,

д-р юрид. наук, профессор,

Институт государства и права РАН,

заслуженный деятель науки РФ,

e-mail: omskzem95@mail.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статье анализируется опыт нескольких попыток консолидации российского общества в XX веке, которая, по мнению автора, есть механизм достижения гражданского единства и гражданского самосознания в обществе. Автор выделяет семь этапов развития российского конституционализма, каждому из которых был присущ свой тип консолидации общества: этапы буржуазно-демократической и пролетарской (военный коммунизм) консолидации, период рабоче-крестьянской консолидации советского общества, сменившийся временем почти получившейся общенародной консолидацией общества, этап кризиса советской модели организации государства и поиска нового способа консолидации общества, и, наконец, начавшийся с 1993 года этап неолиберальной консолидации российского общества. Если буржуазно-демократическая консолидация общества укорениться просто не успела, то у революционной консолидации российского общества выделяются элементы: разгосударствление общества; замена права революционным правосознанием, а нравственности – классовым чувством; секуляризация; ликвидация частной собственности; классовая диктатура пролетариата. Главная мировоззренческая ошибка большевиков – они стали строить Новый мир, покончив с традиционной православной основой русского образа жизни. Автор делает вывод, что неолиберальная консолидация в целом ряде своих сущностных черт напоминает революционную: разгосударствление общества через тотальную приватизацию и отказ от социальных функций государства, замена гарантий государства платными услугами, права – коррупционным усмотрением, а нравственности – некими евростандартами; утрата уважения к частной собственности, кроме собственности «нужных» людей; классовая диктатура буржуазии. Оцениваются духовно-нравственные и политико-правовые черты каждого исторического периода. Делается вывод, что все имевшие место в истории модели консолидации не имели конечного успеха, поскольку не смогли соединить социально-экономические достижения с духовно-нравственными ценностями русской нации.

Ключевые слова: конституционализм, консолидация общества, духовно-нравственные основы, политико-правовая система, русская нация, неолиберализм

DEVELOPMENT OF NATIONAL CONSTITUTIONALISM AS THE EVOLUTION OF FORMS OF SOCIAL COHESION

Baburin S.N.,

doctor of law, professor,

Institute of State and law of Russian Academy of Sciences,

honoured worker of science of the Russian Federation,

e-mail: omskzem95@mail.ru,

Moscow Witte University, Moscow

This article analyzes the experience of several attempts to consolidate the Russian society in the twentieth century, which, according to the author, there is a mechanism to achieve civil unity and civic awareness in society. The author singles out seven stages of development of the Russian constitutionalism, each of which was inherent in the type of consolidation: stages of bourgeois-democratic and proletarian (index.php) consolidation period worker-peasant consolidation Soviet society, the circumstances of time almost turned out nationwide consolidation of society, stage of the crisis of the Soviet model of organization of the State and find new ways to consolidate the society, and, finally, beginning with the 1993 year stage of neo-liberal consolidating Russian society. If the

bourgeois-democratic consolidation of society simply did not have time to take root, the revolutionary Russian society consolidation elements stand out: the privatization of the company; replacing the right revolutionary legal consciousness and morality-class sense; secularization; the Elimination of private property; the class dictatorship of the proletariat. The main ideological error of the Bolsheviks, they began to build a new world, ending with the traditional Orthodox basis for Russian lifestyle. The author concludes that consolidation of the neo-liberal in a number of its essential traits reminiscent of the revolutionary: privatization of society through total privatization and abandonment of social functions of the State, replacing the State guarantees pay-per-view services, law-corruption and discretion, morals-some European standards; loss of respect for private property, except property the "right" people; the class dictatorship of the bourgeoisie. Assessed spiritually-moral and political and legal characteristics of each historical period. It concludes that all took place in the history of models of consolidation have not had the ultimate success, because could not join socio-economic achievements with spiritual and moral values of the Russian nation.

Keywords: constitutionalism, consolidation of the society, spiritual and moral foundations, political-legal system, the Russian nation, neoliberalism

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-7-14

Отечественный конституционализм как процесс конституционного развития общества прошёл за свою историю несколько этапов своего развития, каждый из которых был попыткой консолидировать общество на иных, чем ранее, началах. Предлагаю развитие отечественного конституционализма и, следовательно, смену моделей консолидации общества условно разделить на семь этапов.

1. Этап буржуазно-демократической консолидации общества (1905–1917).
2. Этап военного коммунизма и пролетарской консолидации общества (1918–1920).
3. Этап рабоче-крестьянской консолидации советского общества (1921–1936).
4. Этап общенародной консолидации советского общества (1936–1980).
5. Этап общего кризиса советского общества и поиска новых форм его консолидации (1981–1990).
6. Этап социальной консолидации через систему Советов при многопартийном устройстве общества (1990–1993).
7. Этап неолиберальной консолидации российского общества (1993–2018).

Этап буржуазно-демократической консолидации общества (1905–1917) знаменовался попытками заменить русское самодержавие конституционной монархией или республикой. Их предпринимали представители той части российского общества, что была наиболее подвержена нигилизму и либеральным иллюзиям западноевропейских революций. Русское общество того времени утратило своё внутреннее единство, классово расслоилось, требовалась его серьёзная модернизация, однако Император и его ближайшее окружение, считая, что «всё у них под контролем», устранились от попыток учить, регулировать и, тем более, управлять процессами внутри русского общества.

Воспользовавшись начавшейся в России революцией (а Всероссийская политическая забастовка охватила в тот момент многие районы страны, в том числе железную дорогу), представители буржуазии, части дворянства и даже духовенства вынудили Императора Николая II опубликовать 7 октября 1905 года Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Создавался парламент, без одобрения которого не мог вступать в силу ни один закон (учреждённая чуть ранее, в августе 1905 г., Государственная Дума была органом только совещательным), населению Империи даровались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [7, с. 41].

За Манифестом от 17 октября 1905 года последовал ряд императорских указов и акт конституционного значения – Основные государственные законы Российской Империи от 23 апреля 1906 года. Именно Манифест и Основные государственные законы и следует считать началом российского конституционализма. Самодержавие и фрондирующая ему элита попытались этими правовыми актами преодолеть смуту в государстве, закрепить некий социальный компромисс, консолидировать общество вокруг монархии и нарождающихся буржуазно-демократических ценностей. Именно поэтому в преамбуле Основных законов Император особо подчеркнул, что Государство Российское едино и нераздельно, а русский язык «есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государ-

ственных и общественных установлениях». Одновременно было указано, что «употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами» [5, с. 44]. Идеология этого периода конституционного развития России была выражена в формуле ст. 4 Основных законов: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает» [5, с. 44].

Российское общество в целом приняло предложенный вариант консолидации, несмотря на остававшийся нерешённым вопрос о земле. Однако сторонников превращения России в демократию западного вида это не устраивало. Воспользовавшись трудностями, связанными с участием России в Первой мировой войне, они пошли в феврале 1917 года на организацию заговора и свержение Императора Николая II, после чего попытались перелицевать Россию под западноевропейские схемы и стандарты, вплоть до провозглашения её республикой ещё до выборов Учредительного собрания.

Народ России не принял чуждого ему либерализма и замену царского режима Временным правительством, подконтрольным западу. Начались развал армии, отделение окраин, хаос в экономике. Ответом стал Октябрьский 1917 года захват власти большевиками, и поддержка народом большевиков в ходе последовавшей гражданской войны.

Этап военного коммунизма и пролетарской консолидации общества условно можно датировать 1918–1920 годами. Как ни удивительно, это один из самых малоизученных периодов отечественной истории. Речь не о гражданской войне – о ней написаны тысячи исследований, а о научном осмыслении, чем же был на практике военный коммунизм с его беспрецедентными социальными экспериментами по отмене государства и семьи, нравственности и права, с его коммунами и свободной любовью, с его террором в отношении противников новой власти. Вынужденно отринув буржуазные органы власти и имевшиеся на тот период законы, большевики и их союзники провозгласили опору на революционное правосознание, окончательный перенос власти в систему Советов всех уровней, создание новых экономической и финансовой систем, уничтожение классового деления общества [2, стб. 488]. Новое революционное правосознание делало правомерным и революционное поведение. Эпоха строилась по формуле А. Лабриолы: «Социализм – это гипотеза нового общества, воздвигаемого на развалинах общества современного» [8, с. 9].

Конституционным памятником той бурной эпохе может быть по праву названа первая советская конституция – Конституция РСФСР 1918 года. Она на самом деле – реально первая отечественная конституция, отвечающая всем признакам такого высшего правового акта. Отмечая ныне её столетний юбилей, мы вправе остановиться на содержании и значении этого основного закона революционной эпохи более подробно.

Через Конституцию РСФСР 1918 года Советская власть попыталась консолидировать народ России, убрав из его состава 7 категорий граждан. Помимо душевнобольных и осуждённых за корыстные и порочащие преступления это были: лица, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома (ст. 65 Конституции). Исходя из принципа, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам» (ст. 7 Конституции). Первая Советская Конституция прямо закрепила в основном законе диктатуру пролетариата и наметила построение всего общества на её основе:

- в качестве основной задачи было поставлено уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах;
- в целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводилась всеобщая трудовая повинность;
- частная собственность на землю отменялась, весь земельный фонд объявлялся общенародным достоянием и передавался трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного земледелия;
- в целях обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретировалось вооружение трудящихся, образова-

ние Социалистической Красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов (ст. 3 Конституции).

Прямые выборы по Конституции 1918 года проводились по производственно-территориальному принципу в сельские и городские советы. Для остальных уровней выборы советов были многостепенные, т.е. депутатов (делегатов) вышестоящих съездов Советов избирали депутаты (делегаты) нижестоящих Советов или съездов Советов. Нормы представительства официально давали преимущества пролетариату (рабочему классу).

Заблуждением является представление, что только прямые выборы демократичны и способствуют консолидации общества. Как показал опыт советов в 1918–1936 годах, именно многостепенные выборы консолидировали революционное общество, делая всю избираемую вертикаль связанной не одновременно на несколько лет, а на постоянной основе, при ежегодных голосованиях. Жаль, что этого не учли в период конституционных реформ 1988–1989 годов советские политики и юристы, впавшие в эйфорию от романтического мифа о разделении властей. Теоретически разделение властей нацелено на их независимость друг от друга [6, с. 134–150], но российская политическая практика пошла в послесоветское время иным путём.

Однако, и после принятия Конституции РСФСР 1918 года жизнь оказалась иной, чем революционные схемы. Пролетарской консолидации общества не получилось. Политика подрыва и красного террора, пусть ему и корреспондировал террор белых, привела Советскую Россию к голоду и крестьянским восстаниям. В.И. Ленину и возглавляемому им Советскому правительству пришлось отказаться от идей военного коммунизма, искать согласия внутри существующего российского общества на основе перехода к Новой экономической политике.

Начался этап **рабоче-крестьянской консолидации советского общества**. В практической плоскости стоял вопрос об укреплении союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

Создание в 1922 году Союза ССР, принятие в 1924 году первой Конституции СССР, а в 1925 и принятие подготовленных на её основе конституций союзных республик, конституционно завершили оформление новой модели консолидации молодого социалистического общества. Сразу оговоримся, что отделять союзный конституционализм от российского можно лишь условно, поскольку СССР, являя собой особую форму Русской цивилизации – Советскую цивилизацию – и был реально формой развивающейся русской государственности. Советская Россия по политическим причинам – для снятия на окраинах проблем межнациональной консолидации – была искусственно разделена на РСФСР и ещё несколько союзных республик, часть из которых не менее, чем РСФСР, могут претендовать на роль продолжателя русской цивилизации.

Конституция СССР 1924 года, традиционно вбирая в себя Декларацию о создании Союза ССР и Договор об образовании СССР, принятые 30 декабря 1922 года I съездом Советов Союза ССР, уже говорила о взаимном доверии и мире, национальной свободе и равенстве, мирном сожительстве и братском сотрудничестве народов лагеря социализма, что стало возможным благодаря сплочению большинства населения вокруг диктатуры пролетариата. Но борьба с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом ещё продолжалась (ст. 61 Конституции СССР 1924 г.), поэтому Конституция РСФСР 1925 года по-прежнему включала конституционную норму о лишении отдельных лиц и отдельных групп прав, «которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 13 Конституции)¹. Сохранив в целом перечень категорий, лишённых активного и пассивного избирательного права, Конституция к служащим и агентам бывшей полиции добавила лиц, руководивших деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов (ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г.).

Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи на этот раз были объявлены не общенародным достоянием, а собственностью Рабоче-Крестьянского государства (ст. 15 Конституции РСФСР 1925 г.). Значительными были и иные изменения, свидетельствовавшие об укреплении роли государства. Иллюзии быстрого построения бесклассового общества покинули руководящие круги партии большевиков. Началось строительство социализма в одной, отдельно взятой стране, опирающееся на попытку консолидировать обще-

¹ Конституция РСФСР 1925 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dslov.ru/txt/t4/html> (дата обращения: 28.05.2019).

ство вокруг одной политической партии и союза рабочего класса и трудового крестьянства. Успехи коллективизации и индустриализации, полное подавление внутри страны сопротивления классовых врагов привели руководство ВКП(б) к попытке **общенародной консолидации советского общества**, что воплотилось в принятии в 1936–1937 годах новых советских конституций. Конституционная реформа устранила любые ограничения граждан СССР в правах, напротив, непреложным законом было объявлено равноправие всех граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни (ст. 123 Конституции СССР 1936 г.).

Более того, в ст. 135 Конституции СССР 1936 года выборы депутатов были впервые в России объявлены всеобщими: «Все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишёнными» [9, с. 203, 219]. Аналогичная норма была закреплена и в ст. 139 Конституции РСФСР 1937 года. Статья 136 Конституции СССР и ст. 140 Конституции РСФСР, посвящённые равному участию граждан в выборах, подчеркнули, что «все граждане участвуют в выборах на равных основаниях» [9, с. 219].

Попытка консолидировать всё советское общество увенчалась успехом далеко не сразу. Вначале, напротив, советское общество прошло через Большой террор, и лишь победив в 1945 году объединённую Гитлером Европу, начав через реабилитацию ранее репрессированных лиц и народов расчёт со своим недавним прошлым, оно пришло к внутренней социальной консолидации. Этому не смогли помешать даже освобождённые из лагерей власовцы и боевики ОУН-УПА. Не преувеличением, а констатацией факта следует считать слова Обращения Верховного Совета СССР к народам Советского Союза от 6 ноября 1957 года: «Сорок лет назад рабочие и крестьяне нашей страны под руководством Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным низвергли ненавистный буржуазно-помещичий строй, взяли в свои руки политическую власть, создали первое в мире подлинно народное, социалистическое государство... Светлая мечта человечества о социализме впервые в истории претворилась в жизнь»². Точными были и слова Обращения руководства СССР к советскому народу и всем трудящимся в связи с 50-летием Октябрьской революции: «Мы ставили своей целью – уничтожение эксплуатации человека человеком. И мы добились этого... Мы ставили задачей – создание нового, социалистического государства, новой, социалистической демократии, воплощающих власть народа и для народа. И мы выполнили эту задачу»³.

Итак, советское общество, олицетворявшее объединение народов исторической России, достигло в начале второй половины XX века пика своей социальной консолидации. Это была эпоха величайших творческих свершений военного поколения и энтузиазма молодёжи, эпоха великих строек и великих научных открытий. Она логично привела отечественный конституционный процесс к принятию **в 1977 году Конституции СССР как конституции общенародного государства**.

Но уже в 1961 году, на мой взгляд, под советское общество была заложена мина замедленного действия: принимая новую Программу КПСС, указав высшей целью партии построение коммунистического общества и определив коммунизм как бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, всему народу вполне официально сообщили, что к 1980 году в СССР будет в основном построено коммунистическое общество⁴. Конституция СССР 1977 года провозгласила высшей целью Советского государства построение бесклассового коммунистического общества.

² Обращение Верховного Совета СССР к народам Советского Союза (принято 6 ноября 1957 г.) // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975: в 4 т. Т. 1. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. – С. 25.

³ К советскому народу, ко всем трудящимся Союза Советских Социалистических Республик (Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР (принято 4 ноября 1967 г.) // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975: в 4 т. Т. 1. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. – С. 31.

⁴ Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС 31 октября 1961 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.leftimsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.html (дата обращения: 28.05.2019).

И проблема не в том, что пришёл 1980 год, а коммунизм оказался недостроенным. Дело в том, что ни отдельный человек, ни отдельное общество не могут жить без цели. Для русского человека целью земного существования всегда была высоконравственная жизнь ради спасения своей бессмертной души, а для русского народа – построение общества социальной справедливости и реального народовластия. Именно поэтому всю первую половину XX века народы СССР боролись за светлое будущее, сделав Советский Союз центром притяжения всего развивающегося человечества. Строительство коммунизма и было, по большому счёту, традиционным русским выбором, но вне православного мирозерцания и в терминах марксистско-ленинской теории. Это была Великая Цель.

В 1980 году советское общество лишилось официальной цели своего существования. Коммунизм не построен, а должную замену цели развития обществу предложить не смогли. Именно поэтому, помимо различных экономических и иных причин, уже с 1981 года начал развиваться **общий кризис советского общества и поиск новых форм его консолидации**. Кризис породил требования общества перестроить основы его существования, отказаться от омертвевших идеологических догм, в том числе в экономике и социальной жизни. Перестройка зародилась до М. Горбачева, он лишь стал бездарно руководить её процессами, а, возможно, и имитировать такое руководство. Вместо продуманного партийного руководства обновлением советского общества ЦК КПСС лишь догонял постоянно развивающуюся ситуацию (если не рассматривать вполне обоснованный вариант, что именно Горбачевым и его ближайшим окружением и инициировались разрушительные процессы дезинтеграции и обострения межнациональных отношений в республиках, шла дискредитация Вооружённых сил и партийных органов).

Тем не менее, ЦК КПСС созвал XIX Всесоюзную партийную конференцию (28 июня – 1 июля 1988 г.), которая дала толчок политическому реформированию СССР, наметив проведение конституционной реформы. В СССР она была произведена 1 декабря 1988 года, а конституционная реформа РСФСР состоялась 27 октября 1989 года, появились Съезд народных депутатов РСФСР и избираемый им Съезд народных депутатов РСФСР.

За шумом хорошо организованных политических скандалов и нараставших провокаций на тот момент в обществе плохо осознали, что возвращение на уровне Советского Союза к двухуровневому избранию высших органов народного представительства – Съезда народных депутатов СССР и уже на его заседании – Верховного Совета СССР, было уникальной возможностью восстановить на новом историческом этапе и системы многоуровневого избрания Советов, и института Земских Соборов. Избрание 2/3 народных депутатов СССР населением на прямых выборах было формированием представителей «от земель», а избрание 1/3 депутатов общесоюзными общественными организациями заменяло сословное представительство. И именно Съезд был источником власти всех её «ветвей». К сожалению, и избранные депутатами лучшие люди страны – учёные и врачи, писатели и новаторы производства – оказались не подготовленными к политической борьбе и парламентским формам работы. Сказались раздрой и противоположные интересы внутри высшего руководства КПСС.

Непонимание союзным депутатским большинством смысла начавшихся конституционных реформ привело к тому, что союзные республики впервые продемонстрировали массовую строптивость: новая редакция Конституции СССР предусматривала съездовскую систему на уровне как Союза ССР, так и в союзных и автономных республиках. Однако систему съездов предусмотрели лишь в РСФСР и Дагестанской АССР, остальные оставили избрание лишь Верховного Совета. СМИ дискредитировали и избрание части депутатов от общественных организаций, и только две республики – Белоруссия и Казахстан – в ограниченном объёме предусмотрели у себя выборы от общественных организаций. В РСФСР решили «демократично» избирать народных депутатов по территориальном и национально-территориальным округам, что во многом уничтожило смысл съездовской системы. Союзная власть, демонстрируя в очередной раз свою слабость, через изменение в Конституции СССР легализовало нарушение союзными республиками первоначально обязательной для них нормы [1, с. 8–73].

И всё же, в 1990–1993 годах осуществлялась попытка **социальной консолидации общества через систему Советов при многопартийном устройстве общества**. С отменой ст. 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС в советском обществе болезненно, но неумолимо прошло отделение Советов всех уровней от партийных органов, завершившееся после запрета КПСС и гибели Советского Союза. Система Советов стала приобретать характер гибкой и динамичной структу-

ры органов народовластия, способной на равных, а то и при своей решающей роли работать с органами исполнительной власти. Именно система Советов стала в 1990–1993 годах главным механизмом консолидации общества вокруг социально значимых вопросов.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года и ликвидации системы Советов народных депутатов, последовавшей после попытки государственного переворота Президента Б. Ельцина 21 сентября 1993 года и военного мятежа отрешённого от должности Президента 4 октября 1993 года, начался **этап неолиберальной модели развития российского общества**. Была изменена система общественно-социальных приоритетов. В неолиберальном ключе вместо прежнего конституционного положения о труде на благо общества как главном критерии положения человека в обществе провозглашено, что гражданин сам и по своему усмотрению распоряжается своими способностями к труду. Отныне индивидуальная свобода человека превыше всего.

Результат неолиберального эксперимента над Россией очевиден: стабильное, с 1992 года, превышение смертности над рождаемостью, тотальное разрушение в 1992–1999 годах всех отраслей отечественной экономики, чудовищное за минувшие 30 лет расслоение общества на бедных и богатых, нарастающий отказ государства от своих социальных обязательств перед обществом, прежде всего в сферах здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения, полностью разрушили общенародную консолидацию общества. К сожалению, трудно не согласиться с утверждением, что выбор «русского будущего» в наши дни – это противостояние между самозваными либералами, у которых нет и не было никакой связи с либерализмом (западный либерализм не тождественен духу компрадорского первоначального капитализма, беззакония и тотальной деконструкции) и государственниками, среди которых давно нет или почти нет славянофилов [3, с. 83]. Государственники-почвенники к настоящему дню жёстко вытеснены с политической сцены России.

И всё же в 2019 году в пору говорить о провале попытки консолидации российского общества на основе неолиберальной идеологии, авторитет неолибералов в обществе почти иссяк, даже простые призывы обеспечивать права и свободы человека при отрицании социально-экономических прав граждан встречают уже не молчаливую настороженность, а публичное негодование. Всё тверже звучит позиция Всемирного Русского Народного Собора, подчеркнувшего ещё в 2006 году, что у народов существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека: это вера, нравственность, святости, Отечество⁵. Результаты же выборов различных уровней, даже при их уже традиционном административно-игровом характере, демонстрируют нарастающее падение легитимности власти.

После возвращения в 2014 году Крыма и Севастополя в состав России и начала гражданской войны на Украине нарастает воинствующая антироссийская политика США и их сателлитов. Вопросом цивилизационного выживания становится необходимость найти новые формы консолидации российского общества. Ради этого создан Общероссийский народный фронт, на это нацелены возникающие многочисленные российские НКО. Но новая консолидация российского общества возможна только при принятии в качестве наследия всех этапов истории Отечества, в том числе Советской цивилизации, при опоре на возрождение русских традиционных ценностей, прежде всего основанного на православии русского образа жизни [10, с. 319–321], при учитывающем культурно-историческую традицию генерировании конституционных ценностей [4, с. 172–174], при устранении отрыва государства от потребностей общества, от его интересов и целей. Только предложив современному российскому обществу достойную цель его развития, власть сможет рассчитывать на консолидацию общества вокруг неё ради достижения этой цели.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Природа и эволюция советских конституций // Памятники российского права: в 35 т. Т. 24. Конституции СССР и РСФСР: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 343 с.
2. Адоратский В. Коммунизм // Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучки. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925–1926. – Т. 2. – Стб. 488–494.

⁵ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 28.05.2019).

3. Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. – М.: Институт наследия, 2017. – 224 с.
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 528 с.
5. Высочайше утверждённые Основные государственные законы, 1906 г., 23 апреля // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1994. – 351 с.
6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 720 с.
7. Манифест об усовершенствовании государственного порядка, 1905 г., 17 октября // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1994. – 351 с.
8. Лабриола А. Реформа и социальный переворот. Синдикализм и социализм / полный пер. с итал. под ред. В.Ф. Тотомьянца. – [Б. м.]: Книгоиздательство «Освобождение труда», 1907. – 271 с.
9. Памятники российского права: в 35 т. Т. 24. Конституции СССР и РСФСР: учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 343 с.
10. Тарасевич И.А. Доктрина религиозной безопасности Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. – Тюмень: Печатник, 2019. – С. 319–321.

References

1. Avakjan S. Nature and evolution of the Soviet constitutions // Monuments of Russian law: in 35 t. Т. 24. The Constitution of the USSR and RSFSR: teaching and textbook / under gen. ed. R. L. Khachaturova. – М.: Jurlitinform, 2016. – 343 s.
2. Adoratsky V. Communism // Encyclopedia of State and law / ed. P. Stuchki. – М.: Izd-vo The Communist Academy, 1925–1926. – Т. 2. – Stb. 488–494.
3. Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. Patriotism and Russian civilizational identity in contemporary Russian society. – М.: Institute of heritage, 2017. – 224 s.
4. Bondar N. Judicial constitutionalism: doctrine and practice: monograph. – М.: INFRA-M, 2018. – 528 s.
5. Royally approved Major State laws 1906, 23 April // Russian legislation X–XX centuries. Т. 9. Legislation of the era of the bourgeois-democratic revolutions / отв. ed. O.I. Chistyakov. – М.: Legal. litt., 1994. – 351 s.
6. Zorkin V. Constitutional development in Russia. – М.: Norm: INFRA-M, 2011. – 720 s.
7. The manifesto on the improvement of public order, 1905, 17 October // Russian legislation X–XX centuries. Т. 9. Legislation of the era of the bourgeois-democratic revolutions / отв. ed. O. I. Chistyakov. – М.: Legal. litt., 1994. – 351 s.
8. Labriola A. Reform and social upheaval. Syndicalism and socialism / full. lane. with the ital. ed. V. Totomjanca. – [B. m]: Book publishing “The liberation of labour”, 1907. – 271 s.
9. Monuments of Russian law: in 35 t. Т. 24. The Constitution of the USSR and RSFSR: teaching and textbook / under gen. ed. R. Khachaturova. – М.: Jurlitinform, 2016. – 343 s.
10. Tarasevich I. Religious doctrine of security of the Russian Federation: constitutional and legal research. – Tyumen: Typographer, 2019. – S. 319–321.

УДК 342.4

25 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ РФ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ

Куксин Иван Николаевич,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права,

Институт права и управления,

e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru,

Московский городской педагогический университет, г. Москва

Четверть века – немалый срок для любого государства, особенно для государства, название которому Российская Федерация. 90-е годы прошлого столетия тяжелейшей поступью прошли по судьбам миллионов людей. Общество пережило серьезнейшую трансформацию страны: от государственного регулирования к рыночной экономике, от однопартийной системы к многопартийной. Это было время, когда у руководства страны четкого плана перемен не было, общество оказалось на историческом перепутье. Эти процессы сопровождались неверием, депрессией, экономика разваливалась, благосостояние людей упало ниже критической черты. В такое непростое время 1993 год стал переломным, референдум по Конституции стал актом общественного согласия. В статье 7 Конституции Российской Федерации записано: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Статья посвящена исследованию реализации принципа социальной справедливости. Опираясь на фактические источники, автор статьи делает вывод: одно из самых главных требований общества – восстановление социальной справедливости. Нерешенность многих проблем, затрагивающих, прежде всего, материальные интересы подавляющего числа граждан в различных сферах жизни, крайне болезненно воспринимается людьми. Выход из создавшегося положения автор видит, с одной стороны, в установлении основных причин, которые порождают социальную напряженность на данном этапе развития российского общества, а с другой – в поиске подходов к снятию или сглаживанию этой напряженности путем проведения дальнейших экономических реформ, которые бы отвечали интересам подавляющего большинства населения России.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, социальная справедливость, общественное согласие, коррупция, автоматизация, роботизация, компьютеризация

25 YEARS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIAL AND LEGAL REALITIES

Kuksin I.N.,

doctor of law, professor, professor of the theory and history,

Institute of law and management,

e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru,

Moscow City Pedagogical University, Moscow

A quarter of a century is a considerable time for any state, especially for a state whose name is Russian Federation. The 90s of the last century walked through the fate of millions of people in the hardest way. The society has gone through a most serious transformation of the country: from state regulation to a market economy, from a one-party system to a multi-party one. It was a time when the country's leadership did not have a clear plan for change, society turned out to be at a historic crossroads. These processes were accompanied by unbelief, depression, the economy was falling apart, people's well-being fell below a critical level. In such a difficult time, 1993 became a turning point, the referendum on the Constitution became an act of social consent. Article 7 of the Constitution of the Russian Federation states: "The Russian Federation is a social state whose policy is aimed at creating conditions ensuring a decent life and the free development of a person." The article is devoted to the study of the implementation of the principle of social justice. Based on actual sources, the article concludes that one of the most important demands of society is the restoration of social justice. The unresolved nature of many problems affecting, above all, the material interests of the overwhelming majority of citizens in various spheres of life, is extremely painful for people. The author sees a way out of this situation in establishing the

main reasons that give rise to social tensions at this stage of development of Russian society, and on the other, to find approaches to relieve or smooth out these tensions through further economic reforms that would meet the interests of the overwhelming majority of the Russian population.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, social justice, public consent, corruption, automation, robotization, computerization

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-15-22

Действующая Конституция – это Закон прямого действия. Прошедшие 25 лет показали, что Конституция, как фундамент, остается неизменной и обеспечивает устойчивость поступательного развития страны, она является жизнеспособной и жизнестойчивой. Внутри страны Конституция выступает ключевым фактором пусть не единодушного, но явно преобладающего общественного согласия, что дает право утверждать, что она обеспечивает социально-политическую стабильность в российском обществе. Таким образом, заложенные в Конституции нормы позволяют применять их содержание к динамично меняющимся социально-правовым реалиям, а сама она одновременно выполняет важнейшую социально-интегративную функцию.

Разумеется, в Конституции есть такие положения, которые объективно вызывают критические замечания. Однако нельзя не брать во внимание, что заложенные в ней положения, особенно социально-экономического характера, не могут быть выполнены в силу складывающихся ситуаций. Россия в текущий период сталкивается с многочисленными негативными как внешними, так и внутренними факторами, которые сдерживают ее экономический рост, а самое главное, они влияют, а порой и препятствуют эффективному решению социально-экономических проблем, от которых напрямую зависит благосостояние населения, моральный и социальный климат в обществе.

Перечень внешних факторов давления на Россию со стороны недружественных стран начинается от экономических санкций до наращивания и демонстрации вблизи наших границ военной активности. Такая целенаправленная политика Запада и, прежде всего, США, направлена на то, чтобы «сломать» Россию, чтобы она поступилась своими национальными интересами, внести деструктивные процессы в общество, вызвать враждебное отношение населения к власти и вообще показать Россию мировому сообществу в негативном свете. «При этом используются пещерный национализм, русофобия, осуществляются беспардонные, грубые вмешательства в церковную жизнь» [4].

Несмотря на то, что за последние годы в экономике России наблюдается некоторый поступательный процесс, в том числе и в сфере улучшения благосостояния народа, например, минимальный размер оплаты труда приравнен к прожиточному минимуму, тем не менее, это не явилось фундаментальным решением социальных проблем. Если в 2000 году за чертой бедности находилось 42 миллиона человек, это почти 30 % населения страны, в 2012 году удалось снизить этот показатель до 10 %, то в последние годы из-за последствий экономического кризиса уровень бедности вновь вырос [12].

Соответственно, в силу указанных и других причин социальное напряжение в обществе не спадает. Более того, сегодня в обществе сложилось вполне ясное представление о событиях 90-х годов прошлого столетия, а именно связь между социально-экономическими проблемами и несправедливостью приватизации в стране. Генеральный директор «Роснано» Анатолий Чубайс сделал следующее заявление на сессии «Бизнес – общество – власть: старые проблемы, старые ожидания», проходившей в рамках Общероссийского гражданского форума: «Российское общество глубоко инфантильно» и «за 25 лет не удосужилось даже сказать спасибо бизнесу один раз за то, что бизнес сделал в стране» [16]. По мнению главы госкомпании, российский бизнес «страну отстроил», «восстановил безнадежно обрушившиеся советские предприятия», «вернул зарплату людям», «наполнил бюджет деньгами» и «создал источники для того, чтобы наша интеллигенция получала средства на поддержку культуры, науки, образования». «Это все – бизнес российский. Это все сделали те, кого общество обзывает олигархами. Другого слова не придумали даже. Язык отражает мышление. Доброго слова о бизнесе нет у общества», – посетовал Чубайс.

Ответить на притязания Чубайса можно словами американского экономиста, одного из разработчиков политики «шоковой терапии» в Боливии, Польше и России, с 1991 по январь 1994 года руководителя группы экономических советников Президента России Б. Ельцина Джеффри Сакса: «Главное,

что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, продуманная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей» [9].

Её результаты имеют далеко идущие последствия. «Особенность России, – пишет Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, – заключается в том, что нынешнее российское общество уже достаточно хорошо осознает связь между социально-экономическими проблемами, стоящими перед значительной частью наших сограждан, и несправедливостью приватизации крупной собственности, проведенной в стране в 90-е годы прошлого века. А это не только ставит под сомнение легитимность сложившейся системы собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями и рисками, но и ведет к подрыву общественного доверия к справедливости социального устройства в целом» [8].

Проводимые на протяжении трех десятилетий экономические реформы не дали ожидаемого практического результата и не обеспечили реализации ключевых положений, которые содержит ст. 7 Конституции Российской Федерации – «достойная жизнь», «свободное развитие человека». Сегодня, очевидно, имеет место процесс крайне несправедливого распределения бремени проводимых реформ, которые не только не приостановили, но и еще больше усугубили социальное расслоение общества. «По данным официальной статистики, – утверждает Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, – децильный коэффициент (отношение доходов 10 % наиболее богатых к доходам 10 % наиболее бедных) в России один из самых высоких в мире и приближается к 17 единицам. По неофициальным авторитетным оценкам, масштабы социального расслоения в стране еще выше. За чертой бедности находятся свыше 20 млн россиян» [8].

Чтобы ярче и четче представить, что означает цифра 17, сравним этот показатель с другими странами. Так, обобщенный децильный коэффициент в странах Европейского союза равен 6 (наименьший – в скандинавских странах – около 4), в США – 15, в Японии – 6, в Северной Африке – 6 [15]. Общеизвестно, если децильный коэффициент достигает показателя более 10, общество на грани социального взрыва, и государству необходимо задуматься о регулировке негативного создавшегося положения, т.е. перераспределения благосостояния в пользу социально незащищенных слоев населения. В этой связи мы не должны забывать историю революционных событий 1917 года. Их причинами как раз и явился глубокий социально-экономический внутренний раскол российского общества, приведший к краху Российскую империю.

Но как сама власть, в лице отдельных чиновников разного ранга, рассматривает Россию как социальное государство, исходя из ст. 7 Конституции? В средствах массовой информации попадаются «крылатые фразы», некоторые из них становятся приметой времени. Приведем для наглядности три примера, чтобы понять, как людям питаться, как рожать и о ком заботиться.

Многие были свидетелями показанного по телеканалу диалога, который состоялся 12 октября 2018 года между депутатом от КПРФ Николаем Бондаренко и теперь уже экс-министром занятости, труда и миграции Саратовской области Натальей Соколовой, после заседания рабочей группы, на которой обсуждался вопрос об установлении прожиточного минимума пенсионера. Депутаты предложили в 2019 году увеличить его на 500 руб. – с учетом повышения цен на продукты. Соколова заявила, что увеличения на 288 руб. будет достаточно для «минимальных физиологических потребностей» [11]. По ее мнению, пенсионеры могут питаться на 3,5 тыс. руб. в месяц, покупая «макарошки» и обходясь без мяса, за что и была уволена губернатором Валерием Радаевым. Как подчеркнул глава региона, для руководителя регионального министерства недопустимо пренебрежительное отношение к темам, которые имеют жизненную важность для людей. К забывающим об ответственности будут приниматься самые жесткие меры. А вопрос касался увеличения прожиточного минимума пенсионера с 7990 до 8278 руб., из которых 3,5 тыс. руб. заложено на продукты.

Вспоминается и другой яркий пример пренебрежительного отношения к нуждам пенсионерам. 23 мая 2016 года в Крыму премьер-министр Д.А. Медведев в неформальном общении с жителями полуострова на жалобу одной из пенсионерок, что пенсии маленькие, всего 8 тыс. руб., и они не индексиру-

ются, заявил: ««Просто денег нет сейчас. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья» [5].

А как можно прокомментировать такой пример? В Новосибирске 19 октября 2018 года пенсионерка, недовольная повышением прожиточного минимума на 89 руб. (с 8725 до 8814 руб.), принесла в региональное Министерство труда «подарочный набор» на эту сумму. В него вошли: брусок хозяйственного мыла, бельевая веревка, спички и пачка соли [3].

Как известно, Президент Российской Федерации В.В. Путин по итогам состоявшейся 7 июня 2018 года прямой линии поручил Правительству РФ обеспечить ставку по ипотеке на уровне 6 % годовых для семей с четырьмя и более детьми. Помимо этого, каждый регион самостоятельно устанавливает для многодетных семей льготные кредиты, дотации, а также беспроцентные ссуды на приобретение строительных материалов и строительство жилья.

И что же мы видим на практике? Проиллюстрировать можно на примере Сахалинской области. Местная жительница, мать пятерых детей, Ольга Розенко 5 июля 2018 года подала заявление на выплату для улучшения жилищных условий, которая положена ей по закону. Но в конце месяца получила отказ. Чиновники, разъяснили, что Розенко не является многодетной матерью, так как, согласно местному законодательству «под многодетными семьями понимаются семьи, проживающие на территории Сахалинской области, воспитывающие четырех и более детей, включая усыновленных, каждый из которых рожден на территории Российской Федерации и проживает в семье» [2]. Дело в том, что четвертого ребенка Ольга родила в Республике Беларусь. Роды были преждевременные. Однако женщина почти сразу вернулась на родину и родила ещё одного малыша. «Но нам отказывают в выплате только потому, что Юлия родилась не в России. То, что в законе сказано о четырех и более детях, а четверо наших детей родились на Сахалине – никого не волнует», – говорит Ольга Розенко [2].

Женщина уже пыталась обжаловать решение органов соцзащиты в местной прокуратуре, правительстве Сахалина, а также в областной Думе. Однако не получила поддержки ни от одного из ведомств!

В приведенных примерах наглядно видно, что власть бездушна по отношению к своему народу, ей нет дела до чаяний конкретного человека, она демонстрирует безразличие, эгоизм и заботится только о своих потребностях. Следует, с одной стороны, согласиться с оценкой государственных служащих, которую дал Президент России, обращаясь с посланием к Федеральному Собранию: «абсолютное большинство государственных служащих – честные, порядочные люди, работающие на благо страны». Но ради объективности есть причины выразить сомнение по поводу сказанного Президентом. Зачем вообще люди стремятся и лезут во власть, неужели из-за великой любви к «своему ближнему» – т.е. к народу и из-за такой прямо непреодолимой их тяги сделать жизнь этого народа лучше? Или же все-таки из личных интересов и тех возможностей, что предоставляет это само нахождение во властных структурах по отношению к тем, кто не имеет доступа к такому определенному положению и соответствующим льготам, где, пользуясь этими расширенными правами, есть возможность так «слегка урвать» от того самого народа – кому хоть небольшой, а кому весьма лакомый кусочек. Так не стоит и не будем говорить, что основная масса нынешнего (раньше, может, и были такие совестливые, но не сейчас) чиновничества и государственных служащих являются образцом честности и порядочности, скорее всего, наоборот – это как редкое исключение из правил. Не для того они пробивались и проталкивались локтями во власть, чтоб «лечь костями» за народ, позабыв, прежде всего, свои личные интересы и себя любимых. Увы, порядочность при власти нынче в нашей сегодняшней стране несовместима, не модна и не котируется, так что сказанное в послании – это, скорее всего, только мечта и пожелание Президента видеть во власти именно вот таких честных, неподкупных и порядочных. Почему назначаемые чиновники в большинстве своем оказывались ворами и казнокрадами? Кто их назначает? В конце концов, не сами же они захватывают губернаторские кресла? Подтверждением этому является множество примеров. Так, вице-губернатор Псковской области Александр Кузнецов 14 декабря 2018 года задержан сотрудниками ФСБ. Он стал фигурантом дела о взятке в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ). Примечательно, что в ходе обыска в рабочем кабинете господина Кузнецова обнаружена ID-карта на его имя, выданная эстонскими властями, являющаяся удостоверением личности и подтверждающая право проживания в Эстонской Республике.

Нескончаемая череда взяточничества имеет место в системе МВД. Одна из самых показательных – это арест полковника-миллиардера (оказывается, есть такие полковники), заместителя начальника Управления «Г» Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) Дмитрия Захарченко, который был хранителем «общака» и главным казначеем своих коллег, замешанных в коррупции. При обыске квартиры его сестры обнаружилась наличность в рублях и валюте почти на 9 млрд руб., в автомобиле нашли еще 13 млн руб., 170 тыс. долл. и 5 тыс. евро. Подбив все его активы, следователи установили, что наличность, квартиры, машины и драгоценности полицейского тянут на 30 млрд руб. Цифры в рамках коррупции впечатляют. Для полноты картины можно сослаться на такой пример. 7 декабря 2018 года в Москве были задержаны сотрудник Управления экономической безопасности столичной полиции и начальник отдела Главного управления собственной безопасности МВД при получении взятки в 14 млн руб.

Приведенные примеры ярко и наглядно показывают разрыв между правовыми предписаниями, характеризующими те или иные аспекты социальной справедливости, и фактической реальностью. Общество устало от такого состояния, когда несправедливость имеет место в разных сферах жизни и, естественно, у простых граждан требование социальной справедливости выходит на первый план. Когда с экрана телевидения и страниц газет периодически вещают о том, что арестована вся верхушка руководства Республики (Марий Эл) или города (Сочи) за многомиллиардные хищения из бюджета страны, у простого населения возникает чувство безысходности. В эту проблему вливаются и проблемы по линии Ростуризма (сегодня это «многомиллиардная яма»). Люди выкупают путевки на сотни тысяч рублей, а получают, как судебную компенсацию, до десяти тысяч. Такова сегодня судебная практика. Вот он, пример защиты прав российского потребителя! И где найти справедливость: у чиновника, у суда? И это еще одна причина социальной поляризации общества.

Не так давно проведенные Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН исследования показали, что, сопоставляя СССР и современную страну, большинство (от 50 до 69 % опрошенных, в число которых вошли молодежь и старшее поколение, бедные и богатые, столичные жители и провинциалы), указали, что тогда «были идеалы», люди испытывали друг к другу доверие, в стране царили дисциплина и порядок, промышленность была мощной. Отмечалась также социальная защищенность граждан, успехи в образовании, науке, технике и искусстве, любовь людей к Родине и гордость за нее [6].

Чтобы дать положительный заряд экономическим процессам и тем самым снизить возникшую за последние годы социальную напряженность, необходимо выделить те первоочередные причины, которые мешают поступательному развитию государства, особенно в решении социально-экономических проблем.

Сегодня в российском обществе практически не решается проблема, которая прямо влияет на социальную напряженность – это проблема достижения общественного согласия. Несмотря на то, что действующая Конституция содержит нормы, которые направлены на решение этой проблемы, тем не менее, они не выполняют свою миссию и превратились в декларативные. О каком общественном согласии можно вести речь, когда в российском обществе демонстративно, нескрывая со стороны властей различного уровня нарушается один из главных принципов устройства общества – неуважение прав человека. Не он ли является, в первую очередь, источником напряженности в обществе? Подтверждением этого вывода является заявление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, высказанное на странице «Российской газеты». В частности, он пишет: «Судя по характеру многочисленных жалоб в Конституционный Суд, в настоящее время главным источником напряженности в российском обществе является нерешенность социально-экономических проблем, в том числе и недостаточная защита социальных прав граждан» [8].

Надо критически взглянуть на проводимые реформы, особенно в образовании, здравоохранении, социальной сфере. Явных успехов в указанных областях не наблюдается. Реформа образования привела к негативным последствиям, таким как значительное падение уровня образования, увеличение бюрократизации образовательной сферы и, как следствие всего этого, – проявление роста некомпетентности и непрофессионализма, что приводит к социальной напряженности в среде педагогических работников.

Не лучше обстоит дело и в области здравоохранения. Проводимые реформы все больше сужают бюджетную медицину, а это ведет к тому, что доступ всех категорий населения, особенно малообеспеченных, к бесплатным медицинским услугам в стране резко сократился.

В последние годы усиливается нерешенность социально-экономических проблем (рост зарплат если и наблюдается, то он настолько минимален, что инфляция все съедает, такое же положение складывается и в области пенсионной реформы) и прогнозы на последующие годы неутешительные. К указанным проблемам добавляется проблема непрофессионализма отдельных руководителей министерств, отвечающих за социальную политику. Сошлюсь на следующий пример. 24 октября 2018 года на «Правительственном часе» министр труда и соцзащиты М. Топилин, выступая в Совете Федерации, заявил: «По статистике за этот год заработные платы растут и в реальном, и в номинальном выражении беспрецедентными темпами – практически на 11 % увеличилась заработная плата» [1], сократилась численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. Он связал это с исполнением майских указов.

Такое заявление министра вызвало негативную реакцию главы Совета Федерации В. Матвиенко. Она раскритиковала работу министра, обвинив в непрофессионализме [7].

Тревожные тенденции наблюдаются на рынке труда, где происходит наращивание объемов трудовых нагрузок на работников с одновременным снижением их социальной защищенности, а самое главное, либо без роста заработных плат, либо работодатели ограничиваются ее минимальным ростом. Такое положение порождает высокую долю «работающих бедных». Ради объективности надо отметить, что в России в 2018 году в таком показателе, как уровень жизни населения, были положительные сдвиги в сторону увеличения прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда. С 1 мая 2018 года минимальный размер оплаты труда составляет 11 136 руб. [13]. Однако это повышение вряд ли приведет к кардинальному изменению в реализации принципа социальной справедливости. В качестве подтверждения этого вывода обратимся к проблеме личного банкротства граждан или индивидуальных предпринимателей. За 6 месяцев 2018 года арбитражные суды по всей стране признали банкротами 18 тысяч граждан [10]. Это те граждане, которые не могут погасить долги перед кредитором. Все, что единственно у них может остаться в собственности, это жилье. Однако и сам процесс признания гражданина неплатежеспособным также требует дополнительных финансовых затрат. И если произойдет очередная волна снижения доходов населения, а такое снижение может быть связано с различными причинами: санкциями, усилением инфляции, ослаблением рубля, доля таких лиц значительно увеличится, что негативно отразится на моральном климате в обществе.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде России, всего с должников было списано 74 млрд руб. [10], что для бюджета страны цифра немалая. Процедура личного банкротства, введенная в России с 2015 года, это не льгота, а в буквальном смысле правовое основание спасти человека от «финансовой петли». Для сравнения: в 2017 году, по данным того же Судебного департамента, арбитражные суды признали банкротами 27,4 тыс. граждан и списали долгов на 104,4 млрд руб. [10]. По прогнозам аналитиков, в финансовой сфере, если темпы нынешнего года сохранятся, будет списано долгов в полтора раза больше.

В настоящее время Россия вошла в сферу масштабной автоматизации, роботизации и компьютеризации производства. Как скажутся эти процессы на социальных отношениях в российском обществе? Нет сомнений, что роботизация и автоматизация – это положительное объективное явление. Положительным явлением этого процесса будет то, что они повлекут изменение производства в плане его эффективности, а отрицательным – социальную поляризацию. Роботизация дает возможность сокращать число работников и увеличивать производительность труда. Так, например, китайский фабрикант мобильных телефонов за счет роботизации сократил число сотрудников с 650 до 60. Она позволила значительно повысить производительность и качество продукции. Так, производительность труда выросла на 250 %, на одного сотрудника приходится теперь от 8 до 21 тысячи произведенных в месяц мобильных телефонов. При этом брак и дефекты сократились впятеро [14]. Эти невиданные ранее процессы в экономике объективно приводят к снижению числа рабочих мест, а для работников это означает потерю работы, а с ней уменьшение не только материального благополучия, но и социально-правового статуса и возможность реального доступа к кредитам, системе страхования и т.п. В этом случае роль

государства заключается в предвидении этих процессов и выработке таких мер, которые бы не привели к социальной напряженности в обществе, а еще хуже – к конфликтам.

XXI век – это век прорывных технологий, которые влияют и будут влиять на экономический и социальный уклад российского общества. Они направлены на поиск новых источников энергии, дальнейшее развитие компьютеризации и телекоммуникации, в том числе создания искусственного интеллекта и роботизированной технологии. Разработка инновационных технологий является очень важной и интересной сферой деятельности человека. Однако в этом сложном процессе есть и другая сторона – человек с его чаяниями и заботами, то, что принято называть социальным благополучием. Среди приоритетных проблем экономической политики социальное благополучие человека должно занимать центральное место. Это продолжительность его жизни, получение доступного здравоохранения и образования, создание в обществе социального благоприятного климата, выбор профессии человеком и его трудоустройство, гармоничное сочетание технологических достижений с этическими, нравственными нормами. Без всего перечисленного нельзя реализовать социальную справедливость, полноценно жить по Конституции. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Список литературы

1. «Беспрецедентные темпы»: что происходит с зарплатами [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/24/12033355.shtml> (дата обращения: 01.06.2019).
2. *Букатин А.* Многодетной матери отказали в субсидии на жилье из-за родов в другой стране [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.novostroy.ru/news/important/mnogodetnoy-materi-otkazali-v-subsidii-na-zhile-iz-za-rodov-v-drugoy-strane> (дата обращения: 14.06.2019).
3. В Сибири пенсионерка передала министру «подарки» на 89 рублей прибавки [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ria.ru/society/20181019/1531048504.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 18.06.2019).
4. Выступление В. Путина на заседании Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ltv.ru/news/2018-11-01/354977-vladimir_putin_vystupil_na_zasedanii_vsemirnogo_russkogo_narodnogo_sobora?start=auto (дата обращения: 02.06.2019).
5. Денег нет, но вы держитесь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fishki.net/1961862-deneg-net-no-vy-zdes-derzhites-kak-socseti-otreagirovali-na-slova-medvedeva.html> (дата обращения: 18.06.2019).
6. *Добрынина Е.* Круги потерянного рая // Российская газета. – 2018. – № 93. – 10 мая.
7. «Думать надо в другом месте! А тут – принимать решения!» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26898/3943641> (дата обращения: 01.06.2019).
8. *Зорькин В.Д.* Буква и дух Конституции // Российская газета. – 2018. – № 226. – 10 окт.
9. Интервью с Джеффри Саксом (англ.), 15 июня 2000 года. Чубайс: целью приватизации было уничтожение коммунизма [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.newsland.com/user/4296727782/content/chubais-tseliu-privatizatsii-bylo-unichtozhenie-kommunizma/4013136> (дата обращения: 16.06.2019).
10. Люди высокого долга // Российская газета. – 2018. – № 243. – 30 окт.
11. Не стыдно: почему чиновники вытирают ноги о людей. Газета. Ру [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/10/12_e_12018985.shtml (дата обращения: 14.06.2019).
12. *Путин В.В.* Выступление при представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. // Российская газета. – 2018. – № 7509. – 2 марта.
13. Федеральный закон от 07.03.2018 № 41-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.06.2019).
14. Что ждет людей в эпоху роботизации? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forum-msk.org/material/economic/12844532.html> (дата обращения: 01.06.2019).
15. Что такое децильный коэффициент? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.businessman.ru/new-cto-takoe-decilnyj-koefficient.html> (дата обращения: 02.06.2019).

16. Чубайс обвинил россиян в неблагодарности к олигархам [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pikabu.ru/story/chubays_obvinil_rossiyan_v_neblagodarnosti_k_oligarkham_6338905 (дата обращения: 16.06.2019).

References

1. «Беспрецедентные темпы»: что происходит с зарплатами [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/24/12033355.shtml> (дата обращения: 01.06.2019).
2. *Bukatin A.* Многодетной матери отказали в субсидии на жил'ю из-за родов в другой стране [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.novostroy.ru/news/important/mnogodetnoy-materi-otkazali-v-subsidii-na-zhile-iz-za-rodov-v-drugoy-strane> (дата обращения: 14.06.2019).
3. В Сибири пенсионерка передала министру «подарки» на 89 рублей прибавки [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ria.ru/society/20181019/1531048504.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 18.06.2019).
4. Выступление В. Путина на заседании Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.1tv.ru/news/2018-11-01/354977-vladimir_putin_vystupil_na_zasedanii_vsemirnogo_russkogo_narodnogo_sobora?start=auto (дата обращения: 02.06.2019).
5. Deneg net, no vy derzhites' [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fishki.net/1961862-deneg-net-no-vy-zdes-derzhites-kak-socseti-otreagirovali-na-slova-medvedeva.html> (дата обращения: 18.06.2019).
6. *Dobrynina E.* Krugi poteryannogo raya // Rossijskaya gazeta. – 2018. – № 93. – 10 maya.
7. «Думат' надо в другом месте! А тут – принимать' resheniya!» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26898/3943641> (дата обращения: 01.06.2019).
8. *Zor'kin V.D.* Bukva i duh Konstitucii // Rossijskaya gazeta. – 2018. – № 226. – 10 okt.
9. Interv'yu s Dzheffri Saksom (angl.), 15 iyunya 2000 goda. CHubajs: cel'yu privatizacii bylo unichtozhenie kommunizma [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.newsland.com/user/4296727782/content/chubais-tseliu-privatizatsii-bylo-unichtozhenie-kommunizma/4013136> (дата обращения: 16.06.2019).
10. Lyudi vysokogo dolga // Rossijskaya gazeta. – 2018. – № 243. – 30 okt.
11. Ne stydno: pochemu chinovniki vytirayut nogi o lyudej. Gazeta. Ru [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/10/12_e_12018985.shtml (дата обращения: 14.06.2019).
12. *Putin V.V.* Vystuplenie pri predstavlenii ezhegodnogo Poslaniya Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii 1 marta 2018 g. // Rossijskaya gazeta. – 2018. – № 7509. – 2 marta.
13. Federal'nyj zakon ot 07.03.2018 № 41-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 1 Federal'nogo zakona "O minimal'nom razmere oplaty truda"» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.06.2019).
14. Chto zhdet lyudej v epohu robotizacii? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forum-msk.org/material/economic/12844532.html> (дата обращения: 01.06.2019).
15. Chto takoe decil'nyj koefficient? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.businessman.ru/new-chto-takoe-decilnyj-koefficient.html> (дата обращения: 02.06.2019).
16. Chubajs obvinil rossiyan v neblagodarnosti k oligarkham [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pikabu.ru/story/chubays_obvinil_rossiyan_v_neblagodarnosti_k_oligarkham_6338905 (дата обращения: 16.06.2019).

УДК 342+341.1/8:34.05

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ашавский Борис Матвеевич,
канд. юрид. наук, профессор, ст. науч. сотрудник,
e-mail: t89163069740@yandex.ru,
Дипломатическая академия МИД России, г. Москва

В статье рассматривается соотношение Конституции Российской Федерации и международного права в контексте соотношения внутригосударственного и международного права.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, правовая система Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права

INTERNATIONAL LAW AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: INTERACTION PROBLEMS

Ashavskij B.M.,
PhD, professor, senior researcher,
e-mail: t89163069740@yandex.ru,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow

The article discusses the relationship between the Constitution of the Russian Federation and international law in the context of the relationship between domestic and international law.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, international treaties of the Russian Federation, the legal system of the Russian Federation, generally accepted principles and norms of international law

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-23-28

Международное право представляет собой систему норм, регулирующих межгосударственные отношения. Внутригосударственное право – система норм, регулирующих внутригосударственные отношения. Однако это системы относительно обособленные: они интенсивно взаимодействуют друг с другом.

Конституция Российской Федерации рассматривается обычно в контексте соотношения внутригосударственного и международного права. Причем в центре внимания – ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в которой закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Такой подход к исследованию оправдан. Однако связи нашей Конституции с международным правом этим не исчерпываются. В ней содержится целый ряд конкретных положений, которые опосредованно связаны с международным правом. В частности, в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», в ч. 1 ст. 17 закреплено: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

В соответствии с ч. 3 ст. 46 «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

В части 1 ст. 63 содержится следующее положение: «Российская Федерация представляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права».

В главе 3 «Федеральное устройство», в ст. 71 среди предметов ведения Российской Федерации находятся, среди прочего: «к) внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации; вопросы войны и мира»; а также: «н) определение статуса и защиты государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации».

В статье 79 закреплено: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации».

В главе 4 «Президент Российской Федерации», в ст. 80 говорится, что он «в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» (ч. 3), а также «как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях» (ч. 4).

В соответствии со ст. 86 «Президент Российской Федерации:

- а) осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации;
- б) ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации;
- в) подписывает ратификационные грамоты;
- г) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей».

В главе 5 «Федеральное собрание», в ст. 106 закреплено: «Обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам:

- ...г) ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации;
- д) статуса и защиты государственной границы Российской Федерации;
- е) войны и мира».

В главе 6 «Правительство Российской Федерации», в ч. 1 говорится, что оно ...д) осуществляет меры по ...реализации внешней политики Российской Федерации».

В главе 7 «Судебная власть», в ч. 6 ст. 125 закреплено:

...«не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению».

Все эти положения так или иначе связаны с международным правом. В основном через внешнюю политику и дипломатию.

Возвращаясь к ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, необходимо ответить на ряд вопросов.

В частности: что такое «общепризнанные принципы и нормы международного права»? Что такое «правовая система Российской Федерации»? Сохраняют ли они международно-правовой характер в ее составе?

«Общепризнанные принципы и нормы международного права» представляют собой однопорядковые понятия. Их, как правило, называют «основными общепризнанными».

В Постановлении от 10 октября 2003 года № 5 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил свою позицию по этому вопросу: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо...»

Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений».

Нормативность является важнейшей характеристикой этих принципов. В отечественной доктрине международного права это можно считать общепризнанным. Один из ведущих теоретиков международного права Р.Л. Бобров убедительно обосновал выводы о невозможности «трактовать принципы права как категории, отвлеченные от нормы, категории, выражающие только руководящие идеи и качественные особенности данной системы права» [4, с. 502–503].

Все основные общепризнанные принципы современного международного права, как отмечал Г.И. Тункин, следует отнести к императивным принципам [8, с. 140]. С.В. Черниченко, развивая эту точку зрения, пишет: «В основном принципы международного права носят императивный характер и предусматривают обязательства *erga omnes*, т.е. обязательства в отношении всех и каждого из членов межгосударственного сообщества [9, с. 101]. По его мнению, «они представляют собой своеобразное цементирующее начало среди огромного количества норм международного права, обязывающих различных его субъектов» [Там же].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Основные принципы современного общего международного права, как и все международно-правовые нормы, являются обязательными для субъектов, признавших их таковыми. Поскольку основные принципы являются нормами общепризнанными, то и их обязательность распространяется на всех субъектов международного общения. Однако основные принципы являются нормами высшими и императивными, обладающими большей обязательностью по сравнению с другими международно-правовыми нормами. Иными словами, основные принципы современного общего международного права относятся к нормам, имеющим характер *jus cogens* (императивный).

Системность принципов международного права является одной из их наиболее важных характеристик. Она нашла свое отражение в ряде международных актов. В первую очередь, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 1970 года [6, с. 133–143]. В частности, в ней закреплено: «При толковании и применении изложенные выше принципы являются взаимосвязанными и каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов...» [Там же, с. 143].

В Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, содержащейся в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном в Хельсинки 1 августа 1975 года, содержится следующее положение: «Все принципы, изложенные выше, имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других» [7, с. 339].

Перечень принципов международного права, содержащийся в Заключительном акте, отличается от того, который изложен в Декларации 1970 года.

Переходя к ответу на второй вопрос, необходимо сказать следующее. Нормы и принципы, как верно считает профессор С.В. Черниченко, «должны характеризовать содержание того, что понимается под правовой системой. Нормы должны, прежде всего, образовывать правовую систему. Без норм правовая система существовать не может. Международные договоры – это одна из форм воплощения международно-правовых норм. Сами по себе международные договоры как источники международного права не могут быть частью правовой системы. Ее частью служит то, что составляет содержание договоров» [10, с. 21].

Отвечая на третий вопрос, прежде всего, необходимо воспроизвести окончание ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Здесь предусмотрен приоритет в процессе применения правил (норм), содержащихся в договоре по сравнению с правилами (нормами), закрепленными законом. Другими словами, сравнивается содержание правил (норм), а не формы (источники) их существования.

Поскольку международное право может регулировать только межгосударственные отношения, то «российская правовая система... будет включать нормы и принципы международного (в том числе и договорные нормы) в трансформированном виде» [Там же].

Особо следует остановиться на Конституции Российской Федерации в контексте участия России в международных договорах. «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15 Конституции).

Считается, что при расхождении международного договора с Конституцией России российские суды должны применять Конституцию. Однако участие Российской Федерации в международном договоре предполагает, что договор не противоречит Конституции [Там же, с. 25].

Тем более, что ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров предусматривает: «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось его внутреннего права особо важного значения» [5, с. 358].

Поэтому в соответствии с упомянутой статьей Венской конвенции и принципом *pacta sunt servanda* все договоры должны соблюдаться независимо от их деления в российском праве.

К сожалению, российское законодательство не всегда следует этому конституционному положению. Так, в Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года в ст. 7 «Пресечение террористических актов в воздушной среде» содержится ряд положений, предусматривающих возможность применения Вооруженными силами РФ оружия и боевой техники в целях устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или в целях пресечения такого террористического акта (п. 1). В случаях, если воздушное судно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы (п. 2), а также в случае, если имеется достоверная информация о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы (п. 3), Вооруженные силы РФ применяют оружие и боевую технику для пресечения полета указанного воздушного судна путем его уничтожения (п. 2, 3).

Казалось бы, принятие таких норм совершенно оправдано, особенно в контексте событий 11 сентября. Однако существует обстоятельство, которое заставляет задуматься о правомерности принятия упомянутых положений. В частности, в протоколе, касающемся изменения Конвенции о международной гражданской авиации (Монреаль, 10 мая 1984 г.), который был ратифицирован СССР в 1990 году и вступил в силу в 1997 году, содержится статья 3 bis, в которой закреплено, что «Договаривающиеся государства признают, что каждое государство должно воздерживаться от того, чтобы прибегать к применению оружия против гражданских воздушных судов в полете, и что в случае перехвата не должна ставиться под угрозу жизнь находящихся на борту лиц и безопасность гражданского судна».

Таким образом, усматривается противоречие между обязательствами, принятыми на себя СССР и перешедшими затем в порядке правопреемства к Российской Федерации по упомянутому протоколу, и нормами, содержащимися в рассмотренном выше федеральном законе. Согласно п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, возникает проблема приведения в соответствие упомянутого федерального закона международным обязательствам, принятым на себя Российской Федерацией по рассмотренному протоколу.

В связи с этим вызывает вопросы одно из положений Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года, в частности:

«Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере... отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям»¹.

Тем не менее, как справедливо отмечает профессор С.В. Черниченко, нельзя рассматривать эту фразу «как стремление оставлять на усмотрение Российской Федерации вопрос об исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека»².

Напомним, что обращение в Конституционный Суд группы депутатов Госдумы как раз было связано с приговором ЕСПЧ заплатить более миллиарда евро бывшим акционерам НК «ЮКОС».

¹ См.: СЗ РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4658. – С. 11948.

² См.: Черниченко С.В. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации //Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8. (87). – С. 27.

Остается надеяться, что никто не будет исправлять Конституцию, заключая международный договор, или выходить из Венской конвенции о праве международных договоров.

Нет оснований говорить и о «тотальной предвзятости» ЕСПЧ в отношении России. Для нас очевидно более важна, прежде всего, реформа судебной и пенитенциарной системы России. Ведь 40 процентов жалоб российских граждан в Европейский Суд связаны с неисполнением судебных решений нашими судами. Что касается остальных жалоб, то большинство из них связано со временем рассмотрения дел в судебных инстанциях (затягиванием) и с условиями содержания в учреждениях нашей пенитенциарной системы. Иными словами, здесь «мяч на вашей стороне»: все зависит от нас. Роль Европейского Суда всего лишь субсидиарная: он не является дополнительной судебной инстанцией к тем, которые существуют в российской судебной системе. На наш взгляд, нельзя говорить и о предвзятости Суда. «Обида» нашей власти на необъективность Суда безосновательна. Нет «антироссийских» решений: вынесенные против России, они фактически фиксируют просчеты тех или иных российских государственных органов (судебных, правоохранительных и др.). Более того, мы должны благодарить Суд за «импульсы», которые он посылает России для совершенствования законодательства, судебной и пенитенциарной системы и исполнительного производства.

Список литературы

1. *Алексидзе Л.А.* Проблема *jus cogens* в современном международном праве // Тезисы докладов XII Ежегодного собрания Советской ассоциации международного права. – М., 1969. – С. 17–21.
2. *Ашавский Б.М.* Основные принципы международного права – нормативная основа международного экономического правопорядка // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 66–81.
3. *Ашавский Б.М.* Правовая природа принципа мирного сосуществования государств // *Sumus ubi sumus*. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека: *Liber Amicorum* в честь профессора Людмилы Петровны Ануфриевой / отв. ред. Н.А. Соколова. – М., 2016. – С. 87–94.
4. *Бобров Р.Л.* О понятии основных принципов международного права // Советский ежегодник международного права. 1958. – М., 1959. – С. 502, 503.
5. Действующее международное право: в 3 т. Т. 1. – М.: Изд. МНИМП, 1996. – С. 358.
6. *Кузнецов В.И., Тузмухамедов Р.А., Ушаков Н.А.* От Декрета о мире к Декларации мира. – М., 1972. – С. 133–143.
7. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. – Helsinki, 1975. – С. 339.
8. *Тункин Г.И.* Теория международного права. – М., 2006. – С. 140.
9. *Черниченко С.В.* Контурсы международного права. – М., 2014. – С. 101.
10. *Черниченко С.В.* Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87). – С. 21, 25, 27.
11. *Шестаков Л.Н.* О правовой природе норм *jus cogens* в современном международном праве // Вестник Московского университета. Серия XII. Право. – 1974. – № 2.
12. Юридический ежегодник Организации Объединенных Наций. 1969 год. – Нью-Йорк, 1971. – 448 с.

References

1. *Aleksidze L.A.* Problema *jus cogens* v sovremennom mezhdunarodnom prave // Tezisy dokladov XII Ezhegodnogo sobraniya Sovetskoj associacii mezhdunarodnogo prava. – M., 1969. – S. 17–21.
2. *Ashavskij B.M.* Osnovnye principy mezhdunarodnogo prava – normativnaya osnova mezhdunarodnogo ekonomicheskogo pravoporyadka // Evrazijskij, yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 1. – S. 66–81.
3. *Ashavskij B.M.* Pravovaya priroda principa mirnogo sosushchestvovaniya gosudarstv // *Sumus ubi sumus*. Mezhdunarodnoe pravo XXI veka: mir i bezopasnost', sotrudnichestvo, prava cheloveka: *Liber Amicorum* v chest' professora Lyudmily Petrovny Anufrievoy / отв. red. N.A. Sokolova. – M., 2016. – S. 87–94.
4. *Bobrov R.L.* O ponyatii osnovnyh principov mezhdunarodnogo prava // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1958. – M., 1959. – S. 502, 503.
5. *Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: v 3 t. T. 1.* – M.: Izd. MNIMP, 1996. – S. 358.
6. *Kuznecov V.I., Tuzmuhamedov R.A., Ushakov N.A.* Ot Dekreta o mire k Deklaracii mira. – M., 1972. – S. 133–143.

7. Soveshchanie op bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. Zaklyuchitel'nyj akt. – Helsinki, 1975. – S. 339.
8. *Tunkin G.I.* Teoriya mezhdunarodnogo prava. – M., 2006. – S. 140.
9. *Chernichenko S.V.* Kontury mezhdunarodnogo prava. – M., 2014. – S. 101.
10. *Chernichenko S.V.* Obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnye dogovory Rossijskoj Federacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2015. – № 8 (87). – S. 21, 25, 27.
11. *Shestakov L.N.* O pravovoj prirode norm jus cogens v sovremennom mezhdunarodnom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XII. Pravo. – 1974. – № 2.
12. Yuridicheskij ezhegodnik Organizacii Ob»edinennyh Nacij. 1969 god. – N'yu-Jork, 1971. – 448 s.

УДК 342+341.1

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Сауляк Олег Петрович,

д-р юрид. наук, доцент, председатель,

e-mail: Olegs69@mail.ru,

Московская коллегия адвокатов «Юристы-профессионалы», г. Москва,

Зейналов Шамиль Ашрафович,

заместитель директора,

e-mail: bryansk@rea.ru,

*Брянский филиал Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова, г. Брянск*

В статье рассматриваются проблемные вопросы имплементации норм международного права в национальную правовую систему Российской Федерации и их влияние на становление правопорядка в нашей стране.

Ключевые слова: Конституция, правопорядок, национальная правовая система, международное право, международный договор

CONSTITUTIONAL LAW AND ORDER AND THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF THE UNIVERSALLY RECOGNIZED PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW INTO THE NATIONAL LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

Saulyak O.P.,

doctor of legal sciences, professor, president,

e-mail: Olegs69@mail.ru,

Moscow Bar Association "Lawyers-professionals", Moscow,

Zeynalov Sh.A.,

deputy director,

e-mail: bryansk@rea.ru,

Bryansk branch of the Russian University of Economic G.V. Plehanov, Bryansk

In article problematic issues of implementation of rules of international law in the national legal system of the Russian Federation and their influence on formation of law and order in our country are considered.

Keywords: Constitution, law and order, national legal system, international law, international treaty

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-29-37

Прошедший 2018 год в жизни России – год юбилейных дат. Многие институты государства, созданные в далеком 1918 году, отмечали свой вековой юбилей. Однако не менее значительным событием на этом фоне выглядит 25-летие принятия действующей Конституции как главного политико-правового документа, определяющего общий вектор развития нашей страны и ее национальной правовой системы.

Правовая система каждой страны по-своему самобытна, что находит свое наглядное проявление в специфике структурного соединения элементов указанной системы, определении целей и принципов ее функционирования, закреплении круга основных источников внутригосударственного права, формировании правовой идеологии и юридических практик, правовых традиций и юридического опыта.

Подобные особенности внутреннего строения национальной правовой системы во многом определяют уникальность облика правопорядка, который выстраивается в конкретном государственно-организованном обществе.

Вместе с тем следует отметить, что в современных условиях заметно возрастает роль внешних факторов, влияющих на становление правопорядка в определенном социуме. Отчасти это обусловлено развитием глобализации, которая при всех своих недостатках и противоречиях стимулирует интеграционные процессы в жизни отдельных стран, регионов и мирового сообщества в целом. В сфере права одним из направлений подобной интеграции является сближение разноплановых национальных правовых систем с международно-правовой системой.

Российская Федерация является активным участником процессов международно-правовой интеграции. В условиях глобализации отечественная правовая система становится все более открытой и восприимчивой к воздействию общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров России. Юридическая наука исходит из презумпции, что воздействие этих факторов на национальный правопорядок носит позитивный характер. Однако практика правового регулирования свидетельствует, что процессы имплементации принципов и норм международного права в российскую правовую систему проходят не всегда успешно и порой сопряжены с существованием весьма серьезных проблем, анализ которых представляет несомненный научно-практический интерес.

Сближение разноплановых по своей сути международной и отечественной правовых систем началось несколько десятилетий назад. Первый «прорыв» в этом направлении связан с принятием в 1961 году Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, где в ст. 129 была закреплена норма о том, что если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора¹. В дальнейшем аналогичные положения получили нормативную фиксацию и в других основополагающих законах различных отраслей советского законодательства. Воспроизводили их и корреспондирующие им республиканские кодексы, в том числе и кодексы РСФСР.

Следующей значимой вехой в истории усиления взаимодействия отечественного и международного права стало принятие в 1977 году Конституции СССР. В статье 29 Основного закона указывалось, что отношения Советского Союза с другими государствами строятся в том числе на основе добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров².

Уже после распада Советского государства существенным шагом по пути соединения регулятивного потенциала международной и российской правовых систем явилось включение в апреле 1992 года в текст действовавшей на тот момент Конституции РСФСР (1978 г.) положений о том, что общепризнанные международные нормы имеют преимущество перед законами Российской Федерации (ст. 32). Но действие этой конституционной формулы ограничивалось лишь сферой прав человека³.

Конституция России 1993 года принципиально иначе решает вопросы взаимодействия национального и международного права. В соответствии с ч. 4 ст. 15 главного политико-правового документа Российского государства «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Регулятивное воздействие указанных принципов и норм, положений международных договоров распространяется на самый широкий спектр отношений не только межгосударственного, но и внутригосударственного характера.

¹ См.: Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 8 декабря 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.

² См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

³ См.: Закон РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 20. – Ст. 1084.

Отсылка к общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам России содержится и в ряде других статей Конституции нашей страны, которые, в частности, регламентируют вопросы: признания и гарантированности реализации прав человека и гражданина (ч. 1 ст. 17); гражданства (ст. 62); предоставления политического убежища (ст. 63); юрисдикции России на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне (ст. 67); обеспечения прав коренных малочисленных народов в России (ст. 69); обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46).

В этой связи в научной литературе не без оснований отмечается, что Конституция России, «развивая отечественный опыт взаимодействия национального и международного права и учитывая практику конституционного регулирования других государств, преодолела многие препятствия к открытости внутреннего правопорядка для норм международного права»⁴. Между тем эти обстоятельства едва ли сами по себе облегчают положение субъектов правового регулирования, которые, как свидетельствует юридическая практика, испытывают весьма серьезные затруднения в части, касающейся правильной реализации общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации.

Существование проблемных зон, прежде всего, в сфере применения международного права, обусловлено различными причинами. К числу таковых относится и известная степень неопределенности в существующей терминологии. Как отмечают специалисты, конституционные формулы «не всегда раскрывают и даже недостаточно точно отражают категории международного права» [14]. Так, действующая Конституция и законодательство нашей страны не содержат четкого ответа на вопрос, что представляют собой общепризнанные принципы и нормы международного права?

Долгое время в качестве ориентира для решения этого вопроса предлагалось использовать правила ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.), которая содержит дефиницию императивной нормы общего международного права (*jus cogens* – «неоспоримое право»). Согласно положениям указанной статьи, «императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»⁵.

Однако в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров речь идет об императивных нормах общего международного права, в то время как в Конституции России 1993 года говорится, с одной стороны, об общепризнанных принципах международного права, с другой – о его общепризнанных нормах. Чем же общепризнанные принципы отличаются от общепризнанных норм международного права?

Разрешить этот вопрос попытался Пленум Верховного Суда Российской Федерации своим постановлением от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Согласно положениям п. 1 названного постановления, «под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо». В свою очередь, по мнению Пленума, общепризнанной нормой международного права является «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»⁶.

Нетрудно заметить значительное совпадение правовых позиций, сформулированных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, и положений ст. 53 Венской конвенции о праве международ-

⁴ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М., 2009. – С. 44.

⁵ См.: Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12.

ных договоров. Но контрастной грани, позволяющей четко различать общепризнанные принципы и нормы международного права, Пленуму сформулировать не удалось. К тому же его разъяснения в этой части далеко небезупречны. Так, если следовать логике Пленума, то получается, что общепризнанная норма международного права отнюдь не является его императивной нормой (во всяком случае, четкого указания на это обстоятельство в правовых позициях, содержащихся в анализируемом постановлении, не содержится).

Сформулировав дефиницию общепризнанных принципов международного права, Пленум разъясняет, что отклонение от указанных принципов недопустимо. Когда же речь заходит об общепризнанных нормах международного права, то почему-то указывается, что они являются «юридически обязательными». В чем же состоит кардинальная разница между понятиями «недопустимость отклонения» и «юридическая обязательность»? Представляется, что Пленум несколько увлекся «игрой» в понятия, которые передают один и тот же смысл.

Более последовательной в плане различения общепризнанных принципов и норм международного права представляется позиция, согласно которой и те, и другие по своей природе – императивные нормы общего международного права. Но общепризнанные принципы имеют более фундаментальный характер, отражают суть международного права и стратегические цели международного сотрудничества. При этом каждый принцип всегда есть норма, но не каждая норма является принципом⁷.

В целях обеспечения единства судебной и правоприменительной практик, становления эффективного правопорядка в современной России требует «расшифровки» словосочетание «международным сообществом государств в целом». В юридической литературе неоднократно высказывалась точка зрения, что формулировка «в целом» отнюдь не означает «все государства», но предполагает признание данной нормы представительным большинством стран, включая и применяющее государство [6; 9; 13]. Однако до сих пор подобные уточнения не получили какого-либо нормативного закрепления.

В соответствии с п. 9 указанного выше постановления «неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта». При этом «неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права».

Дабы избежать подобных ошибок, суды и иные правоприменительные органы вынуждены решать далеко непростую задачу, связанную с необходимостью поиска и «вычленения» общепризнанных принципов и норм международного права, которые оказались «рассредоточены» по всему огромному массиву международно-правовых документов [7]. Некие ориентиры для судов и иных субъектов применения права попытался установить Пленум Верховного Суда Российской Федерации в анализируемом постановлении. Так, в п. 1 постановления указывается, что содержание общепризнанных принципов и норм международного права «может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений».

Но вряд ли эти разъяснения «спасают» судей и иных правоприменителей, поскольку неизбежно возникают следующие вопросы: «Какие конкретно документы ООН и ее специализированных учреждений имеет в виду Пленум? И почему только этих учреждений?». Обращает на себя внимание и некая «нестыковка» анализируемых правоположений и тех разъяснений, которые были даны судам ранее в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁸. Так, в п. 5 постановления Пленума от 31 октября 1995 г. № 8 указывалось, что общепризнанные принципы и нормы международного закрепляются в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности Всеобщей декларации прав человека⁹, Международном пакте о гражд-

⁷ См.: Международное право / под ред. Г.И. Тункина. – М., 1994. – С. 106.

⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. – 1995. – 28 дек.

⁹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 дек.

данских и политических правах¹⁰, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах¹¹).

Если же ориентироваться на практику деятельности Международного Суда как главного судебного органа ООН¹², то становится очевидным, что к числу источников общепризнанных принципов и норм международного права относятся не только международные конвенции (общего и специального характера), но и международные обычаи как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы¹³. Но (не понятно почему?) термин «международный обычай» вообще не встречается в тексте ни одного из двух названных постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ситуация, связанная с правильным применением на практике общепризнанных принципов и норм международного права, осложняется еще и тем обстоятельством, что на сегодняшний день не определен хотя бы их примерный перечень. Некое единодушие среди представителей юридического сообщества существует лишь относительно десяти базовых принципов международного права, которые получили свое закрепление в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (от 24 октября 1970 г.)¹⁴, и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.)¹⁵.

Согласно названным международно-правовым документам, к числу общепризнанных принципов международного права могут быть отнесены: 1) суверенное равенство государств, уважение прав, присущих суверенитету; 2) неприменение силы или угрозы силой; 3) нерушимость границ; 4) территориальная целостность государств; 5) мирное урегулирование споров; 6) невмешательство во внутренние дела; 7) уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; 8) равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; 9) сотрудничество между государствами; 10) добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Два из десяти указанных выше принципов (всеобщего уважения прав человека и добросовестного выполнения международных обязательств) определяются как общепризнанные и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. Относительно остальных положений международного права, которые могли бы быть отнесены к числу его общепризнанных принципов и норм, такого совпадения мнений не наблюдается. Напротив, представляется возможным вести речь о некоторой «разногласии», что само по себе не способствует становлению единообразной правоприменительной практики и эффективного правопорядка. Анализ судебных решений и иных актов индивидуального правового регулирования свидетельствует, что субъекты правоприменения, лишённые четких ориентиров, испытывая к тому же дефицит времени и информации, зачастую произвольно относят те или иные положения международно-правовых документов к числу общепризнанных принципов и норм международного права.

Ошибки такого рода можно наблюдать не только в деятельности районных (городских) судов, но и высших судебных инстанций страны. Так, в одном из своих определений Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по иску Л. к ООО «Интеррыбфлот» к общепризнанным принципам и нормам международного права отнесла рекомендации Международной организации труда (МОТ)¹⁶. В другом своем решении (от 20 октября 2003 г. № ГКПИ03-1072) та же

¹⁰ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

¹¹ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 292.

¹² См.: Устав Организаций Объединенных Наций // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 11–34.

¹³ См.: Статут Международного Суда // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 35.

¹⁴ См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 36–42.

¹⁵ См.: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 43–47.

¹⁶ См.: Постановления Президиума и определения Судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 1. – С. 3.

коллегия, признав недействующим подп. «а» п. 15 постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 г. № 1145 «О порядке и условиях совмещения профессий (должностей)», просто сослалась на общепризнанные принципы и нормы международного права без конкретного наименования¹⁷.

Как полагают специалисты, подобная «вольница» будет сохраняться до тех пор, пока в нашей стране не появится единый правовой акт, в котором будут четко перечислены хотя бы общепризнанные принципы международного права, которые сегодня являются составной частью правовой системы России [11]. В этой связи заслуживают поддержки предложения правоведов, апеллирующих к зарубежному юридическому опыту (например, Германии), что наиболее подходящим вариантом решения этой задачи может стать некий свод правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в порядке официального толкования ч. 4 ст. 15 действующей Конституции России¹⁸.

К целенаправленной работе над подобным документом, учитывая ее кропотливый и трудоемкий характер, должны, видимо, быть привлечены и представители юридической науки, и специалисты-практики. Но на сегодняшний день представляется возможным вести речь лишь о разрозненных (а потому, вероятно, и не слишком успешных) попытках отдельных авторов дополнить перечень общепризнанных принципов международного права. Предложения подобного плана, безусловно, представляют теоретический интерес, однако вряд ли способны служить в качестве надежного ориентира для правоприменительной практики.

Выстраивание в обществе эффективного правопорядка предполагает, что в процессе реализации общепризнанных принципов международного права субъекты правового регулирования должны учитывать их системный характер. Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 года при толковании и применении названных принципов следует исходить из того, что все «принципы являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов». Общепризнанные принципы международного права в равной степени императивны, что само по себе должно исключать любые попытки их противопоставления на этапе реализации. Между тем практика правового регулирования свидетельствует, что такие попытки давно перестали быть редкостью. Особенно часто это наблюдается при сопоставлении принципов права наций на самоопределение и территориальной целостности государства.

Конституция России 1993 года хранит молчание относительно того, как соотносятся между собой общепризнанные принципы, нормы международного права и положения международных договоров Российской Федерации? Как разрешаются коллизии между указанными принципами и нормами и федеральными законами? Наконец, каково соотношение общепризнанных принципов, норм международного права и положений самой Конституции? Между тем четкое и последовательное решение указанных вопросов представляется крайне значимым для становления эффективного правопорядка в нашей стране.

По поводу соотношения общепризнанных принципов международного права и международных договоров в отечественной юридической науке давно сложилась устойчивая позиция, согласно которой «содержащиеся в тех или иных международных договорах положения, противоречащие основным принципам международного права, не могут считаться действительными» [2; 8; 15]. Нормативной основой для подобного вывода являются, прежде всего, положения Устава ООН. В частности, ст. 103 Устава закрепляет следующее правило: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу».

В случае возникновения коллизии между положениями международных договоров Российской Федерации и общепризнанными нормами международного права приоритет в применении имеют по-

¹⁷ См.: Постановления Президиума и определения Судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 9. – С. 1–2.

¹⁸ См.: Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 528–531; *Бабай А.Н., Тимошенко В.С.* Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2006. – № 10. – С. 63; и др.

следние. Такой однозначный вывод вытекает из ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров, закрепляющей общепризнанную норму международного права, согласно которой «договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права».

Учитывая эти обстоятельства, вполне логичным представляется и утверждение о том, что в случаях конкуренции общепризнанные принципы и нормы международного права имеют приоритет в применении над положениями федеральных законов. Иная практическая позиция, как справедливо утверждается в научной литературе, может поставить под сомнение приверженность России цивилизованному мировому порядку, в основе которого лежит международное право, и привести к нарушению нашей страной своих международных обязательств¹⁹.

Относительно соотношения общепризнанных принципов, норм международного права и положений Конституции Российской Федерации в отечественной научной литературе высказывались три различных точки зрения. Сторонники первой из них полагают, что «общепризнанные принципы и нормы международного права в случае признания их Российской Федерацией стоят на уровне конституционных норм, т.е. имеют юридическую силу, равную юридической силе самой Конституции» [4; 5]. Однако подобная «примиренческая» позиция представляется малопродуктивной в практическом плане, поскольку открытым остается вопрос – в пользу каких предписаний (конституционных или международного права) должна разрешаться юридическая коллизия?

Вторая точка зрения исходит из примата общепризнанных принципов и норм международного права над Конституцией России. При этом правоведы часто ссылаются на ч. 1 ст. 17 Конституции нашей страны, согласно которой «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Буквальное и грамматическое толкование указанных конституционных положений, как уверяют некоторые специалисты, и позволяет сделать вывод о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права над нормами Конституции [10].

Если быть объективным, то приходится признать, что грамматическая конструкция, которую использовали авторы текста Конституции в ч. 1 ст. 17, не слишком удачна. Однако едва ли для определения места, которое занимают общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе нашей страны, достаточно будет ограничиться грамматическим и буквальным толкованием лишь одной статьи Конституции. Подобный подход ошибочен, в том числе и с точки зрения методологии анализа и толкования юридических текстов, поскольку искусственно «вырывает» из социально-правового контекста одно конституционное положение, игнорируя при этом его многочисленные взаимосвязи с другими нормативными предписаниями. Очевидно, что правильное уяснение и разъяснение смысла конституционно-правовых формул предполагает необходимость комплексного использования всего арсенала приемов и способов толкования (историко-политического, логического, системного, расширительного и т.д.).

В этой связи более последовательной является третья точка зрения. Ее сторонники, учитывая прямое действие Конституции как главного политико-правового акта, который обладает высшей юридической силой и закрепляет суверенный характер Российского государства, обосновывают вывод о том, что принципы и нормы Конституции Российской Федерации обладают приоритетом в применении перед общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами России [1; 3; 12; 16]. Любая иная позиция умаляет учредительный, рационализирующий и стабилизирующий потенциал Конституции, которая определяет ориентиры развития национальной правовой системы, ее отдельных элементов, включая и правопорядок.

Применительно к реалиям сегодняшнего дня представляется возможным вести речь о том, что не только в юридической науке, но и в сфере правового регулирования возобладала именно последняя точка зрения. Доказательством тому является Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 8 февраля 2006 г. № 36-СФ, в котором указывается буквально следующее:

¹⁹ См.: *Бабай А.Н., Тимошенко В.С.* Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации // *Российская юстиция.* – 2006. – № 10. – С. 64.

«Конституция Российской Федерации в рамках правовой системы России обладает высшей юридической силой по отношению ко всем внутригосударственным нормативным актам, а также положениям, предусмотренным нормами международного права. В случае возникновения коллизии между конституционными положениями и международно-правовыми положениями государственный орган согласно Конституции Российской Федерации должен руководствоваться правилами, закрепленными в Конституции Российской Федерации»²⁰.

Проблема обеспечения эффективного взаимодействия международной и российской правовых систем не исчерпывается вопросами сугубо юридического плана, а носит комплексный характер. Это предполагает необходимость успешного разрешения и целого ряда других задач. Например, требуют модернизации процессы подготовки, переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, в рамках которых особое внимание должно быть уделено изучению положений международного права и практики его применения органами ООН и ее специализированными учреждениями, Европейским Судом по правам человека, другими судебными инстанциями. Следует обратить особое внимание на вопросы надлежащего информационного и методического обеспечения деятельности правотворческих, судебных и иных правоприменительных органов, координации взаимодействия органов власти и ученых-юристов. Только на этой основе могут быть разработаны научно обоснованные рекомендации по успешной имплементации в национальную правовую систему России норм международного права и их последующей реализации в целях становления легитимного, гармоничного и стабильного правопорядка в общественной жизни.

Список литературы

1. *Безруков А.В.* Конституция, основной закон и международный договор: природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 7. – С. 11.
2. *Бобров Р.Л.* Современное международное право. – М., 1962. – С. 62.
3. *Бояришинов Б.Г.* Международные договоры в правовой системе Российской Федерации // Законодательство. – 1997. – № 4. – С. 34.
4. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. – М., 2005. – С. 103.
5. *Дагуев А.В.* Некоторые особенности производства по делам о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации // Юридический мир. – 2008. – № 11. – С. 34.
6. *Даниленко Г.М.* Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 119.
7. *Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю.* Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. и международно-правовые реалии // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2004. – № 4. – С. 26–31.
8. *Лукашук И.И.* Договоры, противоречащие императивной норме международного права // Право и политика. – 2005. – № 6. – С. 55–72.
9. *Лукашук И.И.* Международное право в судах государств. – СПб., 1993. – С. 135.
10. *Лукашук И.И.* Международное право. – М., 1996. – С. 238.
11. *Марочкин С.Ю.* Какие международные договоры подлежат применению судами // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 1. – С. 45, 46.
12. *Матвеева Т.Д.* Международное право. – М., 2004. – С. 76.
13. *Петров Д.Е.* Отрасль права: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2001. – С. 13.
14. *Поленина С.В.* Законотворчество в Российской Федерации. – М., 1996. – С. 30.
15. *Тункин Г.И.* Теория международного права. – М., 1970. – С. 114.
16. *Шульженко Ю.Л.* Самоохрана Конституции Российской Федерации. – М., 1997. – С. 18, 19.

²⁰ См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 февраля 2006 г. № 36-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года “О состоянии законодательства в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 7. – Ст. 746.

References

1. *Bezrukov A.V.* Konstituciya, osnovnoj zakon i mezhdunarodnyj dogovor: priroda i sootnoshenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2005. – № 7. – S. 11.
2. *Bobrov R.L.* Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo. – M., 1962. – S. 62.
3. *Boyarshinov B.G.* Mezhdunarodnye dogovory v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii // Zakonodatel'stvo. – 1997. – № 4. – S. 34.
4. *Vitruk N.V.* Konstitucionnoe pravosudie. Sudebno-konstitucionnoe pravo i process. – M., 2005. – S. 103.
5. *Daguev A.V.* Nekotorye osobennosti proizvodstva po delam o proverka konstitucionnosti ne vstupivshih v silu mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii // Yuridicheskij mir. – 2008. – № 11. – S. 34.
6. *Danilenko G.M.* Primenenie mezhdunarodnogo prava vo vnutrennej pravovoj sisteme Rossii: praktika Konstitucionnogo Suda // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 11. – S. 119.
7. *Ignatenko G.V., Marochkin S.Yu.* Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossii ot 10 oktyabrya 2003 g. i mezhdunarodno-pravovye realii // Byulleten' Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii. – 2004. – № 4. – S. 26–31.
8. *Lukashuk I.I.* Dogovory, protivorechashchie imperativnoj norme mezhdunarodnogo prava // Pravo i politika. – 2005. – № 6. – S. 55–72.
9. *Lukashuk I.I.* Mezhdunarodnoe pravo v sudah gosudarstv. – SPb., 1993. – S. 135.
10. *Lukashuk I.I.* Mezhdunarodnoe pravo. – M., 1996. – S. 238.
11. *Marochkin S.Yu.* Kakie mezhdunarodnye dogovory podlezhut primeneniyu sudami // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2005. – № 1. – S. 45, 46.
12. *Matveeva T.D.* Mezhdunarodnoe pravo. – M., 2004. – S. 76.
13. *Petrov D.E.* Otrasl' prava: avtoref. dis... kand. jurid. nauk: 12.00.01. – Saratov, 2001. – S. 13.
14. *Polenina S.V.* Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii. – M., 1996. – S. 30.
15. *Tunkin G.I.* Teoriya mezhdunarodnogo prava. – M., 1970. – S. 114.
16. *Shul'zhenko Yu.L.* Samoohrana Konstitucii Rossijskoj Federacii. – M., 1997. – S. 18, 19.

УДК 340.15

РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА РАСПУТЬЕ. ИЗЪЯНЫ И НЕДОСТАТКИ ДЕМОКРАТИИ

Марченко Михаил Николаевич,

*д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства
и права и политологии юридического факультета,
заслуженный деятель науки РФ,
e-mail: theory.law.msu@gmail.com,*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

В статье осуществляется разносторонний анализ достоинств и недостатков демократии в ее приложении к современной российской действительности.

Ключевые слова: демократия, власть, общество, государство, народ, толпа

RUSSIAN DEMOCRACY AT THE CROSSROADS. FLAWS AND SHORTCOMINGS OF DEMOCRACY

Marchenko M.N.,

*doctor of legal sciences, professor, head of the department of theory of State
and law and political science of the law faculty, honoured worker of science
of the Russian Federation,
e-mail: theory.law.msu@gmail.com,*

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article is carried out wide-ranging analysis of the strengths and weaknesses of democracy in its application to the modern Russian reality.

Keywords: democracy, power, society, the State, the people, the crowd

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-38-47

Исторический опыт существования и функционирования российских и иных государственных и негосударственных институтов, построенных на демократических принципах, со всей очевидностью свидетельствует о несомненных достоинствах и преимуществах демократии, независимо от того, как она понимается и как проявляется: в виде формы государственной власти и управления, средства разрешения возникающих в обществе и государстве политических и иных конфликтов, в виде способа согласования существующих в обществе различных интересов, или иным образом.

Однако, отдавая должное российской демократии, равно как и демократии других стран, ее, тем не менее, не следует преувеличивать, а тем более идеализировать. Не стоит уподобляться, как верно подмечается в отечественной литературе, «многим социально-политическим концепциям, равно как и общественному мнению в цивилизованных органах, которым свойственна идеализация демократии, взгляд на нее исключительно сквозь призму присущих ей достоинств» [7].

Ибо наряду с несомненными достоинствами российской, как и любой иной демократии, у нее имеется ряд очевидных недостатков и изъянов, нередко подвергающихся критическому рассмотрению на самых разных – академических и религиозных уровнях.

В качестве одного из многочисленных примеров критического подхода к демократии можно сослаться на известную работу П.И. Новгородцева под названием «Демократия на распутье», написанную им более ста лет назад.

С тех пор, повествует автор со ссылкой на Токвиля, «как в целом ряде стран демократия стала практической действительностью, она сделалась и в то же время предметом ожесточенной критики. И

если прежде самым характерным обобщением политической науки была мысль о грядущем торжестве демократии, теперь таким обобщением надо признать утверждение о неясности ее будущего» [14].

Современная политическая теория, продолжает ученый, «откидывает взгляды» на демократию как на некую «высшую и конечную форму, в которой политическое развитие достигает своей предельной формы». Она рассматривает эти взгляды как «наивные и поверхностные и противопоставляет им целый ряд наблюдений и выводов, снимающих с демократии ореол чудесного, сверхъестественного и вводящих ее в ряд естественных политических явлений, в ряд других политических форм» [Там же].

Подводя итог своим рассуждениям, П.И. Новгородцев приходит к выводу о том, что демократия и построенный на ее принципах «демократический строй привел не к ясному и прямому пути, а к распутью, что вместо того, чтобы быть разрешением задачи, демократия сама оказалась задачей». Она, не без оснований, заключает автор, «всегда есть распустье, есть система релятивизма, система открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог» [Там же].

Данный вывод ученого о демократии как о «распустье», ассоциирующемся с системой релятивизма, с системой «открытых дверей» и расходящихся «в неведомые стороны дорог» касается, как представляется, не только демократии как явления вообще, но и российской демократии – демократии российского общества и государства, в частности.

С особой очевидностью это проявляется в современный, постсоветский период их развития, когда официально прокламируемая демократия развивается в условиях радикального деления общества на десятки миллионов сверхбедных и небольшую кучку сверхбогатых граждан; когда декларируемое в стране формально-юридическое равенство нивелируется фактическим материальным и обусловленным им социально-политическим и иным неравенством; когда в обществе и государстве отсутствует не только стратегическая программа их развития, но даже не обозначена общесоциальная, объединяющая все сообщество «национальная идея».

Все это и многое другое, свидетельствующее об известной неопределенности и неустойчивости российского общества и государства, находящимся на современном этапе их развития, позволяет, с одной стороны, говорить о «распустье» российской демократии, а с другой – выявлять и критически рассматривать присущие ей по самой природе недостатки и возникающие в процессе ее становления и развития изъяны.

О каких недостатках демократии как явления вообще и российской демократии как ее конкретного проявления в частности идет речь?

Анализ отечественной и зарубежной литературы [17], посвященной рассмотрению «демократической» материи, со всей очевидностью свидетельствует о том, что демократия, как и любое иное социально-политическое явление, по своей природе и характеру является далеко не идеальным феноменом, обнаруживая целый ряд разного рода недостатков.

Следует заметить, что наличие их вовсе не означает бесполезности демократии или искусственного принижения ее роли и значения в жизни российского или любого иного общества и государства, как это иногда следует из рассуждений некоторых исследователей демократии.

В связи с этим, в частности, трудно согласиться с мнением митрополита Иоанна, рассматривающего данное явление с религиозных позиций в своей работе «Великая ложь демократии», в которой он рассуждает о том, что «все идеи демократии замешаны на лжи», что «человеческая история на всем своем протяжении не знала ни одного государства, где был бы на деле реализован принцип народоправства» и что Россия никогда не знала демократии, поскольку предки наши, будучи «весьма умными и предусмотрительными людьми», свято блюли себя от соблазнов демократической заразы и других предупреждали от такого неразумия [11].

Данный посыл, касающийся демократических идей и демократических институтов в разных странах, в том числе и в России, явно расходится с действительностью и уже потому не может быть положительно воспринят.

Начиная с Древней Греции и Древнего Рима, явившимися прародителями демократии, и вплоть до наших дней, последняя в ее различных – общесоциальных, социально-классовых, узкоклассовых и иных ипостасях всегда существовала и существует в человеческом мире, хотя и со значительными недостатками, изначально «заложенными» в ее природу и характер.

Среди наиболее значимых из них в научной литературе, в том числе в работе митрополита Иоанна «Великая ложь демократии» выделяются следующие.

Во-первых, доминирование в сущности и содержании демократии как явления количественных элементов («демократия» большинства) над качественными, имея в виду, что демократия в этом смысле выражает доверие (по Л. Тихомирову) «количественной силе», силе большинства.

Воплощение демократической идеи, отмечает в связи с этим Иоанн, «означает преимущественную власть количества над качеством, власть невежественной, искусно управляемой из-за кулис толпы над многовековым народным идеалом – абсурдную ситуацию, в которой понятие Истины и справедливости, добра и зла пытаются определить арифметическим большинством голосов» [11].

Во избежание этого, по мнению автора, сколько-нибудь осмысленное существование русского народа, «отдающего себе отчет в собственных религиозных и нравственных устремлениях, в наличии державной общенациональной идеи и возвышенной цели своего соборного бытия» с неизбежностью предполагает «отказ от механического принципа количественного превосходства в пользу качественного, духовного начала».

Во-вторых, «заложённая» в природу и характер демократии формально-юридическая и фактически неограниченная возможность манипулирования общественным мнением.

В особенности это касается, по мнению Иоанна, всеобщего прямого избирательного права, именуемого им явлением «аморальным и разрушительным», которое «развивает политический цинизм до невероятных размеров, делает народ объектом бесчестных манипуляций, получающих при современном развитии средств массовой информации поистине безудержный размах».

В-третьих, механический и релятивистский характер демократии, ставшей, по утверждению русского философа Н. Лосского, особенно после Октября 1917 года, «предметом отрицательной критики».

«Серьезных доводов у противников демократии, – повествует автор, – два». Первый из них сводится к тому, что «демократия имеет неорганический, механический характер». Суть его состоит в том, что «избрание народных представителей и принятие решений по большинству голосов есть продукт борьбы множества социальных атомов и арифметического перевеса одной суммы единиц над другими, но не выражение единой разумной воли» [8].

Второй «довод» касается релятивистского характера демократии, подвергаемой критике. Суть его заключается в том, что «демократия в своем поведении и развитии не опирается на единую систему истин и принципов, признаваемых абсолютными», а проводит в жизнь «изменчивые мнения изменчивого большинства», тем самым порождая неустойчивость в российском или ином обществе и государстве.

Демократия, подытоживает автор, «должна понимать истину как нечто относительное», она «практически стоит на стороне гносеологического и этического релятивизма» [8, с. 472].

В-четвертых, акцентирование внимания в сущности и содержании демократии на правах и свободах человека и гражданина, упуская при этом, как правило, его обязанности.

Со ссылкой на «святых отцов», утверждавших, что «человек есть олицетворенный долг», митрополит Иоанн по этому поводу не без оснований замечает, что «русское общество, всегда стремившееся настроить свое бытие в унисон с требованиями христианского мировоззрения, от века строилось на воспитании в человеке, прежде всего, твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей». И далее: «Горький опыт междоусобных распрей крепко-накрепко выучил наших предков: акцент на “права” неизбежно порождает упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки» [11, с. 344].

И в заключение: «Под сладкий убаюкивающий говорок» о естественных правах и потребностях человека современная бездуховная, технологическая и демократическая «цивилизация» насаждает «культ насилия и разврата, терпимость ко злу и извращениям человеческого естества. Грехи и страсти падшего человека раздувают до невероятных размеров, сознательно стимулируются и становятся источником бессовестной, бесчестной наживы», внедряемые в общественное сознание рыночные лозунги такой цивилизации – «Все на продажу», «Обогащайтесь!», «Живем один раз!» и им подобные, по справедливому замечанию митрополита Иоанна, «разъедают общественную мораль, в народе происходит распад национального самосознания, государство криминализируется, опутывается всепроникающими мафиозными связями и – неотвратимо движется к распаду» [Там же, с. 345].

В-пятых, хроническая неспособность, по мнению ряда критиков демократии, представительных демократических институтов аккумулировать в себе наиболее подготовленных, широко мыслящих депутатов, способных адекватно воспринимать и успешно решать стоящие перед обществом и государством в данное время краткосрочные и долгосрочные задачи.

«Во время простого правления, – рассуждал по этому поводу известный религиозно-философский мыслитель Л.А. Тихомиров, – цвет наций, действительные представители ее гения, ее величия заняты своим делом: ученый, медик, техник, фабрикант, земледелец – все находятся при своем деле и его не бросят, потому что любят его, вкладывают в него всю душу. Они только потому лучшие люди, что имеют это чувство. В обычное время представители гения нации не пойдут в депутаты, особенно парламентарные», поскольку «парламентский депутат обязан выражать чужую волю». «Для человека со своими идеями, – подчеркивает автор, – это вовсе не соблазнительно, даже противно» [20].

Подводя итог своим рассуждениям, Л.А. Тихомиров заключает, что «для человека, способного пробить себе дорогу на чем-нибудь более полезном, значение депутата не соблазнительно. Притом оно требует таких внешних способностей, которых у большинства лучших людей не бывает. Нужна бойкость речи, пронырливость, способность к интриге, неглубокие убеждения. Такие люди и подбираются на ремесло представительства» [Там же].

В силу существования в современной России и других государствах известного «ремесла представительства» и других подобного рода факторов, демократия превращается в автократию, поскольку «в демократиях с естественной необходимостью, – как писал П.И. Новгородцев, – над общей массой народа всегда выдвигаются немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь». Это, заключал автор, «давно замеченное, и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих» [14, с. 549].

Кроме названных недостатков демократии, «заложенных» в природе и характере, в научной литературе отмечаются также ее изъяны и недостатки, которые обнаруживаются в процессе ее реализации.

В числе последних исследователи нередко указывают на то, что демократия в ряде случаев, особенно тогда, когда слабы ее государственные и иные гарантии, порождает у индивидов состояние некоторой двойственности и незащищенности.

Поскольку в эпоху демократии и равенства, писал по этому поводу А. Токвиль, «никто не обязан оказывать содействие ближнему, так же, как никто не вправе рассчитывать на значительную поддержку со стороны, каждый индивидуум является одновременно и независимым и незащищенным». Эти два состояния, пояснял автор, «которые не следует ни смешивать, ни разделять, вырабатывают у человека демократического общества весьма двойственные инстинкты. Независимость придает ему уверенность и чувство собственного достоинства среди равных, а бессилие даст ему время от времени почувствовать необходимость посторонней поддержки, которую ему не от кого ждать, поскольку все, окружающие его, одинаково слабы и равнодушны». В демократических обществах, заключает исследователь, люди нередко «могут быть одновременно и гордыми, и рабски покорными» [21, с. 158, 159].

Важным изъяном демократии, помимо вопреки сложившемуся о ней представлению как о власти всего народа или его большинства, фактически выступает власть в виде меньшинства, она к тому же не гарантирует, что среди этого меньшинства не окажется большая или меньшая часть случайных, профессионально не подготовленных для управления страной или же вовсе не достойных по морально-этическим и иным причинам людей.

Отмечая, что «демократии всегда не хватает способности выбрать достойных людей», а также «желания и склонности к этому», Токвиль приходил к выводу о том, что «природа демократии такова, что она заставляет народные массы не подпускать выдающихся людей к власти», а эти люди, в свою очередь, «движимые не менее сильным природным чувством, бегут от политической карьеры, где трудно оставаться самим собой и идти по жизни, не оскверняясь» [Там же, с. 162].

Данное весьма важное и весьма знаковое положение, позволяющее глубже понять смысл демократии и правового государства, относится не только к реалиям XIX века, когда оно было сформулировано автором, но и к современной действительности. И касается оно не только Америки, на материалах общественно-политической жизни которой Токвиль написал содержащую данное положение работу, но и других стран, включая современную Россию [18].

На примере постсоветской России трудно не согласиться с Токвилем, ибо полуразрушенная страна вместе с экономикой и деморализованное общество свидетельствуют о том, что «демократии всегда не хватает способности выбрать достойных», а тем более «выдающихся» — стратегически мыслящих, профессионально самодостаточных, думающих о будущем своей страны в первую очередь, а не о личных и «семейных» интересах людей [5].

Трудно, в частности, если вообще возможно, понять с точки зрения здравого смысла и профессионализма, почему в стране при наличии первоклассных специалистов разного профиля сельским хозяйством «управляет» инженер-путеец, медик или юрист; военное ведомство возглавляет специалист по продаже мебели, а наукой и образованием «рулят» люди, имеющие, судя по результатам их «руководящей деятельности», весьма слабое представление о «временно доверенной» в их управление отрасли [3].

Не будучи профессионально подготовленным, как показывает печальный опыт постсоветской России и некоторых других «цивилизованных» стран, невозможно успешно управлять отраслью хозяйства, регионом или страной даже при наличии слывущих квалифицированными заместителей и помощников.

Это аксиома, как и бесспорно то, что во всех таких случаях по логике вещей основной интерес «непроизвольно», по мере постижения возможностей, которые «заложены» в занимаемой должности, будет перемещаться из общественной, публичной сферы в сферу личных, клановых, семейных и тому подобных интересов. Об этом не только свидетельствует, а весьма громко вопиет (в частности, через средства массовой информации) сложившаяся в отечественном правовом государстве довольно сомнительная с точки зрения элементарной морали «обыденная практика», в соответствии с которой десятки миллионов «рядовых россиян с трудом сводят концы с концами», а наиболее деятельные министры «зарабатывают» ежегодно по несколько сотен миллионов рублей [13].

Интернет-опрос, проведенный в 2010 году еженедельником «Аргументы и факты», показал, что только 14 % респондентов на вопрос: «Считаете ли вы себя бедным?» – ответили, что им «на все хватает»; 28 % – «хватает только на еду и одежду», а остальные (71 % опрошенных) граждане российского демократического, правового и социального государства безоговорочно отнесли себя к бедным слоям населения [1].

Наряду с отмеченными изъянами демократии в исследовательской литературе не без оснований указывается также на такой ее порок, как порождение ею, особенно во время выборных кампаний и разного рода массовых мероприятий, элементов популизма и демагогии со стороны как власть имущих, так и оппозиции [7, с. 39].

Разумеется, речь идет, прежде всего, о политических деятелях «усредненного», посредственного и ниже уровней, которые пытаются привлечь на свою сторону симпатии публики пламенными речами в защиту «сырых и обиженных», несбыточными обещаниями и т. п.

В отличие от настоящих политических деятелей – государственных мужей, думающих о судьбах своего Отечества, государства и общества, подобного рода «политики» заботятся преимущественно о своей «политической судьбе». Классическим образцом политической демагогии в современной России могут служить обещания в случае необходимости «дойти до Индийского океана», защитить обиженных русских от невзгод, построить «социализм XXI в.» [10] и др.

Для такого рода «политиков» и их демагогических и популистских творений демократия создает все необходимые условия, служит своеобразным базисом и платформой.

Нужно быть не в меру наивным человеком, чтобы всерьез поверить в то, что, придя к власти, эти «политики» будут «обслуживать» в первую очередь общественные интересы – интересы всего общества и государства, а не свои собственные, корыстные интересы. Хотя предполагается, как справедливо констатируют ученые, что в условиях демократии власть имущие должны непременно действовать в интересах большинства. Но при этом замечают, что «дело так обстоит далеко не всегда», ибо «пришедшее к власти демократическим путем меньшинство, особенно если оно представлено людьми безнравственными, гораздо охотнее действует в собственных интересах, которые вовсе не обязательно совпадают с общественными» [7, с. 39].

В неспособности демократии обеспечить, чтобы стоящее у власти меньшинство во всех без исключения случаях действовало не только и даже не столько в собственных интересах, сколько в интере-

сах большинства, несомненно, заключается очередной (причем весьма существенный) ее недостаток. Ведь по своей природе и характеру демократия как «власть народа» должна в любых обстоятельствах действовать в интересах большинства, если она действительно является демократией, а не маскирующейся под нее какой-либо олигархией.

Проводя различие между демократией и олигархией, Аристотель указывал наряду с различными интересами, лежащими в их основе, на наличие бедности или богатства, которые эти формы правления и режимы представляют. «То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия» [2].

Неспособность или же «нежелание» демократии обеспечить интересы большинства вместе с другими ее изъянами, не только не уменьшается, но еще больше усугубляется по мере ее развития и достижения правящим меньшинством от имени большинства, если не полной, то весьма значительной самостоятельности и, соответственно, бесконтрольности в решении всех жизненно важных вопросов, касающихся общества и государства.

При возникновении такого рода «режимных условий» правящего меньшинства, как показывает исторический опыт разных стран, общественные интересы полностью подменяются клановыми, «семейными», узкоклассовыми или иными групповыми интересами, что весьма губительно отражается на развитии общества и государства.

«Гибельным и преступным» считал И.А. Ильин «поведение властвующих групп и классов, если они пользуются недееспособностью народа для того, чтобы подменить государственный интерес классовым и удержать народное правосознание на низменном уровне». Этим, заключал автор, «они готовят беду не только себе, но и всему государству», поскольку «компрометируют саму идею политического единения», «воспитывают в народе слепое недоверие ко всякой власти, глухую злобу и темную жадность»; сами возвращают «ту чернь, которая однажды, потеряв страх, попытается упразднить культуру и государство и открыто заменить политическую власть своекорыстным произволом» [6].

Однако «своекорыстный произвол», как свидетельствует опыт многих «цивилизованных» стран, имеет место не только тогда, когда чернь, потеряв страх, пытается «упразднить культуру и государство», но и в других, наиболее благоприятных для «властвующих групп и классов» условиях, когда они сами зачастую с большой охотой и прилежанием творили и творят в рамках «правового демократического» государства этот самый «своекорыстный произвол».

В этом нетрудно убедиться, в частности, на примерах гонения радикальной оппозиции в США (маккартизм) и других «демократических правовых» государствах в 50-е годы XX столетия. Об этом же свидетельствует сложившаяся в США и некоторых других «демократических» странах к настоящему времени «практика» преследования не согласных с проводимой «властвующими группами и классами» политикой. Конкретным примером могут служить гонения на журналистов, карьеры которых, по их словам, «обратились в пепел» после того, как они попытались «быть объективными» в оценке агрессивной политики, проводимой властью имущими США в начале 2000-х годов в Ираке [16].

Кроме этих данных можно привести массу и других им подобных примеров, свидетельствующих о «своекорыстном произволе» властей предрежащих в современных, именующих себя правовыми и демократическими государствах.

Однако не в них самих по себе сейчас дело, а в том, что эти и другие им подобные примеры подтверждают тот неоспоримый факт, что «своекорыстный произвол» в отношении несогласных с политикой правящего меньшинства «от имени и в интересах большинства» – дело не только прошлого в «демократических правовых» государствах, но это и их настоящее. И здесь без политического и идеологического лукавства ничего ни прибавить ни убавить, во-первых. Во-вторых, эти и им подобные примеры свидетельствуют о том, что, пресекая в корне оппозиционно настроенные силы, власть имущие стремятся держать в неведении относительно настоящих целей проводимой ими политики не только своих критически настроенных оппонентов, но и все общество в целом.

При этом демократия в лице правящего меньшинства зачастую не просвещает в политическом плане (на выборах, различных массовых мероприятиях и т. д.) общество, как об этом повествуют ее идеологи, а с помощью односторонне поданной и к тому же изрядно препарированной информации

вводит в заблуждение, зомбирует население, делает из него послушное социальное стадо, стремится превратить думающий народ в толпу, а демократию – «власть народа» – в массократию, или толпократию – «власть» во всем послушной ее лидерам неразмышляющей толпы.

Характерными особенностями последней, как свидетельствуют социальные психологи, являются такие как:

а) психологическое подавление индивида и его полное подчинение разбушевавшейся в своих страстях толпе. Поразительный факт, замечают в связи с этим исследователи, заключается в том, что каковы бы ни были индивиды, составляющие толпу, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, их превращения в толпу достаточно для того, чтобы «у них образовался род коллективной души, заставляющий их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности» [9, с. 156];

б) преобладание в толпе бессознательного над сознательным. Сознательная жизнь ума в этих условиях, по наблюдению Г. Лебона, «составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью». В толпе индивид «перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует». Его состояние «очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта». Такой субъект, вследствие «парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которым гипнотизер управляет по своему произволу». Сознательная личность у загипнотизированного совершенно исчезает, так же, как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера [Там же, с. 160];

в) в толпе исчезают любые выдающиеся, незаурядные качества индивида и доминируют общие для всех самые заурядные качества. Такое «соединение заурядных качеств в толпе» и объясняет нам, по мнению автора, почему толпа никогда не может выполнить действия, требующие возвышенного ума. Решения, касающиеся общих интересов, принятые собранием даже знаменитых людей в области разных специальностей, мало чем отличаются «от решений, принятых собранием глупцов», так как и в том, и в другом случае «соединяются не какие-нибудь выдающиеся качества, а только заурядные, встречающиеся у всех. В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума» [Там же, с. 163];

г) чрезмерная легковёрность толпы и податливость ее внушению. Всегда блуждая на границе бессознательного, толпа, лишённая всяких критических возможностей, является весьма склонной к восприятию всякого рода легенд, «самых неправдоподобных рассказов», небылиц, а также к «коллективным галлюцинациям».

Не нужно даже, чтобы шли столетия после смерти героев, писал Г. Лебон, для того чтобы «воображение толпы видоизменяло их легенду». Превращение легенды совершается иногда в несколько лет. Так, «при Бурбонах Наполеон изображался каким-то идилическим филантропом и либералом, другом униженных. Тридцать лет спустя добродушный герой превратился в кровожадного деспота, который завладел властью и свободой, погубил три миллиона человек единственно только для удовлетворения своего тщеславия. Теперь мы присутствуем при новом превращении этой легенды. Когда пройдет еще несколько десятков столетий, ученые будущего ввиду таких противоречивых повествований о герое, быть может, вообще подвергнут сомнению само его существование».

Аналогично обстоит дело с представлением масс о «национальных героях» не только во Франции, но и в других странах, в том числе и в России. Так, если в советский период с благоговением относились к идеализированному образу основателей Советского государства – Ленину и Сталину и с определенной долей критицизма – к последнему в России «царю-батюшке» Николаю II, то в постсоветский период за неимением новых, такого масштаба «героев», с официальной точки зрения предпринимаются значительные усилия все поменять наоборот: воскресить образ «царя-батюшки» и придать анафеме образ вождей «иродов-коммунистов»;

д) склонность толпы к впадению в крайности, преувеличениям происходящих событий, к «однородности чувств» и восприятия. Однородность и преувеличение чувств толпы ведут к тому, что она не ведаёт ни сомнений, ни колебаний. «Как женщина, толпа всегда впадает в крайности». Высказанное подозрение тотчас же превращается в неоспоримую очевидность. Чувство антипатии и неодобрения, едва зарождающееся в отдельном индивиде, «в толпе тотчас же превращается у него в самую свирепую ненависть» [Там же, с. 178].

В толпе индивид приближается, по мнению отдельных социальных психологов, «к примитивным существам», «дурак, невежда и завистник освобождаются от сознания своего ничтожества и бессилия, заменяющегося у них сознанием грубой силы, преходящей, но безмерной» [9, с. 179];

е) заразительность толпы всякого рода митинговыми лозунгами и призывами, осознание ее чувства неодолимой силы, импульсивность, изменчивость в настроениях и мнениях, консерватизм и нетерпимость;

ж) авторитарность толпы в своих суждениях.

Это означает, с одной стороны, что толпа не терпит каких бы то ни было возражений и «прекословий». Индивид «может перенести противоречие и оспаривание, толпа же их не переносит». Малейшее публичное прекословие «немедленно вызывает яростные крики и бурные ругательства в толпе, за которыми следуют действия и изгнания оратора» [Там же, с. 181]. С другой стороны, это означает, что толпа сама бывает весьма податливой и восприимчивой по отношению к таким «определенным чувствам», как авторитарность и нетерпимость, «как только они будут ей навязаны».

Массы, поясняет в связи с этим Г. Лебон, «уважают только силу, и доброта их мало трогает», ибо они смотрят на нее как на одну из форм слабости. И далее: «Симпатии толпы всегда были на стороне тиранов, подчиняющих ее себе, а не на стороне добрых властителей». Самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним. Если толпа охотно топчет повергнутого деспота, то это происходит лишь оттого, что, «потеряв силу, деспот этот уже впадает в категорию слабых, которых презирают, потому что их не боятся» [12].

Наряду с названными социальные психологи выделяют и другие специфические черты и особенности такого социального феномена, как толпа, который формируется и оказывает определенное влияние на процесс развития правового, равно как и любого иного современного государства, не без воздействия на него тех или иных изъянов (в виде демагогии, популизма, несбыточных обещаний политических и общественных деятелей и проч.) демократии.

При этом важно отметить, что разного рода изъяны демократии, по наблюдению исследователей, могут оказывать пагубное влияние не только на отдельные слои населения, а через них – на государство, но и на все общество. «Целый народ под воздействием известных влияний, – подчеркивал Г. Лебон, – иногда становится толпой» [9, с. 157]. В настоящее время в качестве таких «известных влияний» могут выступать массивное воздействие на сознание масс со стороны официальной идеологии и пропаганды, оболванивание населения средствами массовой информации, зомбирование его с помощью других находящихся в распоряжении правящих кругов средств.

Постсоветская Россия так же, как и некоторые другие «молодые демократии», дает множество примеров того, как с помощью телевидения и других средств массовой информации из общества, думающего, много читающего и размышляющего, пытаются вылепить сугубо потребительское общество, духовно всеядное, ориентированное на западные ценности, послушное социальное стадо, которое представляло бы собой, по замечанию известного социального психолога Г. Тарда, «до некоторой степени явление из царства животных» [19].

Разумеется, таким обществом до определенного времени, а именно до тех пор, пока оно полностью не осознает, будучи ограбленным в 1990-е годы власть имущими постсоветской России и их приближенными, своего униженного положения [15], относительно легко манипулировать и управлять, можно даже намеренно или невольно, следуя советам извне, усугублять нынешнее деморализованное состояние общества, в частности, с помощью введения весьма спорной с точки зрения здравого смысла и национальных интересов России системы обучения – дрессировки под названием «ЕГЭ и Болонский процесс», не позволяющей воспитывать высокообразованное думающее поколение [4]. Им тоже в течение определенного времени (но не без конца) можно будет относительно легко манипулировать и управлять. Однако с ним нельзя будет построить ни задекларированное в конституционном порядке правовое и социальное государство, ни гражданское общество. Если, конечно, к этой декларации относиться серьезно на деле, а не на словах.

Список литературы

1. Аргументы и факты. – 2010. – № 18.
2. *Аристотель* // Политика. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. – Кн. 3. – С. 156.
3. *Воронов В.* Стоп, кадр! «Кадровый резерв» президента Медведева – люди не на своем месте, завалившие уже не один участок работы // Совершенно секретно. – 2010. – № 2.
4. *Гранин Д.* Воспитание лакеев // Российская газета. – 2009. – 13 янв.
5. *Ельцин Б.Н.* Семья. Десять лет спустя // Аргументы и факты. – 2009. – № 52.
6. *Ильин И.А.* Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. – М., 2003. – С. 281.
7. *Керимов А.Д.* Изъяны демократии и возможные пути их преодоления // Право и политика. – 2002. – № 4 (28). – С. 41.
8. *Лаосский Н.О.* Органическое строение общества и демократия // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 4. Политическая мысль в России. Вторая половина XIX–XX в. – М., 1997. – С. 472.
9. *Лебон Г.* Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
10. *Миронов С.* Социализм XXI века. Октябрьские тезисы // Время новостей. – 2007. – 11 окт. – С. 4.
11. *Митрополит Иоанн.* «Великая ложь демократии» // Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – СПб., 1995. – С. 341.
12. *Московичи С.* Век толпы. Исторический трактат по психологии масс. – М., 1998. – 354 с.
13. *Никитина В., Гудкова В.* Почему нынче министр? Члены Правительства РФ отчитались о своих доходах // Аргументы и факты. – 2009. – № 16.
14. *Новгородцев П.И.* Демократия на распутье // Об общественном идеале. – М., 1991. – 640 с.
15. *Окунева О.* По болонскому счету // Аргументы и факты. – 2011. – № 28 (269).
16. *Пятилетова Л., Дульман П.* Уволенный Америкос // Российская газета. – 2003. – 2 апр.
17. *Салмин Л.М.* Современная демократия. Очерки становления. – М., 1997. – 447 с.
18. *Тарасов Е.* Будут ли во главе России стоять настоящие государственные деятели? Как России остаться в XXI веке государством? // Независимая газета. – 2001. – 12 марта.
19. *Тард Г.* Мнение и толпа. – М., 2008. – С. 259.
20. *Тихомиров Л.А.* Демократия либеральная и социальная. Социальные миражи современности // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 4. Политическая мысль в России. Вторая половина XIX–XX в. – М., 1997. – С. 256.
21. *Токвиль А.* О демократии в Америке. – М., 2000. – С. 158.

References

1. Argumenty i fakty. – 2010. – № 18.
2. *Aristotel'* // Politika. – M.: M. i S. Sabachnikovy, 1911. – Kn. 3. – S. 156.
3. *Voronov V.* Stop, kadr! «Kadrovyy rezerv» prezidenta Medvedeva – lyudi ne na svoem meste, zavalivshie uzhe ne odin uchastok raboty // Sovershenno sekretno. – 2010. – № 2.
4. *Granin D.* Vospitanie lakeev // Rossiiskaya gazeta. – 2009. – 13 yanv.
5. *El'cin B.N.* Sem'ya. Desyat' let spustya // Argumenty i fakty. – 2009. – № 52.
6. *Il'in I.A.* Teoriya prava i gosudarstva / pod red. V.A. Tomsinova. – M., 2003. – S. 281.
7. *Kerimov A.D.* Iz'yany demokratii i vozmozhnye puti ih preodoleniya // Pravo i politika. – 2002. – № 4 (28). – S. 41.
8. *Laoskij N.O.* Organicheskoe stroenie obshchestvo i demokratiya // Antologiya mirovoj politicheskoy mysli: v 5 t. T. 4. Politicheskaya mysl' v Rossii. Vtoraya polovina XIX–XX v. – M., 1997. – S. 472.
9. *Lebon G.* Psihologiya narodov i mass. – SPb.: Maket, 1995. – 311 s.
10. *Mironov S.* Socializm XXI veka. Oktyabr'skie tezisy // Vremya novostej. – 2007. – 11 okt. – S. 4.
11. *Mitropolit Ioann.* «Velikaya lozh' demokratii» // Samoderzhavie duha. Ocherki russkogo samosoznaniya. – SPb., 1995. – S. 341.
12. *Moskovichi S.* Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psihologii mass. – M., 1998. – 354 s.
13. *Nikitina V., Gudkova V.* Pochem nynche ministr? CHleny Pravitel'stva RF otchitalis' o svoih dohodah // Argumenty i fakty. – 2009. – № 16.

14. *Novgorodcev P.I.* Demokratiya na rasput'e // Ob obshchestvennom ideale. – М., 1991. – 640 с.
15. *Okuneva O.* Po bolonskomu schetu // Argumenty i fakty. – 2011. – № 28 (269).
16. *Pyatiletova L., Dul'man P.* Uvolennyj Amerikov // Rossiiskaya gazeta. – 2003. – 2 apr.
17. *Salmin L.M.* Sovremennaya demokratiya. Ocherki stanovleniya. – М., 1997. – 447 с.
18. *Tarasov E.* Budet li vo glave Rossii stoyat' nastoyashchie gosudarstvennye deyateli? Kak Rossii ostat'sya v XXI veke gosudarstvom? // Nezavisimaya gazeta. – 2001. – 12 marta.
19. *Tard G.* Mnenie i tolpa. – М., 2008. – S. 259.
20. *Tihomirov L.A.* Demokratiya liberal'naya i social'naya. Social'nye mirazhi sovremennosti // Antologiya mirovoj politicheskoy mysli: v 5 t. T. 4. Politicheskaya mysl' v Rossii. Vtoraya polovina XIX–XX v. – М., 1997. – S. 256.
21. *Tokvil'A.* O demokratii v Amerike. – М., 2000. – S. 158.

УДК 321.01+321.7+342.3+342.5

НАРОДОВАСТНИЕ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Селихов Николай Васильевич,

канд. юрид. наук,

независимый исследователь,

e-mail: selihovnv@mail.ru,

г. Москва

В статье на концептуальном уровне актуализируются проблемы реализации конституционно заявленного принципа народовластия, анализируется сложившийся в России политико-правовой режим свободного политического представительства. Предложена формулировка национальной идеи, обеспечивающей единство многонационального российского народа и целостности его государства. Попутно указываются причины, препятствующие установлению режима народовластия в стране, смены научной и социальной парадигмы о правлении народа как коллективного правосубъекта.

Ключевые слова: государство, народ, народовластие, социальное единство, национальная идея

DEMOCRACY AS A FOUNDATION OF SOCIAL UNITY OF RUSSIAN STATE

Selikhov N.V.,

candidate of legal sciences,

independent researcher,

e-mail: selihovnv@mail.ru,

Moscow

In the article, the problems of implementation of constitutionally declared principle of democracy are actualized conceptually. The established in Russia political and law regime of free political representation is analyzed. The wording of national idea providing the unity of multi-national Russian people and state integrity is proposed. On the side, there are specified the reasons which obstruct the establishment of the regime of democracy in state and the shift of scientific and social paradigm of rule of the people as a collective subject of law.

Keywords: state, people, democracy, social unity, national idea

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-48-54

Близится первый юбилей новейшего российского государства. Научному сообществу пора подвести итоги начального этапа его строительства. Ориентиром оценки достижений и определённых неудач в этой области должны стать институциональные идеи, заложенные в Конституции России. Именно они призваны сформировать социальный облик нашей государственности, определить вектор развития её социально-правовых институтов, характер и функциональное значение складывающегося механизма взаимодействия гражданского общества и органов публичной власти (политико-правового механизма).

В этой связи первостепенная задача юридической науки кроется в объективном сравнении представлений о желанном конституционном образе нашего государства и реалиях его воплощения. Сопоставляя *должное* и *сущее*, мы осознаём глубину и причины проблем, тормозящих реализацию задумок российского народа в обновлении государства, начавшегося в 1993 году.

Начнём с главной из них – поиска *национальной идеи*. На каждом этапе своего существования Россия неизменно сталкивалась с этой загадкой, видные государственные мужи и пытливые умы отечественной науки годами ломали голову над её разрешением. Она обрамлялась то в метафизические формулировки «Москва – третий Рим» и «окно в Европу», то в стремление к светлому коммунистическому будущему или, наоборот, к освобождению от социалистической идеологии и построению человекоцен-

тричного государства, опирающегося на политический плюрализм и свободу экономики. Идеям этим несть числа, их роднит облик политического миража. Ни одна из них никогда не была реализована до конца, ибо не охватывала массового сознания граждан целиком до состояния всеобщей убеждённости. Только князю Владимиру в X веке удалось сформулировать и реализовать актуальную своему времени национальную идею единства славянских народов. Последние, сплотившись, получили государственность, существующую поныне. Достоинство сего случая в том, что князю удалось найти не только саму точку совпадения интересов славян – *стремление к единству*, но и подобрать нужный *инструмент* его достижения – христианство.

Стремление к единству у народов России и сегодня вызывает всё тот же непроходящий интерес. Его можно называть объективным социальным законом, упорядочивающим нашу государственность. У других культур системообразующий закон иной. Инструментом коллективной идентификации в них часто выступает этническая гомогенность. Так Западный мир живёт по правилу разобщения народов, тяготеющих к мононациональному государству. Они способны поработать друг друга, но не сливаться в единую нацию. Союзы между ними сложно называть вековыми, при первой возможности они распадаются. Современная история переполнена примерами раскола государств по этническому признаку. К концу прошлого века Восточная Европа буквально «раздробилась», а Западная по сей день испытывается на прочность перманентными референдумами о независимости. Настоящий «плавильный котел» сложился лишь в России, тогда как его несравнимый аналог – США – образован разнородными эмигрантами на землях практически уничтоженного коренного населения. Европейский союз более удерживается силой политического представительства, чем желанием входящих в него народов.

Идея единства – базовая ценность российского народа. Опорой своей реализации в разное время она видела христианство, самодержавие, советскую власть. Ныне также нуждается в новом социальном инструменте реализации. Его не нужно искать в философских учениях, заимствовать у других народов или культивировать методами социальной инженерии в научных лабораториях. Он сформулирован, заключён в конституционно-правовую оболочку и официально представлен гражданскому обществу. Это – *народовластие*.

Итак, *национальная идея* современной России заключается в *достижении и сохранении единства её многонационального народа посредством народовластия*.

Удалось нам реализовать её в постсоветское время? Нет.

Мы избавились от партийно-идеологической основы государства и сохранили его в момент распада СССР. Наш народ способности к самоопределению и самоорганизации не утратил, но сложившаяся политико-правовая система условий для торжества национальной идеи так и не обеспечила. Проявления того в следующем.

Во-первых, коммунистическая партийно-политическая идеология сменилась идеологией либерально-демократической. Неизбежные тенденции историцизма К. Маркса [12, с. 52–54] в российской действительности подтверждения не нашли. Советский народ, единённый интернационализмом и идеей существования вне рамок государства и права, остался эмпирически несовершенной и идеализированной категорией. Привнесённая в период реформации либеральная демократия западного образца переформатировала его настолько, что наше государство впало в другую крайность. Активная социальная инженерия начала 90-х годов XX века у нас завершилась глубоким экономическим спадом, установлением режима правления свободного политического представительства¹, крайними формами политического и экономического расслоения гражданского общества.

Во-вторых, наблюдается чёткая тенденция последовательного ограничения самоуправления народа через императивное перераспределение полномочий органов власти на местах [14, с. 95–106], что прямо указывает на смену конституционных основ нашего государства. Она обозначилась в общей канве так и нерешённой проблемы реализации коллективной воли самоопределяющегося народа, избравшей иной способ социального управления – *народовластие*. В Конституции России для него

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2012 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 12 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» (пункт 3.1) // СЗ РФ. – 2012. – № 11. – 12 марта. – Ст. 1365.

помимо выборов предусмотрена и другая правовая форма выражения – референдум, которая с 1993 года на федеральном уровне для принятия важнейших законотворческих и управленческих решений *ни разу* не использовалась. Возникла устойчивая диспозиция, в которой мнение российского народа политическое представительство не интересуется. Вопреки желанию большинства граждан растут налоговое бремя и содержание представительного аппарата, бюджетные средства осваиваются в интересах крупных финансовых и промышленных корпораций, у населения возникают дополнительные публичные обязательства, рождённые повышением пенсионного возраста, коммунальных тарифов, введением обязательного страхования, сборов, отменой социальных льгот и прочего.

В-третьих, закон в руках политического представительства превратился в формальное средство принуждения («неправовой» закон [11, с. 52–54]), но не инструмент регулирования важнейших социальных связей на основе мнения большинства. В результате государство в лице своих органов превратилось в «машину» для подавления. Заурегулированность общественных связей достигла небывалого уровня, а эффективность работы законотворцев теперь определяется не улучшением уровня жизни сограждан, а числом принятых нормативных актов, инициированных конкретными депутатскими фракциями. Чтобы удостовериться в этом, достаточно ознакомиться с данными официальных сайтов Государственной Думы РФ, представительных органов субъектов и местного самоуправления. По сравнению с советским периодом число принимаемых ими актов увеличилось в разы, а их качество и целесообразность введения зачастую вызывает множество вопросов. Правотворческая эклектика зарубежного опыта просто зашкаливает, превращая представительные органы в «законодательные фабрики».

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что политический режим народовластия в России к настоящему времени так и не сложился. На практике его заместило правление свободного политического представительства, действующее от имени народа, но часто не в его интересах. Остаётся гадать, как долго продлится такое положение. Народные волнения 2011–2013 и 2018 годов показали крайнее несовершенство политико-правового механизма, утрату доверия массы граждан к политическим избранникам и сложившейся системе публичного управления.

Сохранить народное единство в таких условиях крайне сложно. К тому известны два пути. Первый идёт через стремление к этнической чистоте народов (западная политическая традиция), второй заключается в поиске социального инструмента их сосуществования в рамках многонациональной общности (российская политическая традиция). Искусственно привитые к ним мультикультурализм и интернационализм истинными скрепами гражданского общества не стали, в результате чего смешение взаимно не тяготеющих друг к другу народов только принесло им внутреннее социальное напряжение.

Возможна ли реализация национальной идеи в России в контексте приведённой выше формулировки? Да, но это потребует осознания препятствующих тому причин.

Первая причина (онтологическая): неверное представление сущности самого государства и народовластия – инструмента его публичного управления.

По сей день в отечественной науке бытует позитивистский образ государства, начертанный немецкой классической юриспруденцией на рубеже XIX–XX столетий. Таковое схематично представляется синтетической совокупностью территории, народа и государственной власти [4, с. 286–316], определяющей правила общежития гражданского общества. Нелепость данной конструкции, объединившей в себе разнопорядковые элементы, не смущает многих лишь благодаря сложившемуся обыновению: обществом управляет система публичных органов, а если проще, то чиновники руководят гражданами. Не имеет значения, приобретают ли управляющие свою власть по рождению, принадлежности к определённому сословию или через выборы, они считаются единственным руководящим началом, упорядочивающим социальные отношения. В итоге государство примитивно воспринимается системой публичных органов и лиц, наделённых публичной властью с функцией управления общественными делами [1, с. 403].

Никто особо не хочет замечать в том грубой логической ошибки восприятия части в качестве целого [8, с. 62], не пытается выделить методом исключения основной элемент государства. В результате в общественном, да и в научном сознании оно отрывается от народа, начинает императивно довлеть над ним. Это приводит к их противопоставлению [16, с. 37], а в реальной жизни – к противостоянию между правящим меньшинством и управляемым большинством. Говорить об их стремлении к единству

не приходится, скорее мы наблюдаем социальный антагонизм. Вспоминается библейская истина о том, что ничто, разделённое само в себе, устоять не может. В равной мере это относится и к государству.

По этой причине под *государством* правильнее понимать *высшую публично-правовую форму организации гражданского общества, обеспечивающую внутреннее социальное единение граждан по поводу установления общего публичного порядка в регулировании общественных отношений на основе права, посредством особого государственного механизма и через выполнение им функции публичной власти*. Территория выступает лишь пространственным условием его существования [8, с. 21].

Похожая проблема наблюдается и в понимании сущности народовластия. Достаточно упомянуть укоренившиеся в науке термины «непосредственная демократия», «представительная демократия», «делиберативная демократия», «демократия участия», «консоциативная демократия» и прочее, чтобы понять, насколько различные, а иногда и противоречивые смыслы, вкладываются в представления о его сути. В идеале все приведённые понятия должны характеризовать народовластие как политико-правовой режим правления народа, но при более глубоком изучении они формируют разнящиеся представления о способах и средствах его осуществления. Он видится то в непосредственном самоуправлении граждан (вне позитивного права и государственного механизма), то в правлении избираемых народом представительных органов [9, с. 63, 109; 10, с. 83–84, 104–105; 15, с. 87], то в процедуре коммуникативного формирования легитимной власти [17, с. 33, 47–48, 50], иногда процессом переговоров и достижения компромиссов в обществе [6, с. 164] и ещё много чем. Невозможно понять, должен ли народ коллективно самоуправляться или управляться извне. Впору говорить о необходимости разведения понятий «народовластие» и «демократия», ведь последняя настолько многолика, что утрачивается их родственное основание. Сегодня под демократией точнее понимать коллективный выбор способа социального управления. Ныне таковым может выступать как представительное правление (политическое представительство) вплоть до конституционной монархии, так и народное самоуправление. Большинство государств управляется парламентами и президентами, современный форпост демократии – Великобритания – формальным тандемом представительного органа и королевы, а в Швейцарии распространено широкое самоуправление населения кантонов. Свести столь разные системы и способы социального управления к народовластию логически невозможно.

Очевидно, что именно правящий правосубъект и способ социального управления выступают системообразующими элементами народовластия. Ни политическое представительство, а народ (коллективный правосубъект) конституционно наделён высшими правящими полномочиями. Их переход к политическому представительству означает подмену правящего правосубъекта, узурпацию власти и изменение формы правления. Будет ли это называться выборной аристократией (полиархией), олигархией, тиранией и т.п., особого значения не имеет. Народ невозможно отождествить ни с одним субъектом политического представительства, ведь по своей природе он представляется *социальной общностью* – упорядоченной на основе единых организационных начал (межличностных аксиологических установок) коллективности индивидов-граждан. Само же *гражданство* выражается в принадлежности человека к конкретному политико-правовому сообществу людей, пребывающему в форме государства, характеризующему устойчивой публично-правовой связью.

Публичный способ социального управления в режиме народовластия также не может избираться произвольно, ибо он предопределён статусом правящего правосубъекта. Таковыми могут считаться непосредственное (прямое) *самоуправление* народа и обязательная *публичная легитимация* им наиболее значимых законотворческих и управленческих решений. Выбор способа в конкретном случае определяется кругом вопросов, подлежащих разрешению. Похожий механизм содержится в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ, устанавливающим пределы полномочий местного самоуправления рамками компетенции.

Отсюда, *народовластие* – политико-правовой режим, коллективно устанавливаемый народом в процессе своей государственной самоорганизации и самоопределения для решения общих дел через формирование межличностных аксиологических установок, выбор публичного способа социального управления и его реализацию.

Вторая причина (гносеологическая): нерешённость наукой проблемы обоснования коллективной правосубъектности социальных общностей, в т. ч. народа.

Попытки раскрыть их истинную роль в государстве посредством механического подход (восприятия общности через категорию «совокупность»), конструкций юридического лица или органа [4, с. 537; 2, с. 50–51, 169, 177] убедительных результатов не принесли. Народ превратился в совокупность граждан, за которой признана лишь «общественная компетенция»² (неюридические права). Политическое представительство стало его официальным юридическим «лицом».

Такое восприятие народа «недееспособным» [3, с. 39] делает бессмысленной конституционную идею о суверенитете народа. К чему нормативно провозглашать то, что изначально недостижимо? Выдуманный когда-то миф о неспособности народа [9, с. 7; 13, с. 271, 272] самостоятельно решать собственные дела стал жизненной основой существования и процветания свободного политического представительства.

Для исправления очевидного перекоса Л.С. Мамут справедливо предложил современной науке такую аксиому (методологический императив): *познание общих проблем государственности невозможно без исследования народа и его политико-юридического менталитета* [8, с. 7].

В этой связи назрело обновление научной парадигмы через корректировку официальной доктрины, разработку новой теории и формулировку вытекающей из них догмы. Если говорить предметнее, науке нужно оставить бесплодные попытки исторических перелицовок либерально-демократических и социалистических учений применительно к современным российским условиям. Согласно национальной идее, её целью должна стать народно-демократическая доктрина (*доктрина народовластия*), которая институты политического представительства видит скорее вспомогательным, но подконтрольным народу инструментом, необходимым для формирования и изъяснения его правящей воли. При таком политическом режиме государственный аппарат утрачивает формальный приоритет над мнением народа, который не только обретает способность самоуправляться в определённых сферах, но и одобряет или отклоняет наиболее важные законодательные и управленческие решения своих представителей, способен предложить их инициативно в коллективном порядке.

Понятно, что ни одна либерально-демократическая или социалистическая теория предлагаемую новеллу не удовлетворяет. Её разворот под силу лишь существенно обновлённому обобщению знаний о народовластии, опирающемуся на признание государства формой публично-правового единения его граждан и коллективной правосубъектности народа.

Новая теория народовластия не должна стать памятником личным воззрениям конкретного исследователя, но вытекать из «прозы живых правоотношений» (мысль А.Н. Кокотова из приватной переписки). Народ скорее следует опыту своего «огосударствлённого» существования, чем частным философским установкам. «Прокрустово ложе» синтетических теорий просто неспособно охватить многообразия реальных форм публично-правового общения социальных субъектов, поэтому всегда выступает к ним «закрытой» системой знаний. Принципиальные изменения общественного уклада вводят их в режим «приспособления» или отправляют в научные архивы.

Функцию «открытой» системы теоретических знаний в этой области способна выполнять *теория народного государства*, смысл которой заключается в диалектическом развитии представлений гражданского общества о способе публичного управления общими делами. С её помощью в рамках типологического подхода [5, с. 4] мы, отталкиваясь от исторических фактов, начнём отчётливо понимать, что человечество, используя государство формой своего единения, постепенно переходило от патриархального единоличного правления к правлению политического представительства и теперь следует к народному самоуправлению. Науке нужно только своевременно подмечать такие изменения и прогнозировать их последствия. Она должна придерживаться правила: вырабатывать теорию, исходя из действительности, а не искажать последнюю, подменяя её теоретическими представлениями [7, с. 46].

Третья причина (аксиологическая): отсутствие внятной системы социальных ценностей. Изменить политический строй без учёта данного фактора невозможно.

С ликвидацией российской монархии, а потом и социалистического уклада, прежние основания гражданского общества (христианство и полное социальное равенство) лишены первостепенного значения. Политический и духовно-нравственный плюрализм образовали ценностный вакуум. Полагаю,

² Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: курс лекций. – Свердловск, 1964. – Вып. 2. – 226 с. – С. 97.

что на этом поприще мы поторопились. Многоконфессиональность и социальная справедливость по-прежнему востребованы в народе. В таком виде совместно с идеей народовластия они способны обеспечить существование нашей государственности, обеспечить взаимное уважение пребывающих в ней национальных общностей.

Концептуально сопоставив должное и сущее применительно к проблеме дальнейшего российского государственного строительства, мы логически придём к следующим выводам.

1. Согласно принятой конституции, национальной идеей российского народа выступает его единение на основе народовластия, многоконфессиональности и социальной справедливости. Так пожелал народ.

2. Народовластие предполагает самоуправление социальных общностей и обязательную публичную легитимацию наиболее значимых законотворческих и управленческих решений, контроль деятельности политического представительства. Прямых запретов к реализации данных полномочий народа конституционный текст не содержит, его лишь нужно правильно трактовать, в т. ч. и на уровне конституционных законов.

3. Необходима смена научной и социальной парадигмы в понимании народовластия и путей его реализации.

Осознав это, мы поймём, что свободное политическое представительство в России должно уступить место народовластию, ибо последнее есть подлинная конституционная основа нашего государства, обеспечивающая единство пребывающего в нём гражданского общества на уровне всеобщей убеждённости. Только тогда можно будет говорить о реализации современной национальной идеи.

Автор считает, что в данной работе новыми являются следующие положения и результаты: формулировка конституционно закреплённой национальной идеи; интерпретации понятий «государство», «социальная общность», «гражданство», «народовластие»; положения о сути и назначении теории народного государства.

Список литературы

1. *Вольф Р.П.* О философии. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 414 с.
2. *Гессен В. М.* Общее учение о государстве. – СПб.: Типо-Литография И. Трофимова, 1912. – 190 с.
3. *Гурвич Г.С.* Народ, народный суверенитет и народное представительство в советской системе // Советское государство и право. – 1958. – № 12. – С. 38–47.
4. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб.: Изд. юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908. – 599 с.
5. *Кареев Н.И.* Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. – СПб., 1905. – 52 с.
6. *Козлихин И.Ю.* Избранные труды. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. – 538 с.
7. *Майданник К.Л.* Эрнесто Гевара и его эпоха // Свободная мысль. – 1998. – № 7. – С. 38–50.
8. *Мамут Л.С.* Народ в правовом государстве. – М.: Норма, 1999. – 160 с.
9. *Милль Дж. С.* Размышления о представительном правлении. – СПб.: Тип. Ю.А. Бакрама, 1863. – 361 с.
10. *Мэдисон Дж.* Федералист № 10. К народу штата Нью-Йорк. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1993. – 586 с.
11. *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 6–8.
12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. – М.: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – 446 с.
13. *Рейснер М.А.* Государство. Ч. 2. Государство и общество. Ч. 3. Государственные формы. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. – 292 с.
14. *Селихова О.Г.* Проблемы императивного перераспределения полномочий местного самоуправления в России // Российский юридический журнал. – 2017. – № 5. – С. 95–106.
15. *Скуратов Ю.И.* Система социалистического самоуправления советского народа: проблемы конституционной теории и практики. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987. – 352 с.
16. *Черепанов В.А.* О народовластии в России: продолжение дискуссии // Государство и право. – 2014. – № 1. – С. 36–44.

17. *Хабермс Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Изд. центр “ACADEMIA”, 1995. – 244 с.

References

1. *Vol'f R.P.* O filosofii. – М.: Aspekt Press, 1996. – 414 s.
2. *Gessen V.M.* Obshchee uchenie o gosudarstve. – SPb.: Tipo-Litografiya I. Trofimova, 1912. – 190 s.
3. *Gurvich G.S.* Narod, narodnyj suverenitet i narodnoe predstavi-tel'stvo v sovetskoj sisteme // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1958. – № 12. – S. 38–47.
4. *Ellinek G.* Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb.: Izd. yuridiche-skogo knizhnogo magazina N.K. Martynova, 1908. – 599 s.
5. *Kareev N.I.* Tipologicheskaya i vseмирno-istoricheskaya tochki zre-niya v izuchenii istorii. – SPb.: 1905. – 52 s.
6. *Kozlihin I.YU.* Izbrannye trudy. – SPb.: Yuridicheskij centr-Press, 2012. – 538 s.
7. *Majdannik K.L.* Ernesto Gevara i ego epoha // Svobodnaya mysl'. – 1998. – № 7. – S. 38–50.
8. *Mamut L.S.* Narod v pravovom gosudarstve. – М.: Norma, 1999. – 160 s.
9. *Mill' Dzh.S.* Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii. – SPb.: Tip. YU.A. Bakrama, 1863. – 361 s.
10. *Medison Dzh.* Federalist № 10. K narodu shtata N'yu-Jork. Fe-deralist: Politicheskie esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya. – М.: Izdatel'skaya gruppa “Progress” – “Litera”, 1993. – 586 s.
11. *Nersesyanc V.S.* Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya kon-cepciya // Voprosy filosofii. – 2002. – № 3. – S. 6–8.
12. *Popper K.* Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1. Chary Platona. – М.: Mezhdunar. fond “Kul'turnaya iniciativa”, 1992. – 446 s.
13. *Rejsner M.A.* Gosudarstvo. Ch. 2. Gosudarstvo i obshchestvo. Ch. 3. Gosudarstvennye formy. – М.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1912. – 292 s.
14. *Selihova O.G.* Problemy imperativnogo pereraspredeleniya pol-nomochij mestnogo samoupravleniya v Rossii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2017. – № 5. – S. 95–106.
15. *Skuratov Yu.I.* Sistema socialisticheskogo samoupravleniya sovetskogo naroda: problemy konstitucionnoj teorii i praktiki. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1987. – 352 s.
16. *Cherepanov V.A.* O narodovlastii v Rossii: prodolzhenie diskus-sii // Gosudarstvo i pravo. – 2014. – № 1. – S. 36–44.
17. *Habermas Yu.* Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. – М.: Изд. центр “ACADEMIA”, 1995. – 244 с.

УДК 342.5

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

Головастова Юлия Александровна,

канд. юрид. наук, заведующая кафедрой правовых

и гуманитарных дисциплин,

e-mail: ugolovastova@yandex.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани,

Видова Татьяна Александровна,

канд. ист. наук, доцент кафедры правовых

и гуманитарных дисциплин,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани

В данной статье рассматриваются разновидности республиканской формы правления, существовавшие на протяжении истории, а также характерные черты, присущие республике. Цель авторов заключается в том, чтобы проанализировать и сформулировать основные характерные черты республиканской формы правления с учётом исторического развития этого политического феномена. Данная тема является актуальной в связи с происходящей зачастую в современное время подменой и утратой республиканских и демократических ценностей. В условиях падения правовой культуры граждан, снижения интереса к сохранению принципа выборности власти первоочередного внимания заслуживает правовое наследие прошлого. На примере наиболее ярких видов республики авторы анализируют основные признаки республиканской формы правления, как зародившиеся в древние эпохи, так и приобретённые в недавнем прошлом. В статье выявлены исторически сложившиеся признаки республиканской власти. В качестве основных результатов авторы формулируют характерные черты республиканской формы правления.

Ключевые слова: форма правления, республика, Римская республика, феодальная республика, буржуазная республика, советская республика, теократическая республика

HISTORICAL VARIETIES AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE REPUBLICAN FORM OF GOVERNMENT

Golovastova Y.A.,

candidate of jurisprudence, head of department

of legal and liberal disciplines,

e-mail: ugolovastova@yandex.ru,

Ryazan branch of Moscow Witte University, Ryazan,

Vidova T.A.,

candidate of historical sciences,

associate professor of the board

of legal and liberal disciplines,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

Ryazan branch of Moscow Witte University, Ryazan

This article discusses the varieties of the republican form of government that existed throughout history, as well as the characteristic features inherent in the republic. The authors' goal is to analyze and formulate the main characteristics of the republican form of government, taking into account the historical development of this political phenomenon. This topic is relevant in connection with the substitution and loss of republican and democratic values that often takes place in modern times. With the fall of the legal culture of citizens, the decline of interest in preserving the principle of election of power, the legal legacy of the past merits deserves first priority attention. With the examples of the brightest types of the republic, the authors analyze the main features of the republican form of government, both originated in ancient times and acquired in the recent past. The

article reveals the historically formed signs of republican power. As the main results, the authors formulate the characteristic features of the republican form of government.

Keywords: form of government, republic, Roman republic, feudal republic, bourgeois republic, Soviet republic, theocratic republic

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-55-62

Введение

С времени появления первых государств в глубокой древности возникла необходимость в определённой форме их организации. Уже на самых ранних ступенях развития общественной жизни сложились две основных противостоящих друг другу формы правления: монархическая и республиканская. Несмотря на то, что более ранней по времени появления и первоначально более распространённой является монархия, примеры республиканского устройства государства существовали во все исторические периоды: в Древнем мире, Средневековье, в эпоху Возрождения, в Новое и Новейшее время. Доказательством интереса общества к республиканским ценностям служит тот факт, что на протяжении исторического развития человечества число республик в мире неуклонно увеличивалось, и в настоящее время почти три четверти стран мира являются республиками.

Термин «республика» возник в эпоху Древнего Рима и означал «общественное дело» (от лат. *res publica*), и лишь в позднем Средневековье стали использовать слово «республика» для описания немонархических государств.

Однако республика, как и монархия, не имеет абстрактных теоретических форм. На протяжении истории складывались различные разновидности республиканской формы правления, обусловленные историческими, социально-экономическими, культурными особенностями тех или иных регионов мира. Все древние республики были рабовладельческими. Политическими и даже гражданскими правами обладали исключительно свободные граждане. В период Средневековья также были примеры республиканских форм правления, но их можно в целом охарактеризовать как феодальные, аристократические или олигархические, то есть власть принадлежала представителям правящего класса феодалов. В Новое время возникшие республики носили преимущественно буржуазный характер. Наконец, XX век стал временем рождения такой формы правления, как «советская республика», в которой подразумевалось, что власть принадлежит Советам – особым представительным органам. На Ближнем Востоке появилась теократическая, или исламская, республика, в которой основную роль в управлении государством играет мусульманское духовенство.

К настоящему времени можно говорить минимум о пяти разновидностях республики – это парламентская, президентская, смешанная, советская, теократическая.

Понимание становления и развития правовых норм, а также их преемственности на протяжении истории является необходимым условием эффективной деятельности специалиста в области политики или юриспруденции.

В связи с этим, в настоящем исследовании ставится цель проанализировать и сформулировать основные характерные черты республиканской формы правления с учётом исторического развития этого политического феномена.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) проследить историческую ретроспективу феномена республики в разные исторические периоды;
- 2) проанализировать основные признаки республиканской формы правления, как зародившиеся в древние эпохи, так и приобретённые в недавнем прошлом;
- 3) выявить основные типы республик;
- 4) сформулировать характерные черты республиканской формы правления.

Римская республика (конец VI в. – 30-е г. до н.э.)

Само слово «республика» (“*res publica*”) латинского происхождения, переводится как «народное дело». Этим термином древние римляне называли всю деятельность своей общины или государства. Понимание этого термина как немонархического типа государства относится к более позднему времени.

Эпоха республики в истории Древнего Рима существовала с конца VI века до н.э. по 30 год до н.э. История республики обычно делится на три периода: 1) ранняя республика (VI–III вв. до н.э.); 2) эпоха великих завоеваний и расцвет республики (265 г. – 30-е годы II в. до н.э.); 3) гражданские войны, кризис и падение республики (133–31 г. до н.э.) [2, с. 445].

На протяжении всего периода Римской республики государственные институты, права отдельных сословий и социальная система не были неизменными. В связи с этим целесообразно рассмотреть её политическое развитие в период расцвета, поскольку именно в это время политические институты и права жителей государства приобрели «классические» черты.

Высший государственный орган республики представлял собой народное собрание и назывался «комиции» (от лат. *comitia* – «сходка»). Вопросы в комициях решались путём голосования. Насчитывалось три вида комиций: куриатные, центуриатные и *трибутные*.

Куриатные комиции включали представителей аристократии – патрициев, собиравшихся по куриям. Курия представляла собой группу, на которую были разделены граждане Рима. Всего было 30 курий. Центуриатные комиции формировались по материальному признаку – на основе имущественного ценза. Наконец, трибутные комиции складывались по территориальным округам – трибам. Именно через трибутные комиции утверждались основные законы республики. Полномочия центуриатных комиций включали выбор высших должностных лиц – магистратов и решение вопросов войны и мира.

Основная политическая деятельность находилась в руках магистратов, которые делились на высших и низших. К высшим магистратам относились консулы (лат. *consul*), преторы (лат. *praetor*) цензоры (лат. *ensor*). Большинство высших магистратов имели так называемый «*империй*» – «совокупность прав, включавшую в себя военное командование, власть в области юрисдикции, право созывать сенат и народное собрание, право издавать правовые нормы, касающиеся частных вопросов, и некоторые религиозные полномочия» [2, с. 456].

К низшим должностным лицам относились эдилы (лат. *aedilis*), квесторы (лат. *quaestor*) и народные трибуны (лат. *tribunis plebis*). Именно народные трибуны могли вносить законопроекты и налагать «вето» (лат. *veto* – «запрещаю») на решения всех магистратов и сената.

Характерными чертами всех римских магистратур были выборность, безвозмездность, сменяемость (как правило, каждый год), коллегиальность (кроме диктатора).

В чрезвычайных ситуациях избирался или назначался диктатор (лат. *dictator*). Он обладал всей полнотой власти. Фактически назначение диктатора было равноценно монархии.

Отличительной чертой Римской республики являлось существование постоянно действующего органа – сената. Он формировался из бывших магистратов и считался консультативным советом при магистратах, однако фактически являлся правительством. Полномочия сената касались таких сфер, как финансы, внешняя политика, религиозные дела, судебные комиссии, руководство военными действиями.

Таким образом, период существования Римской республики стал важным этапом исторического развития в эпоху Древнего мира. Римская республика совмещала как демократические, так и олигархические, а позднее и монархические черты, однако значение её невозможно преувеличить. Римская республика дала миру образец политической системы, способствовала развитию политической культуры, заложила основы римской классической юриспруденции. Именно в это время получают признание принципы «равенства сторон», «справедливости», «доброй совести». Важным достижением стало появление политических феноменов выборности, сменяемости представителей власти, которые стали присущи всем появившимся позднее республиканским режимам.

Новгородская феодальная республика (XII–XV вв.)

Замечательным образцом республиканской формы правления в Средние века является развитие Новгородской феодальной республики (XII–XV вв.). В эпоху Средневековья республиканский строй и в Европе не был распространённым явлением, для Руси же существование Новгородской республики считается феноменом в политическом развитии периода раздробленности. Однако для её возникновения сложились определённые предпосылки.

Новгородская земля занимала огромную территорию, превосходя многие европейские государства: от Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке, и от Белого моря на севере до верховьев Волги на юге. Административным и торгово-ремесленным центром региона являлся Новгород (или Великий Новгород).

Территориальное положение Новгородской земли обусловило и её социально-экономическое и политическое развитие. Из-за сурового климата и неплодородных земель в регионе не сформировалось крупное вотчинное землевладение, которое было основой княжеского могущества в других землях. Развитие экономики обуславливалось не земледелием, а торговлей и ремёслами, что усилило общественную роль бояр, купцов и ремесленников. В результате власть в городе постепенно концентрировалась в руках бояр.

Уже с конца XI века в Новгородской земле стали утверждаться республиканские порядки. В 1078 году князь Глеб Святославич, выступивший в защиту епископа, зарубил волхва, которого поддерживал весь город [6, с. 198]. Новгородцы выгнали князя из Новгорода, подтвердив, таким образом, своё независимое правление. Киевские князья посылали в Новгород своих старших сыновей. Но в значительной мере кандидатуры присылаемых князей определяла новгородская знать. При этом их функции свелись к командованию княжеской дружиной. При вступлении на должность «военачальника» князь подписывал «ряд» – договор, который скреплялся крестоцелованием.

Главными лицами в управлении Новгородом были посадник и тысяцкий. Посадник, избираемый из числа знатных бояр, был председателем на вече, осуществлял суд, возглавлял вместе с князем войско, подписывал международные договоры. Функции тысяцкого сводились к налогообложению, судебным делам, посольским вопросам.

Все важнейшие государственные вопросы в Новгороде решало вече – городское вечевое собрание свободных горожан. Участвовать в вече могли все дееспособные мужчины города с 15 лет. Новгородское вече обладало всеобъемлющей компетенцией: решало международные вопросы, принимало государственные законы, приглашало князя, избирало посадника, тысяцкого, кандидата на пост архиепископа; являлось высшей судебной инстанцией.

Характерной чертой являлось то, что на вече не было ни чёткого обсуждения вопросов, ни правильного голосования. «Решение составлялось на глаз, скорее по силе криков, чем по большинству голосов», отмечал В.О. Ключевский¹.

Очевидным фактом является то, что вече, в силу многочисленности, неорганизованности, зачастую некомпетентности, не могло обстоятельно решать важные внутригосударственные и внешнеполитические вопросы. В связи с этим действовал орган, координирующий и зачастую предопределяющий деятельность веча – Совет господ. В него входили посадник, тысяцкий, кончанские старосты, верхи боярства. Председателем Совета господ был новгородский архиепископ. Он не только являлся главой новгородской церкви, но и активно участвовал в политической и социальной жизни республики. Архиепископ также осуществлял контроль финансовой деятельности.

Просуществовав около трёх с половиной веков, Новгородская феодальная республика потеряла свою независимость и вошла в состав растущего российского государства со столицей в Москве. Однако прецедент республиканской формы правления с её выборностью, сменяемостью, ответственностью органов власти перед населением в России был создан.

Соединенные Штаты Америки (1776 – по н.в.)

Эпоха Нового времени вместе с развитием капитализма принесла с собой череду буржуазных революций и появление новых политических концепций, которые оформились во многих странах в республиканский государственный строй. Одним из примеров являются Соединённые Штаты Америки, выросшие из английских колоний в Северной Америке.

Переселенцы из континентальной Европы, осевшие на северо-восточных территориях Нового Света, негативно воспринимали монархическую форму управления и любые попытки политического

¹ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций. – М.: ОЛМА-ПРЕСС: Образование, 2005. – 831 с.

давления со стороны британской короны. Всё более явной стала цель полной независимости колоний от метрополии. В результате победы в Войне за независимость, или Американской революции, (1775–1783) первые 13 колоний обрели национальную независимость и стали основой нового суверенного государства – Соединённых Штатов Америки. В своём политическом развитии они прошли несколько этапов.

На первом этапе американская республика развивалась в соответствии с документами, принятыми на Втором Континентальном конгрессе (1775–1781 гг.) – «Декларацией о независимости» и «Статьями конфедерации». Провозглашалось, что каждый штат (бывшая колония) сохраняет суверенитет, свободу и независимость [7, с. 28]. В каждом штате была принята конституция, в которой полностью исключался «принцип смешанного правления», провозглашался «принцип разделения властей», причём в сторону максимального возвышения законодательной ветви. Идея центральной исполнительной власти отвергалась, главы исполнительной власти избирались законодательным собранием.

Законодательные органы получили многие традиционные для исполнительной власти функции: «объявление войны и заключение мира, назначение должностных лиц, в том числе казначея, членов исполнительного совета, судей, право помилования» [Там же, с. 25].

Общегосударственный конгресс обладал так называемыми «исключительными правами»: решение вопросов войны и мира, вступление в международные соглашения, денежное обращение. Однако для этого требовалось согласие большинства штатов.

Таким образом, результатом первого этапа стало складывание не одной страны, а фактически конфедерации независимых государств. С целью исправить это в 1787 году был созван первый и единственный Конституционный конвент, проходивший в Филадельфии. Перед участниками стояла сложная задача: создать «более совершенный союз и надёжно гарантировать права собственников». Работа Конвента ознаменовала начало второго этапа в республиканском развитии США.

Делегаты Конвента понимали важность писаной конституции. Американский публицист Томас Пейн в памфлете «Права человека» писал, что «там, где конституции не видно, там её нет» [5, с. 241–245]. Результатом их деятельности стало принятие американской конституции 1787 года. В её основе лежали следующие принципы: отделение бюрократии от процесса законотворчества; отход от норм европейского прецедентного права, «разделения властей», «сдержек и противовесов», превосходства федерального над местным правом, «республиканизм», «пропорциональное представительство», ответственность правительства и т.д.²

Высшим законодательным органом являлся двухпалатный конгресс, включающий палату представителей и сенат. Президент избирался выборщиками от каждого штата. Высшим судебным органом стал Верховный суд. Все ветви власти уравнивали друг друга. Так, президент был лишен права досрочно прекращать полномочия парламента, а последний, в свою очередь, не имел права увольнять должностных лиц исполнительной власти [4, с. 62].

Наконец, третий этап ознаменовался принятием в 1791 году десяти поправок, вошедших в историю как «Билль о правах». Они гарантировали «свободу совести, слова, печати», защищали личность от необоснованных обысков и арестов. За каждым гражданином закреплялось право на владение частной собственностью, на защиту и справедливый суд. Наконец, государство разрешало все действия, не запрещённые конституцией (запрещено, по американской конституции, «вести антигосударственную деятельность и совершать насилие против личности»).

Таким образом, Новое время дало свидетельства нового уровня либерального развития гражданского общества. Законодательно были закреплены многие демократические принципы.

Советская республика (1917–1991)

Советская республика как форма правления сложилась в России в результате серьёзных политических потрясений начала XX века. Падение монархии, Февральская, а затем Октябрьская революции 1917 года привели к власти партию большевиков (или партия РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)) и созданию Советской республики. Её авторы отрицали предшествующий опыт государственного строительства [8]. Они основывались на идее «диктатуры проле-

² Конституция Соединённых Штатов Америки 1787 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения 05.06.2019).

тариата» и идее прямого участия народа в управлении государством. В.И. Ленин был убеждён в том, что государственные функции вполне доступны рабочим, крестьянству и городской бедноте. «Парламентарии должны сами работать, сами исполнять закон, сами проверять, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своим избирателем», – писал он [3, с. 396].

В силу этих представлений деятельность большевиков по созданию нового государства была направлена на передачу народу максимального объёма власти. Такими органами власти стали съезды Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Несмотря на стремление к уничтожению всех проявлений прежней, царской власти, опыт представительских начал советской власти был почерпнут именно из деятельности депутатов первых составов Государственной Думы [1, с. 77–78].

Впервые Советы рабочих депутатов возникли как органы руководства стачечной борьбой в 1905 году. В мае 1917 года состоялся первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов, а в июне – Первый Всероссийский съезд Советов. С сентября 1917 года руководство в Советах наиболее крупных городов перешло к большевикам. В этих условиях В.И. Ленин выдвигает лозунг – «Вся власть Советам!».

Второй Всероссийский съезд Советов, состоявшийся 25–27 октября 1917 года, провозгласил себя высшим органом власти в стране. Делегаты приняли декреты «Об отмене смертной казни», «О мире», «О земле», «Об армейских революционных комитетах», а также образовали органы власти, которые должны были управлять страной: Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК).

В большевистской системе власти не было чёткого деления на законодательные и исполнительные органы. Они полагали, что съезды Советов правомочны принимать любое решение. В равной степени и Совет народных комиссаров принимал законодательные документы.

Основные принципы Советского государства были закреплены в Конституции 1918 года. Она закрепляла диктатуру городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства. Некоторые социальные группы были лишены избирательных прав.

Политической формой управления нового государства становились Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Им принадлежала законодательная и исполнительная власть. Исполнительные комитеты Советов всех уровней имели вертикальную подчинённость, что обеспечивало установление системы жёсткой централизации власти.

Высшим законодательным и исполнительным органом стал съезд Советов. Он был не постоянно действующим органом, должен был созываться несколько раз в год. В промежутках между работой съездов высшей властью в стране становился Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Именно Президиум ВЦИК, включающий около 80 человек, работал на постоянной основе. Совет народных комиссаров (орган исполнительной власти) обладал также и законодательными полномочиями.

Впоследствии данная политическая система была развита и закреплена Конституциями 1924, 1936 и 1977 годов. Власть высших государственных органов распространялась на всю территорию созданного Союза Советских Социалистических Республик.

Однако фактически Советы, которые и дали название созданной республике, были отстранены от реальной власти партией большевиков. Партийные органы (ЦК РКП(б), Политбюро ЦК) монополизировали власть. Произошло сращивание партии с государственным аппаратом. Демократические права и свободы превратились в фикцию.

Эти признаки негативно воздействовали на государственное и общественное развитие, и закономерным итогом стало разложение советской системы и распад СССР в 1991 году. Россия стала строить государственное управление на принципах демократической республики.

Теократическая республика

На Ближнем Востоке распространённой формой правления стала исламская республика. Она представляет собой разновидность теократического государственного устройства, при которой главная роль в управлении государством принадлежит исламскому духовенству.

Исламская республика представляет собой нечто среднее между традиционной исламской монархией (восходящей к принципам халифата или национальным традициям) и европейскими республи-

канскими ценностями. Избираемый президент утверждает премьер-министра и правительство, назначаемое из партии большинства в законодательном органе – Национальной ассамблее. Правительство разрабатывает законопроекты и вносит их на обсуждение парламента. Законы в исламской республике по большей части основаны на шариате. Сам премьер-министр должен обязательно являться мусульманином. Примерами исламских республик являются Иран, Афганистан, Пакистан.

Сами эти государства не определяют свою форму правления как республиканскую, однако принципы выборности, сменяемости и разделения властей позволяют использовать западный термин «республика» применительно к мусульманским странам.

Заключение

История дала множество примеров республиканской формы правления, различающихся по длительности существования, политическим, социально-экономическим или культурным особенностям, однако все они имели в своей основе определённый набор характерных черт, которые можно выделить на основе ретроспективного анализа республиканской формы правления.

Понимание становления и развития правовых норм, а также их преемственности на протяжении истории является необходимым условием эффективной деятельности юриста или политика, а также сохранения активной гражданской позиции жителей государства.

Проведённое историческое изучение различных примеров существования республик во все исторические эпохи позволило утверждать, что характерные черты, присущие республиканской форме правления, складывались на протяжении веков. В настоящее время основными признаками республики считаются:

- выборность главы государства населением на определённый срок;
- ответственность главы государства и высших органов власти перед населением;
- принцип разделения властей, на основе которого формируются высшие органы государства, имеющие чёткое разграничение полномочий;
- наличие правовых норм и законодательных актов (конституций), регламентирующих порядок взаимодействия государства и общества.

Однако лишь некоторые из этих признаков, а именно: выборность и наличие правовых норм (не обязательно законодательных актов) – были присущи республиканской форме правления во все исторические периоды. Таким образом, можно сделать вывод о том, что потребовалась многовековая трансформация политического феномена республики, чтобы прийти к современной демократической формуле: «Республика – это такая форма правления, при которой суверенитет принадлежит народу, и лицо, или лица, облечённые властью, пользуются ею по праву, делегированному им народом».

Список литературы

1. *Авдеев Д.А.* Форма правления в России (краткий конституционный очерк): монография. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. университета, 2015. – 244 с.
2. История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ / отв. ред. И.С. Свенцицкая; под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1983. – 524 с.
3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 25. – М., 1967. – 646 с.
4. *Мартынюк Р.С.* Президентская республика: особенности формы правления и логика организации государственной власти // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 4 (17.) – С. 60–66.
5. *Пейн Т.* Права человека // Избранные сочинения / пер. с англ. Ф.Ф. Вермель; под ред. М.П. Баскина. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 422 с.
6. Повесть временных лет / сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации: Родная страна, 2014. – 544 с.
7. Соединённые Штаты Америки: Конституция и законодательство: пер. с англ. / под ред. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 768 с.

8. *Соломанина Ю.В.* Республиканская форма правления в России: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2007. – 202 с.

References

1. *Avdeev D.A.* Forma pravleniya v Rossii (kratkij konstitucionnyj ocherk): monografiya. – Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos. universiteta, 2015. – 244 s.
2. Istoriya drevnego mira. Kn. 2. Rascvet drevnih obshchestv / otv. red. I.S. Svencickaya, pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Neronovoj, I.S. Svencickoj. – 2-e izd., ispr. – M.: Nauka, 1983. – 524 s.
3. *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 25. – M., 1967. – 646 s.
4. *Martynyuk R.S.* Prezidentskaya respublika: osobennosti formy pravleniya i logika organizacii gosudarstvennoj vlasti // Evrazijskaya advokatura. – 2015. – № 4 (17.) – S. 60–66.
5. *Pejn T.* Prava cheloveka // Izbrannye sochineniya / per. s angl. F.F. Vermel'; pod red. M.P. Baskina. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 422 s.
6. Povest' vremennyh let / sost., primech. i uk. A.G. Kuz'mina, V.V. Fomina; otv. red. O.A. Platonov. – M.: Institut russkoj civilizacii: Rodnaya strana, 2014. – 544 s.
7. Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstituciya i zakonodatel'stvo: per. s angl. / pod red. O.A. ZHidkova. – M.: Progress: Univers, 1993. – 768 s.
8. *Solomanina Yu.V.* Respublikanskaya forma pravleniya v Rossii: istoriya i sovremennost': dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. – N. Novgorod, 2007. – 202 s.

УДК 346.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БАНКОВ И БЮРО КРЕДИТНЫХ ИСТОРИЙ

Гуртова Мария Александровна,

главный специалист,

e-mail: bukaxa777@rambler.ru,

Департамент городского имущества города Москвы, г. Москва

В статье рассматриваются особенности взаимодействия банков и бюро кредитных историй. Анализируется существующая правовая база в данной сфере деятельности, рассматриваются деятельность банков по оценке кредитоспособности потенциального заемщика.

Ключевые слова: кредит, банк, кредитор, заемщик, кредитная история, бюро кредитных историй

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF BANK LENDING TO INDIVIDUALS IN THE FIELD OF INTERACTION OF BANKS AND CREDIT BUREAUS

Gurtova M. A.,

chief specialist,

e-mail: bukaxa777@rambler.ru,

Department of city property of Moscow, Moscow

The article deals with the features of interaction between banks and credit bureaus. The existing legal framework in this sphere of activity is analyzed, the activity of banks to assess the creditworthiness of a potential borrower is considered.

Keywords: credit, bank, lender, borrower, credit history, credit Bureau

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-63-67

Бюро кредитных историй (далее – БКИ) – это организация, как правило, частная, основным видом деятельности которой является формирование, обработка и последующее хранение кредитных историй, а также предоставление кредитных отчетов. В кредитной истории клиента отражается факт выдачи кредита, исполнения платежной дисциплины, просроченная задолженность, если такая есть, факт погашения кредита, как по условию договора, так и досрочно, продажи кредита, банкротство физического лица. Состоит кредитная история из открытой и закрытой части.

По состоянию на 21.09.2018 согласно информации Банка России зарегистрировано 13 БКИ [2], реестр БКИ ведет Центральный каталог кредитных историй. Действует бюро кредитных историй на основе лицензии, выдаваемой Федеральной службой по финансовым рынкам (ФСФР), которая выступает контролирующим органом в этой сфере.

Несмотря на наличие такого внушительного списка бюро кредитных историй, большая часть кредитных историй сосредоточена в нескольких БКИ. Лидерами бюро кредитных историй на рынке являются: Национальное бюро кредитных историй, Кредитное бюро «Русский Стандарт», Объединенное кредитное бюро и «Эквифакс». Основным законодательным актом, регулирующим деятельность бюро кредитных историй, является Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях». Создание бюро кредитных историй должно было упорядочить деятельность кредитных организаций, сделать ее деятельность менее рискованной и более оперативной в плане вынесения решения по заявке клиента.

Кредитные истории в любом из бюро хранятся 10 лет с момента последнего изменения, много это или мало – вопрос спорный. С одной стороны, это приличный срок для хранения данных по каждой

кредитной анкете, а с другой – нельзя сказать, что хранение кредитной истории в течение ограниченного периода времени – правильный момент, ведь кредитная история – это показатель финансового состояния клиента, содержащий как положительные, так и отрицательные аспекты его кредитного прошлого. Ограниченный срок хранения кредитной истории не совсем верен с позиции, что клиенты бывают как добросовестными плательщиками, так и злостными неплательщиками, а в итоге получается, что, имея негативную кредитную историю, заемщик через 10 лет может начать формировать ее заново, что, в свою очередь, увеличивает риски для кредитора. Но так или иначе, появление БКИ упростило жизнь кредиторам и дало возможность иметь более полную картину в отношении своих клиентов.

До появления БКИ каждый кредитор формировал свою базу клиентов и черные списки. Данная база довольно полная и хороша тем, что отражает все сроки просрочки и суммы, может включать дальнейшую судьбу кредита и иметь краткую информацию о платежной дисциплине клиента. Помимо формирования такой базы, кредиторы обмениваются данными о нежелательных клиентах между собой посредством межбанковского обмена. Но такая система передачи информации не совсем идеальна. Банки получают информацию о заемщике, которую могут использовать в оценке его платежеспособности, порой данных по таким кредитам может не быть в бюро. Самый существенный минус – предоставление неполной информации, ведь система обмена информацией по поводу должников имеется не во всех кредитных организациях, следовательно, одни банки не имеют информации от других банков, с которыми у них нет соглашения на обмен данными о должниках, другие же кредитные организации и вовсе не располагают такой информацией.

Механизм обмена базами данных о клиентах-должниках существует и сейчас. Данные, получаемые из этих источников, играют не последнюю роль при принятии решения о выдаче ссуды. Появление бюро кредитных историй частично решило эту проблему, но в процессе взаимодействия с банками появились новые проблемы. Проблем в процессе взаимоотношения банков и БКИ достаточно много, и все они носят разный характер. Рассмотрим некоторые из них.

Одной из проблем при взаимодействии банков и бюро кредитных историй является наличие ошибок в кредитных историях заемщиков, что влечет за собой неправильную оценку кредитоспособности отдельно взятых заемщиков, и повышает риски для банков. Данные ошибки по своей природе носят технический характер, но имеет место и намеренное предоставление заведомо ложной информации. Анализ кредитной истории занимает далеко не последнее место при принятии решения по кредитной заявке потенциального клиента, и наличие изначально неправильной и искаженной информации, которая не сходится с реальным положением дел, влечет за собой принятие неправильного решения со стороны банка, недосоздание резервов по выданной ссуде, и ухудшение качества кредитного портфеля в целом. В связи с этим данные, предоставляемые БКИ, очень важны для банков, так как имеющаяся в предоставленных отчетах информация принимается кредитором как стопроцентно верная. Предоставляемая информация из бюро кредитных историй бывает не всегда однозначна, при сравнении отчетов по одному и тому же клиенту в разное время, пусть даже за небольшой отрезок времени.

Суть взаимодействия банка и БКИ заключается в том, что при запросе нового отчета сотрудник, рассматривающий кредитную заявку, имеет возможность сравнить полученную кредитную историю с кредитной историей заемщика, которая на данном этапе уже хранится в его электронной заявке по предыдущему обращению, и бывают случаи получения информации, которая с точностью до наоборот показывает кредитную историю клиента. Как мы знаем, каждый банк при анализе кредитной истории клиента обращает внимание на его кредитное прошлое, и очень скрупулезно подходит к оценке просрочек по ранее выданным кредитам и неструктурированным ссудам. И, если клиент приходит в банк с просрочками по кредитам, шансов на получение нового кредита у него мало, а если просрочки ещё и текущие или были совсем недавно, то с большей долей вероятности ему откажут. Как правило, по просрочкам от 90 дней его заявка может даже и не дойти до сотрудника, принимающего решение, а будет отсечена скоринговой системой банка при автоматической загрузке кредитной истории. Но бывают случаи, когда после отказа по такой заявке, клиент спустя какое-то время снова обращается за кредитом, и в его кредитной истории сотрудник банка не увидит уже тех просрочек, по которым ему было отказано при первичном рассмотрении заявки. Но по такой заявке у сотрудника банка возникнет законный вопрос, какому отчету ему верить и чем руководствоваться при принятии решения. Если ошибоч-

ным был первый отчет, то банк может потерять добросовестного клиента, а если ошибкой был второй отчет, то банк может выдать невозвратный кредит и ухудшить кредитный портфель. Риск по такому клиенту высок, так как, опираясь на предоставленную информацию, очень трудно сделать однозначные выводы о платежеспособности клиента.

Еще одна проблема взаимодействия банков и БКИ – это слипшиеся кредитные истории разных заёмщиков. Данная проблема имеет место быть, когда у клиентов одинаковые фамилия, имя и отчество, когда совпадают даты рождения, но при этом они могут жить в разных регионах, иметь противоположные кредитные истории. При этом мы имеем двух субъектов кредитования, но одну кредитную историю. Понять, какая часть кредитной истории какому заемщику принадлежит практически невозможно. Банк как кредитор сам разделить кредитные истории заемщиков не в состоянии, сделать это можно только напрямую обратившись в БКИ, но на проведение такой процедуры уходит не один день.

Проблемой является неполное отражение кредитов в БКИ. Зачастую банки могут передать данные о вновь выданном кредите как с опозданием, а иногда и вовсе забыть это сделать. Банк передает данные в то бюро, с которым заключил договор, и не всегда другой кредитор пользуется услугами этого бюро. Данный момент приводит к недостоверной оценке платежеспособности клиента, так как не все его уже существующие обязательства видны потенциальному кредитору. Данная проблема возникает из-за того, что непередача информации не несет последствий для кредитора.

Надо отметить, что банки забывают передавать сведения в БКИ не только о вновь выданных кредитах, но и о закрытии и досрочном погашении существующих у клиента кредитных обязательствах, что ухудшает положение заемщика, который, приходя за новым кредитом и будучи в полной уверенности одобрения нового кредита, может получить отказ по причине закредитованности. Конечно, клиент может оспорить данное решение банка, получив отказ, подать заявку повторно и принести справку из банка, где ранее был выдан кредит. Но это потребует как временных, так и финансовых ресурсов от клиента, ведь выдача таких справок во многих банках является платной. Похожая ситуация возникает часто и по кредитным карточкам клиента, которые могут не один год висеть в отчетах БКИ как действующие, по причине непередачи информации банками. Кредиторы не всегда передают сведения о погашении клиентом просрочки по кредиту, и добросовестный клиент одного банка легко становится нежелательным клиентом для другого, так как его просрочка до 5 дней с легкостью превращается во все 90. Нередки случаи, когда у клиентов висят просрочки с суммой долга 1 рубль. Данные клиенты имеют своего рода техническую просрочку из-за неправильного отражения погашенных сумм и погашенный кредит делает их должниками, портя при этом кредитную историю, ведь по формальным признакам такие клиенты могут не пройти скоринговую проверку банка.

Существует проблема, которой, казалось бы, не может и быть – наличие военной ипотеки. Как показывает практика, проблемы с такими кредитами существуют. Всему виной несвоевременное отражение поступлений денежных средств в погашение кредита. Формально клиент, который даже не платит по такому кредиту, может иметь по нему текущие просрочки. Решить эту проблему в данный момент для заемщика можно только путем предоставления документов из банка, выдавшего кредит, где будет указано, что это военная ипотека, но на запрос таких справок уйдет время и хорошо, если кредит выдавался в этом же городе и клиент физически сможет предоставить такую справку.

Еще одним недостатком процесса запроса кредитной истории является желание кредитора снизить количество запросов в БКИ, и тем самым сократить платежи за предоставленные отчеты. Каждый банк самостоятельно принимает для себя решение, в течение какого срока повторные запросы по одному и тому же клиенту он не будет делать, для кого-то это неделя, для других банков – месяц. С одной стороны, кредитные организации можно понять и согласиться, что делать один и тот же запрос по клиенту не стоит. Другой момент, который стоит учитывать, – никто не гарантирует кредитору, что в течение этого месяца клиент не оставял заявки на кредит в других банках или даже не оформил таковой. А это, в свою очередь, повлияет на оценку его кредитоспособности, которая станет ниже, и гарантии, что он сможет расплатиться по всем своим обязательствам, никто не даст.

При получении данных из бюро кредитор не всегда может сказать, на кого был оформлен кредит: на физическое лицо или на юридическое. Актуальность данный вопрос приобретает, когда за кредитом приходит руководитель организации, но не как юридическое лицо, а как физическое. Специалист,

оцениваемый платежеспособность клиента, не может сказать, на кого были оформлены ранее взятые кредиты, на юридическое или на физическое лицо. Данная проблема может быть решена предоставлением клиентом справки в банк, но на это уйдет время, тем более, если таких кредитов не один или клиент кредитуются в другом городе. Все эти нюансы затягивают рассмотрение заявки клиента и делают его сотрудничество с банком более сложным и проблематичным. Даже пойдя на уступку кредитору и, обратившись в банк за справками о ранее выданных кредитах, клиенту придется быть готовым, что за эту услугу придется заплатить и понести расходы в целях рассмотрения заявки по кредиту в другом банке. При этом клиенту никто не сможет дать гарантии, что эти затраты были не напрасны и ему будет одобрен кредит.

Еще одним недостатком является отражение в отчете кредитных бюро только кредитных обязательств клиента. В данный отчет не входят другие обязанности заемщика, такие как: выплаты по алиментам, штрафы или решения суда о наложении ареста и взыскании денежных средств. В настоящий момент кредитор проверяет клиента далеко не по одному источнику, чтобы собрать воедино все обязательства клиента и иметь четкую картину перед собой. Наличие механизма передачи в БКИ данных обо всех обязательствах клиентов, с одной стороны, имело бы дисциплинирующий характер, с другой – упростило бы работу кредиторов.

Банк запрашивает кредитные истории в БКИ для того, чтобы принять решение, можно ли выдать клиенту кредит, если да, то на каких условиях. И от того, насколько будут слаженными взаимодействия БКИ и банков, зависит, с одной стороны, минимизация рисков банка, с другой – сокращение закредитованных и неплатежеспособных клиентов. Сутью взаимодействия БКИ и банка является предоставление данных о клиенте как с одной, так и с другой стороны, и кредиторы не должны забывать, что данный процесс носит двухсторонний характер, ведь БКИ не занимается самостоятельным поиском данных, а предоставляет те, которые ей дают банки. При этом банки должны иметь уверенность, что сведения, которые передает БКИ, достоверные.

Оценка кредитоспособности физического лица – процесс непростой и трудоемкий. В отличие от организаций и предприятий, у него нет баланса, и кредитная история своего рода является для него рекомендацией, хорошей или плохой.

Взаимодействие банков и БКИ – процесс, имеющий сложности как для клиентов, так и для кредиторов. По закону банк не обязан передавать информацию о вновь выданном кредите во все БКИ, а передать только в те, которые включены в государственный реестр, в связи с чем уверенности в полной картине обязательств клиента, имеющихся на данный момент, нет. Клиент, который захочет проконтролировать свою кредитную историю, сталкивается с трудностями. Для того чтобы запросить данные в бюро, клиент должен знать в какое из имеющегося множества банк передал данные, в свою очередь, такие данные редко содержатся в заключенных кредитных договорах и единственное, что остается клиенту, это взять справку в банке, что он погасил кредитные обязательства.

Главная проблема во взаимодействии банков и бюро кредитных историй в том, что каждый банк хочет, чтобы получаемая им информация была полной и достоверной, но при этом сам неохотно делится данными о клиентах с БКИ. «Сбербанк, являясь одним из лидеров на рынке потребительских кредитов, не демонстрировал сильного желания делиться информацией о заемщиках с другими банками и только 27 марта 2006 г. подписал договор об обмене негативной информацией о заемщиках – физических лицах с Национальным бюро кредитных историй. Деятельность же БКИ основана на принципе взаимного обмена, которая установлена в соглашении между банком и бюро» [6].

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: в результате внедрения данных из БКИ в процесс оценки кредитоспособности заемщика, деятельность по оценке кредитоспособности потенциального заемщика упрощается, процесс взаимоотношения банков и БКИ снижает риски кредитора, дисциплинирует заемщика соблюдать платежную дисциплину. Из недочетов мы можем отметить недостаточность правового регулирования как деятельности самих бюро, так и непосредственного взаимодействия с банками, не позволяющая кредитору быть уверенным на сто процентов в качестве предоставляемых БКИ данных по клиентам. БКИ не всегда получают данные от кредиторов, с которыми у них заключен договор о передаче данных.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СПС КонсультантПлюс.
2. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации // Государственный реестр бюро кредитных историй [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbr.ru/ckki/restr> (дата обращения: 21.06.2019).
3. *Тосунян Г.А., Викулин А.Ю.* Постатейный комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях». – М.: Спец-Адрес, 2006. – 543 с.
4. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях» (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
6. Электронное периодическое издание «Лента.ру» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lenta.ru/news/2006/03/27/sber> (дата обращения: 21.06.2019).

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 29.07.2018) // SPS Konsul'tantPlyus.
2. Oficial'nyj sajt Central'nogo banka Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennyj reestr byuro kreditnyh istorij [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.cbr.ru/ckki/restr> (data obrashcheniya: 21.06.2019).
3. *Tosunyan G.A., Vikulin A.Yu.* Postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 30 dekabrya 2004 goda № 218-FZ «O kreditnyh istoriyah». M.: Spec-Adres, 2006. – 543 s.
4. Federal'nyj zakon ot 02.12.1990 № 395-1 «O bankah i bankovskoj deyatel'nosti» (poslednyaya redakciya) // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Federal'nyj zakon ot 30.12.2004 № 218-FZ «O kreditnyh istoriyah» (poslednyaya redakciya) // SPS Konsul'tantPlyus.
6. Elektronnoe periodicheskoe izdanie «Lenta.ru» [Elektronnyi resurs]. – URL: www.lenta.ru/news/2006/03/27/sber (data obrashcheniya: 21.06.2019).

УДК 34

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО РЕБЁНКА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Юрчук Василий Степанович,

канд. юрид. наук, доцент кафедры теории, истории, государства и права,

e-mail: vJurchuk@muiv.ru, <http://www.muiv.ru>,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статье рассматривается правовой статус несовершеннолетнего ребёнка, зафиксированный в Конституции Российской Федерации. Показана роль Конституции Российской Федерации как важнейшей составляющей в системе права России. Отмечены положительные подходы, которые сложились в нашей стране в деле защиты и реализации прав и интересов ребёнка. Дана характеристика понятия «правосубъектность несовершеннолетнего». Рассмотрены структурные элементы правосубъектности несовершеннолетнего – правоспособность и дееспособность. Отмечены различные точки зрения, существующие в российской правовой науке, на понятия «правовой субъект», «субъект права». Представлена позиция ряда российских правоведов по вопросам соотношения понятий «правовой статус» и «субъект права». Сделана попытка анализа этих категорий, показана специфика их реализации в законодательстве России.

Ключевые слова: правосубъектность несовершеннолетнего, правовой статус несовершеннолетнего, ювенальное право, права ребёнка

LEGAL STATUS OF A MINOR CHILD AND ITS IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN LEGISLATION

Urchuk V.S.,

candidate of legal sciences, associate professor

of department of theory and history of the state and right,

e-mail: vJurchuk@muiv.ru, <http://www.muiv.ru>,

Moscow Witte University, Moscow

The article discusses the legal status of a minor child, which is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The role of the Constitution of the Russian Federation as the most important component in the legal system of Russia is shown. The positive approaches that have developed in our country in the protection and realization of the rights and interests of the child are noted. The characteristic of the concept of “juvenile legal personality” is given. The structural elements of the juridical personality of a minor – legal capacity and capacity are considered. The various points of view existing in Russian legal science on the concepts of “legal subject”, “subject of law” are noted. The position of a number of Russian jurists on the relationship between the concepts of “legal status” and “subject of law” is presented. An attempt was made to analyze these categories; the specificity of their implementation in the legislation of Russia is shown.

Keyword: legal personality of a minor, legal status of a minor, juvenile law, rights of a child

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-68-72

Защита прав человека, в том числе и прав несовершеннолетних, – важнейшее положение, закреплённое в Конституции Российской Федерации. Под конституционными основами защиты и реализации прав ребёнка в данном исследовании рассматривается совокупность взаимосвязанных, предельно универсальных, максимально стабильных принципов, норм отечественного законодательства о правах человека и гражданина, в рамках которого прописаны и определённые статьи, касающиеся вопросов о правах и интересах несовершеннолетних.

Нормы конституционного права в нашей работе исследуются не как важный признак отрасли права в системе классификации национальной правовой системы, а в первую очередь, как её системообразующее ядро, как нормативность высшего порядка.

В стране сложились положительные подходы общего юридического подхода в деле защиты и реализации прав и интересов ребёнка. Сегодня эти подходы являются предметом большого количества исследований, интерпретаций, дискуссий. Важное место в этих исследованиях занимают вопросы, связанные с правовой субъектностью, правовым статусом несовершеннолетних детей. Решение этих вопросов, предопределяющих субъектно-объективную составляющую процедур, механизмов защиты и реализации прав и интересов несовершеннолетних, а также участие в них самих детей, различных категорий взрослых, органов государства, институтов гражданского общества является важным в ювенальной политике государства.

Исследование вопросов правовой социализации несовершеннолетнего, его правовой идентичности, становление правовой самостоятельности необходимо для решения проблемы эволюционного изменения положения ребёнка в правовом пространстве. Это правовое пространство начинается от объекта заботы, правовой защиты ребёнка и заканчивается формированием адекватной возрасту, другим факторам жизнедеятельности, правоспособности, дееспособности взрослеющего несовершеннолетнего ребёнка. Это в сфере права это получило название «правосубъектность».

«Если общественной предпосылкой правосубъектности служит свобода воли личности, – отмечает С.С. Алексеев, – то содержание свободы воли составляют определённые правовые нормы, которые предполагают, что лицо, обладающее правоспособностью, является носителем правосубъектности».

Основное содержание понятий «субъект права» и «правосубъектность» совпадают. Говоря о правосубъектности, необходимо выделить два его основных структурных элемента: первый – способность обладать правами и нести обязанности, это так называемая «правоспособность». Второй – способность к самостоятельному осуществлению прав и обязанностей – «дееспособность»¹.

Рассматривая это положение, С.С. Алексеев отмечает: «...правосубъектность по своим исходным, начальным элементам всегда является, безусловно, равной, совершенно одинаковой для всех граждан без какого бы то ни было исключения. В соответствии с Основным законом, все граждане наделены равными возможностями обладания юридическими правами и несения юридических обязанностей независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств». Если эти положения, высказанные автором о правосубъектности гражданина, использовать при осмыслении правоспособности детей различного возраста, то здесь появляется ряд вопросов теоретического характера. Ответы на эти вопросы позволяют эффективно решать задачи защиты прав и интересов несовершеннолетних.

При изучении вопросов правосубъектности, правоспособности несовершеннолетних детей представляется целесообразным использовать термины «мера правоспособности», «объём правосубъектности», иначе весьма сложно обосновывать положения о том, что несовершеннолетний любого возраста, любой социальной, психической, интеллектуальной зрелости является правосубъектным. Такой вывод напрашивается из того понимания правосубъектности, которое дают многие известные отечественные правоведы.

В отечественном теоретическом правоведении не сформировались устойчивые представления о содержании понятий «правовой субъект», «субъект права», «правовой статус», а это, естественно, накладывает свой отпечаток на понимание содержания производных от этих категорий: «несовершеннолетний ребёнок как субъект права», «правовой статус несовершеннолетнего ребёнка» и др.

Так, А.Ю. Якимов отмечает: «Под субъектом права целесообразно понимать абстрактное лицо (физическое или юридическое), предусмотренное правовыми нормами, которое наделено определённым объёмом абстрактных юридических прав и обязанностей» [4].

Мы считаем, что в дефиниции «субъект права» речь должна идти не о каком-то абстрактном физическом или юридическом лице, а о реальных лицах, к которым в российском праве относят, прежде всего, личность, гражданина, организацию, государство, институты гражданского общества. В этот же список можно включить и семью, родителей, самого несовершеннолетнего ребёнка.

Каждый из вышеназванных субъектов права или обладает этими правами от рождения или наделён, как отмечает А.Ю. Якимов, соответствующими правами. Но эти права никак не могут быть аб-

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2015. – С. 379.

страктными, они изложены в Конституции Российской Федерации и являются теми правами, которые реализуются в российском государстве.

Раскрывая сущность понятия «субъект права» и производного от него определения «несовершеннолетний ребёнок как субъект права» мы придерживаемся позиции С.И. Архипова, отмечающего «понимание субъекта права как творца всего правового, по нашему мнению, означает также и то, что его цели лежат не только во внешней сфере, в чисто практических отношениях. Для субъекта права как творца не менее важна сфера его внутреннего правового самоопределения. Субъект права создаёт и самого себя, свой внутренний правовой мир, своё правопонимание, отношение к праву, свою правовую индивидуальность» [1].

Такое понимание термина «субъект права» позволяет более широко понимать соотношение универсальной правовой субъектности ребёнка и правовой субъектности конкретных несовершеннолетних детей определённого возраста, определённых уровней социальной, интеллектуальной, иной зрелости, учитывать процессы диалектики изменений, происходящих в области правовой субъектности ребёнка, понимать процессы, в которых участвуют родители, другие законные представители несовершеннолетних детей.

В современной юридической литературе не сложилось единство мнений правоведов по поводу категории «правовой статус», что вызывает плюрализм в вопросах понимания понятия «правовой статус несовершеннолетнего ребёнка».

Так, А.В. Малько считает, что правовой статус есть юридически закреплённый статус субъекта в социуме, который выражается в определённом наборе его прав и обязанностей². Этот правовой статус содержит права и обязанности; определённые интересы; правосубъектность; гражданство; правовую ответственность; юридические принципы.

Это очень многогранное толкование юридического статуса личности и вряд ли оно может быть применимо при решении вопросов правового статуса несовершеннолетних детей.

Под юридическим статусом личности мы понимаем единство прав и обязанностей, которые эта личность может реализовать в своей деятельности. Современные правоведы именно такому определению отдают явное предпочтение. Так, профессор Д.А. Медведев считает, что понятие «правовой статус» более чётко выражает права и интересы личности, чем понятие «общая правосубъектность». Если же понятия рассматривать применительно к личности ребёнка, то возникает вопрос, какое из этих двух понятий является первичным – «субъект права» или «правовой статус».

Мы считаем, что понятие «субъект права» – категория более широкая, ибо через неё, то есть через категорию «правосубъектности», мы судим о мере свободы, которая выражает единство количественных и качественных возможностей субъекта права при определённых правоотношениях. Но в этих правоотношениях несовершеннолетний выступает и как носитель прав, и как личность, наделённая определёнными обязанностями, а это предполагает, что эта категория – «правовой статус» – здесь выступает как первичная.

В данном контексте рассматриваемой проблемы мы ведём речь не столько о правовой субъектности и правовой статусности, выраженной в праве соответствующими понятиями, сколько о философско-правовом понимании универсального смысла, содержания рассматриваемых категорий.

Правовая субъектность – важнейшая категория, которой оперирует современное право, объединяющая в своём содержании сущностные характеристики основных элементов правовой реальности: правовое сознание, правовые отношения, правовую практику – носителями которых являются правовые субъекты.

Важную роль в правовой субъектности, в том числе и несовершеннолетних детей, играет универсально-общая, правовая субъектность.

Такие важнейшие категории права как человек, гражданин, семья, государство узакониваются, принимают реальные черты в отечественных нормах права, в определённых общепризнанных нормах международного права. Универсально-правовая субъектность выражает самые значимые, самые стабильные, самые универсальные признаки правовой сущности физического, юридического лица и, пре-

² Малько А.В. Правовой статус личности // Теория государства и права: учебник. – 4-е изд., стер. – М., 2012. – С. 102–103.

жде всего, с позиций должного. Право – это сфера должного, то есть того, чего в привычном смысле нет, но реальность которого, тем не менее, значима для человека.

Понятие «правовой статус», с нашей позиции, безусловно связано с понятием «субъект права» и представляет определённую область присутствия того или иного физического, юридического лица в правовой системе государства, в системе правовых отношений. Правовой статус любого лица, в том числе несовершеннолетнего, – изменчив, не постоянен. Содержание правового статуса, в значительной мере, чем содержание правовой субъектности, подвержено влиянию государства, зависит от деятельности (бездеятельности) законодательной ветви власти, от определённого вида права, от формы политического режима и других факторов. Специфические разграничения этих понятий имеют отношение и к пониманию содержания термина «правовой статус несовершеннолетнего ребёнка».

В работах по ювенальному праву высказывается следующее положение: «поскольку нормы, регламентирующие специальные правовые статусы несовершеннолетних, закреплены в соответствующих отраслях права, то наиболее продуктивной, с точки зрения исследования, представляется отраслевая классификация правовых статусов несовершеннолетних. Имеются все основания для выделения гражданско-правового, семейно-правового, жилищно-правового, административно-правового, уголовно-правового, процессуального правового статуса несовершеннолетних в области социального обеспечения и социальной защиты. Думается, что можно говорить также и о международно-правовом статусе несовершеннолетних» [2]. Приведённая цитата взята из одной работы, которая популяризирует ювенализацию российского права.

Отметим, что в список правовых статусов авторы не внесли конституционный статус ребёнка. «...Мы полагаем, – пишут авторы данной работы, – что вычленение из общих норм Конституции таких, которые бы регламентировали правовой статус несовершеннолетних только в самой Конституции и в конституционном законодательстве, представляется весьма затруднительным» [Там же].

Мы согласны с авторами данного положения. В Основном законе Российской Федерации зафиксировано несколько положений, которые регулируют правовой статус несовершеннолетних детей. Эти положения изложены в статье 38, где государство берёт на себя обязательство защищать семью, детство, материнство. Здесь же прописана обязанность родителей заботиться о детях, их воспитании. Подчёркивается, что это их равная обязанность и равное право.

Следующее положение обязывает детей, достигших 18 лет, заботиться о нетрудоспособных родителях³.

Ещё одна статья Конституции (ст. 60) регулирует возраст, с которого гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объёме свои права и обязанности. Этот возраст по Конституции начинается с 18 лет.

Статьи Конституции не предусматривают регламентацию правового положения несовершеннолетнего ребёнка, других категорий граждан. Но, конституционное право создаёт общие правовые основания правовой субъектности для каждого человека-гражданина, в том числе и для каждого несовершеннолетнего человека-гражданина. В понятие «человек-гражданин» включается всё население страны. Это граждане-дети, граждане-женщины, граждане-мужчины и т.д.

Определение правового статуса несовершеннолетнего ребёнка в современном, часто меняющемся гражданском, семейном, трудовом, уголовном и ином законодательстве не зависит от прихоти законодателя, оно базируется на принципах Конституции, вытекает из смысла Конституции, конкретизируется нормами конституционного права.

Конституционный базис обеспечения правовой субъектности несовершеннолетних детей в российском государстве и гражданском обществе формирует принципы и нормы определённых типов (отраслей) национального и международного права.

Согласно ст. 17, п. 1 Основного закона в России «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией». Безоговорочно это положение касается признания, соблюдения и гарантий реализаций прав и свобод несовершеннолетних детей. Эта норма, закреплённая в Конституции РФ,

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). – Ст. 38.

базируется и учитывает общепризнанные принципы и нормы международного права, защищающего права детей, основой которого является Конвенция о правах ребёнка, подписанная и принятая Россией в 1994 году.

В статье 15 Основного закона Российской Федерации записано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы». Это положение Конституции является основой для формирования общепризнанных прав человека в Российской Федерации. На уровне конституционного права зафиксировано то, что признанные международным сообществом принципы, нормативно-правовые акты международного права и международные договоры Российской Федерации входят и являются составной частью её национальной правовой системы. Но в Основном законе не выделено положение о том, к какому типу права (отрасли права) относить эти принципы и нормы международного права и международные договоры, которые входят в правовую систему страны.

Мы считаем, что признанные мировым сообществом принципы и нормы, относящиеся к правам человека, в том числе к правам ребёнка, необходимо рассматривать как составную часть конституционного права нашего государства.

Как считает значительная часть отечественных и зарубежных экспертов, в Основном законе России зафиксирован довольно полный перечень прав, свобод человека-гражданина и эти права и свободы в полной мере распространяются и на несовершеннолетних детей, учитывая их возрастные и иные особенности.

С нашей точки зрения, следует продолжить дискуссии и разработку проблем соотношения концепции ювенального права, рассматривая её в более широком аспекте синтеза естественно-правовой и обновлённой позитивистской парадигмы концепции права и концепции права в интересах детей [3].

Список литературы

1. *Архипов С.И.* Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. – 2015. – № 7. – С. 23.
2. Концепция ювенального права современной России: монография / под ред. В.И. Жукова. – М., 2011. – С. 138, 139.
3. *Сунцова Е.А., Юрчук В.С.* Ювенализация государственной политики российского законодательства в интересах детей // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 196–201.
4. *Якимов А.Ю.* Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. – 2013. – № 4. – С. 6.

References

1. *Arkhipov S.I.* The subject of law in the center of the legal system // State and law. – 2015. – No. 7. – P. 23.
2. The concept of juvenile law in modern Russia: a monograph / ed. V.I. Zhukov. – M., 2011. – P. 138, 139.
3. *Suntsova E.A., Yurchuk V.S.* Juvenalization of the state policy of the Russian legislation in the interests of children // Moscow University Bulletin of the Ministry of the Interior of Russia. – 2016. – No. 7. – P. 196–201.
4. *Yakimov A.Yu.* The status of the subject of law (theoretical issues) // State and law. – 2013. – No. 4. – P. 6.

УДК 347.191.1

ПОНЯТИЕ, ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Колонтаевская Ирина Федоровна,

*д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
e-mail: kolont@bk.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва*

В статье рассматриваются основные точки зрения на природу и сущность корпоративных правоотношений, раскрывается их место в системе гражданско-правового регулирования общественных отношений, выявляются особенности и специфика корпоративных правоотношений, приводятся примеры различных групп корпоративных отношений, возникающих в процессе создания, деятельности и прекращения коммерческих и некоммерческих корпоративных организаций. Обращается внимание на то, что норма статьи 65.2. ГК РФ, закрепляющая права и обязанности участников корпорации, не проводит при этом различий между коммерческими и некоммерческими корпоративными организациями. Соответственно, предлагаемые законодателем единые подходы к регулированию отношений, складывающихся в рамках корпораций, не учитывают различий в целях их создания и правовом положении их участников, что неминуемо приводит к противоречиям в правовом регулировании данной сферы отношений. Вместе с тем, делается вывод, что изменения и дополнения гражданского законодательства о юридических лицах, наделившие участников корпоративных организаций правами и обязанностями по отношению к самой корпорации (гл. 9.1 «Решения собраний» ГК РФ), существенно обогатили внутреннее правовое регулирование юридических лиц корпоративного типа.

Ключевые слова: корпоративные правоотношения, корпоративные коммерческие и некоммерческие организации, имущественные и личные неимущественные отношения, организационные отношения

CONCEPT, NATURE, ESSENCE AND FEATURES CORPORATE RELATIONS

Kolontaevskaya I. F.,

*doctor of pedagogical sciences, PhD in law, professor,
head of the department of civil law and process,
e-mail: kolont@bk.ru,
Moscow Witte University, Moscow*

The article discusses the main points of view on the nature and essence of corporate legal relations, reveals their place in the system of civil law regulation of public relations, identifies features and specifics of corporate legal relations, gives examples of various groups of corporate relations arising in the process of creation, activity and termination of commercial and non-commercial corporate organizations. Attention is drawn to the fact that the norm of Article 65.2. The Civil Code of the Russian Federation, which enshrines the rights and obligations of the participants of the corporation, does not distinguish between commercial and non-profit corporate organizations. Accordingly, the unified approaches proposed by the legislator to regulate relations that take shape within corporations do not take into account the differences in their creation and the legal status of their participants, which inevitably leads to contradictions in the legal regulation of this sphere of relations. At the same time, it is concluded that changes and additions to civil legislation on legal entities that gave participants of corporate organizations the rights and obligations towards the corporation itself (Chapter 9.1 “Decisions of meetings” of the Civil Code of the Russian Federation) significantly enriched the internal legal regulation of corporate entities.

Keywords: corporate legal relations, corporate commercial and non-profit organizations, property and personal non-property relations, organizational relations

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-73-79

Центральной категорией понятийного аппарата корпоративного права являются корпоративные правоотношения, однако до настоящего времени среди исследователей нет единого мнения относительно содержания этого понятия. В свою очередь, разное понимание сущности корпоративных правоотношений обуславливает различия в подходах к решению многих важных теоретико-правовых, практических, правоприменительных, правотворческих проблем. Введённые законодателем в Гражданский кодекс Российской Федерации основополагающие понятия в полной мере не раскрывают сущность и природу корпоративных отношений, а потому вопросы природы отношений членства (участия) в коммерческих и некоммерческих компаниях и обоснованность закреплённых в ГК РФ формулировок остаются открытыми.

Прежде чем перейти к рассмотрению сути вопроса, отметим, что, как и любые правоотношения, корпоративные правоотношения – это общественные отношения, урегулированные соответствующими нормами права. В данном случае такими нормами выступают нормы корпоративного права. То есть можно утверждать, что корпоративные отношения и корпоративные правоотношения – идентичные понятия.

Следует также подчеркнуть, что корпоративное право пока не оформилось в самостоятельную отрасль права. В настоящее время корпоративные отношения входят в сферу регулирования гражданского права, что явно следует из смысла и содержания п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ¹. Таким образом, корпоративные отношения в определённой степени являются гражданскими правоотношениями, что также подтверждается их преимущественно частноправовой направленностью и широкой диспозитивностью нормативно-правового регулирования.

Между тем относительно сущности и природы корпоративных отношений (корпоративных правоотношений) имеются существенные разногласия. Так, понятие «корпоративные отношения» некоторыми юристами толкуется настолько широко, что включает общественные отношения, возникающие в процессе самой разнообразной совместной (корпоративной) деятельности по достижению общих целей. Это могут быть отношения членов семьи или целого семейного клана, иной социальной (профессиональной, служебной, творческой, религиозной, этнической, ментальной, досуговой, спортивной и пр.) группы, союза лиц и участников, коммерческой или некоммерческой организации, совместных собственников и соавторов, солидарных и субсидиарных должников и кредиторов, участников хозяйственных товариществ, обществ и кооперативов, хозяйственных партнёрств, ассоциаций, политических партий, общественных объединений и т.д. Кроме того, многие исследователи также относят к корпоративным отношениям внешние отношения, возникающие в связи с образованием, деятельностью и прекращением корпораций как юридических лиц посредством частноправового и публично-правового регулирования [10, с. 121–125].

Другие юристы понимают корпоративные отношения в узком смысле, как внутренние отношения, связанные с участием учредителей (участников, членов, акционеров) хозяйственных обществ в управлении и контроле за деятельностью этих обществ. В связи с этим отмечается, что «специфика корпоративных отношений заключается в том, что они являются отношениями лиц в организациях корпоративного типа, то есть понимаются как организационно-управленческие внутренние отношения. При этом предполагается, что корпоративные правоотношения с психологической и управленческой точки зрения вызывают особое переживание участия в деятельности корпорации, дают ощущение власти, а также осознание связи с юридическим лицом – корпорацией» [6, с. 101].

Отдельные исследователи, наоборот, призывают относить к корпоративным отношениям лишь те, которые возникают между участниками (членами) корпорации. По их мнению, участие самой корпорации в качестве субъекта отношений ещё не даёт оснований именовать данные отношения корпоративными [13, с. 136–148].

Е.С. Суханов выделяет внутренние (членские) и внешние отношения компании, которые следует считать корпоративными. Среди внутренних он называет:

- отношения участников (членов, акционеров и др.) корпорации между собой;
- отношения между участником (членом, акционером) корпорации и самой корпорацией;

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

К внешним корпоративным отношениям, соответственно, относятся:

- частноправовые отношения корпораций с третьим лицам, в том числе с другими корпорациями;
- различные случаи выступления от имени корпораций (например, представительство);
- отношения между корпорацией, с одной стороны, и корпоративными кредиторами – с другой;
- взаимоотношения коммерческих корпораций, составляющих концерны и (или) холдинги [17, с. 47–48].

В целом, учитывая широкий и узкий подходы, можно сказать, что корпоративные отношения – это урегулированные нормами права общественные отношения участников (учредителей, членов, акционеров) корпоративной организации между собой, а также предусмотренные корпоративным законодательством отношения участников (учредителей, членов, акционеров) с корпорацией, и направленные на удовлетворение корпоративных интересов и достижение корпоративных целей.

Корпоративные отношения могут быть внутренними, то есть возникать внутри корпоративных организаций, участники (учредители, члены, акционеры) которых обладают правом на участие в управлении их деятельностью (правом членства). Это характерно для хозяйственных товариществ и обществ, производственных и потребительских кооперативов, общественных организаций, ассоциаций и союзов, хозяйственных партнёрств, крестьянских (фермерских) хозяйств, некоммерческих корпоративных организаций (ст. 65.1 ГК РФ).

Кроме того, корпоративные отношения могут быть внешними, то есть возникать в процессе создания, функционирования, реорганизации и ликвидации корпорации, а также взаимодействия корпорации с государственными и муниципальными органами, другими корпоративными и унитарными организациями.

Следует также отметить, что, по мнению ряда исследователей, корпоративные правоотношения являются вещными [14, с. 10], имущественными, возникающими и реализующимися в экономических сферах [11, с. 33]. Отмечается, что в основе внутренних корпоративных отношений лежат экономические отношения [19, с. 24] коллективной собственности [15, с. 28]. Утверждается, что современным реалиям в наибольшей степени соответствует определение корпорации с акцентом именно на объединении капиталов [4, с. 24].

Однако, как это следует из законодательства и практической деятельности организаций, в основе корпоративного объединения могут лежать не только материальные (имущественные), но и нематериальные (неимущественные), социально-значимые интересы и цели.

В.А. Рахмилович по этому поводу отмечает, что внутриорганизационные отношения участия-членства в корпорации – это сочетание имущественных и личных неимущественных отношений². По мнению М.А. Рожковой, внутрикорпоративные отношения представляют собой правоотношения между участниками (членами корпорации) и/или создаваемыми ими органами корпорации, что находит проявление в ведении дел и управлении корпорацией (управленческие и организационные отношения) [13, с. 138]. Вероятно, именно в этом значении упоминается «корпоративность» как один из основных принципов деятельности адвокатуры (ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)³. О.А. Красавчиковым была выдвинута концепция организационных отношений, в соответствии с которой организационные отношения представляются служебными по отношению к основным, имущественным и, тесно переплетаясь с ними, направлены на их упорядочение (нормализацию) [7, с. 48, 49, 54, 55].

Некоторые учёные рассматривают корпоративные отношения в качестве личных неимущественных. С.Н. Братусь, в частности, отмечал, что корпоративные права и обязанности участников (членов) различных кооперативных и общественных организаций, по сути, являются личными неимущественными. Права членства неотчуждаемы, неотделимы от члена организации и принадлежат ему до тех пор, пока он имеет соответствующий определённый законом статус [5, с. 74]. Другие учёные, соглашаясь с тем, что корпоративные отношения являются неимущественными, не признают их имеющими личный характер [18, с. 70].

² Рахмилович В.А. Гражданское право России: курс лекций / под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юрид. лит., 1996. – Ч. 1. – С. 57.

³ Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

В науке также существует взгляд на корпоративные отношения как на отношения относительно самостоятельные. Так, Ю.Н. Андреев подчёркивает, что отношения, именуемые корпоративными и складывающиеся между корпорацией и её участниками, а также между самими участниками организации, имеют особую корпоративную природу. В свою очередь, В.К. Андреев и В.А. Лаптев, ссылаясь на ст. ст. 65.1 и 65.3 ГК РФ, полагают, что корпоративные права отделены от обязательств и составляют новую систему прав в гражданском законодательстве. Они признают, что это управленческие неимущественные права, неимущественные обязательства, которые нехарактерны для гражданского права [3, с. 352]. Специфичность корпоративных отношений, как отмечают В.К. Андреев и В.А. Лаптев, заключается в том, например, что корпоративные права имеют только участники корпоративных организаций (п. 3 ст. 48 ГК РФ). Учредители (участники) таких юридических лиц обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган. В связи с участием в корпоративных организациях их участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности созданного ими юридического лица (ст. 65.1 ГК РФ).

К корпоративным отношениям можно отнести всю совокупность отношений, возникающих между органами управления корпорации, обществом в целом и отдельными участниками по поводу управления корпорацией. Конгломерат этих корпоративных отношений, связанных с участием в общих делах созданной организации, даёт основание считать корпорацию единым самостоятельным лицом, а не союзом участников (членов) [16, с. 4–21].

Следует отметить, что правильное понимание правовой природы корпоративных правоотношений позволяет адекватно понять и оценить их место и значение в юридической системе. Обращение к данной категории в правоприменительной деятельности даёт возможность правильно квалифицировать возникающие общественные отношения, а в законотворческой – точно, понятно и однозначно формулировать нормы права. В то же время, различное понимание фактического и юридического состава корпоративных правоотношений обуславливает расхождение и несоответствие в определении их правовой природы. Так, по мнению Д.В. Ломакина, понятия «корпоративное правоотношение» и «правоотношение членства (участия)» – вовсе не являются синонимичными. Более широкий по своему содержанию термин «корпоративное правоотношение» включает в себя не только права участников (учредителей, членов, акционеров) в отношении корпорации (право формировать высший орган корпорации, участвовать в ведении дел и т.д.), но и права корпорации по отношению к своим участникам (учредителям, членам, акционерам). В свою очередь, правоотношения членства (участия) при определённых условиях (например, возникновении дополнительных юридических фактов) могут создавать для участников (членов) корпорации и иные права [9, с. 62].

Н.Н. Пахомова определяет корпоративные отношения как особые отношения в сфере собственности. Собственность корпоративного юридического лица она определяет как трансформированное из собственности каждого участника объединённое имущество (собственность с множественным составом субъектов-собственников), сознательно сформированное его участниками для целенаправленного достижения синергетического эффекта. При этом каждый из участников, внесших свою долю (пай, процент), получает определённый объём власти на объединённое имущество. Иными словами, в данном случае корпоративные правоотношения можно охарактеризовать как отношения «ограниченных» собственников в соответствии с определённым набором прав, полученных взамен [12, с. 60].

Следует отметить, что статья 65.2. ГК РФ закрепляет права и обязанности участников корпорации, не проводя при этом различий между коммерческими и некоммерческими корпоративными организациями. Соответственно, предлагаемые законодателем единые подходы к регулированию отношений, складывающихся в рамках корпораций, не учитывают различий в целях их создания и правовом положении их участников. При этом признаками имущественных отношений обладают отношения, возникающие в коммерческих корпорациях, преследующих извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Отношения, складывающиеся в некоммерческих организациях, могут как обладать, так и не обладать имущественной составляющей. Например, имущественный характер может иметь участие (членство) в некоммерческих корпоративных организациях [1, с. 14, 15]. Тот факт, что они не занимаются целенаправленно предпринимательской деятельностью, а их участники (члены) не участвуют в распределении прибыли (п. 1 ст. 50, п. 1 ст. 123.1 ГК РФ), не исключает имущественную

природу правоотношения участия (членства). Так, целью объединения граждан и юридических лиц в потребительский кооператив является, прежде всего, удовлетворение их материальных потребностей. Сам же кооперативный союз основывается на консолидации его членами имущественных паевых взносов (п. 1 ст. 123.2 ГК РФ). Сходная ситуация наблюдается в отношении других разновидностей некоммерческих корпораций, поскольку они создаются с целью прямого участия в имущественном обороте и обеспечения опосредованного (через корпоративную структуру) участия в таком обороте своих участников (членов).

Кроме того, у участников потребительских кооперативов и некоммерческих партнёрств возможно появление обязательственных прав требования по отношению к юридическому лицу. В сельскохозяйственном потребительском кооперативе при прекращении членства члену кооператива должна быть выплачена стоимость его паевого взноса или должно быть выдано имущество, соответствующее его паевому взносу, а также произведены другие причитающиеся ему выплаты в размерах, в сроки и на условиях, которые предусмотрены уставом кооператива (ст. 18 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»)⁴. В силу ст. 14 Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации»⁵ при прекращении членства члену кредитного кооператива (пайщику) выплачивается сумма его паенакопления (пая), включающая сумму паевых взносов и присоединённых начислений на паевые взносы, а также возвращаются денежные средства, привлечённые от члена кредитного кооператива (пайщика). Члены некоммерческого партнёрства вправе получать в случае его ликвидации часть имущества, оставшегося после расчётов с кредиторами, либо стоимость этого имущества в пределах стоимости имущества, переданного членами некоммерческого партнёрства в его собственность (ст. 8 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»)⁶. В других некоммерческих корпорациях, например, в общественных организациях, обязательственные права требования участников не могут появиться ни при каких условиях.

Анализ норм новой редакции ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель рассматривает корпоративные отношения в первую очередь как организационные отношения, имеющие имущественное содержание. Участие в них даёт потенциальную возможность получить определённые материальные блага. В научной литературе взаимосвязанные подобным образом отношения зачастую именуются основными и зависимыми (производными) корпоративными правоотношениями.

Между тем в некоммерческих организациях подобные отношения могут иметь различное содержание. Например, права и обязанности членов потребительских кооперативов и некоммерческих партнёрств аналогичны тем, что возникают у участников коммерческих корпораций. В связи с этим следует отметить, что некоторые учёные относят к юридическим лицам – корпорациям – только те организации, учредители которых, передавая в собственность корпорации имущество, сохраняют в отношении его права требования. Соответственно, некоммерческие организации, которые становятся индивидуальными собственниками переданного им имущества, в связи с отсутствием у их участников каких-либо прав на него, не могут рассматриваться как корпорации. Исключением признаются лишь потребительские кооперативы и, с определёнными оговорками, некоммерческие партнёрства. Однако такой подход не учитывает всех особенностей отношений, которые могут сложиться в некоммерческих корпоративных юридических лицах, в частности, в общинах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. При выходе из такой общины её члену и членам его семьи предоставляется доля из имущества общины (ст. 11 Федерального закона от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ») [10, с. 121–125].

По мнению И.С. Шиткиной, корпоративная природа свойственна только для некоммерческих партнёрств, потребительских кооперативов, союзов (ассоциаций), то есть для основанных на участии (членстве) некоммерческих организаций⁷. Ю.Н. Андреев, в свою очередь, признаёт некоммерческими корпорациями лишь потребительские кооперативы, некоммерческие партнёрства, общественные орга-

⁴ Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4870.

⁵ Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3627.

⁶ Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

⁷ Корпоративное право: учебник для студ. вузов / отв. ред. И.С. Шиткина // СПС «КонсультантПлюс».

низации, отмечая, что ассоциации и союзы, исходя из целей их создания, могут быть названы корпорациями лишь условно. Выполняемые ими функции, в том числе способствующие деятельности коммерческих структур, позволяют их признать корпорациями второго уровня [2]. Другие авторы, напротив, рассматривают ассоциации (союзы), в том числе действующие как саморегулируемые организации, в качестве типичного примера корпорации, обладающего всеми необходимыми признаками [8, с. 39].

Различия в определении места ассоциаций (союзов) в системе юридических лиц во многом объясняется особенностями возникающих в них отношений, поскольку в них может внешне присутствовать имущественная составляющая. При этом следует отметить, что она имеет несколько иную природу, позволяющую отграничивать такие отношения от имущественных отношений, возникающих в коммерческих организациях. Участие в ассоциациях (союзах) может служить основанием для приобретения материальных благ, но не в рамках и не на основании корпоративных отношений, а вследствие позитивной деятельности юридического лица вовне.

Также следует обратить внимание на то, что, закрепляя обязанность лица, входящего в состав корпорации, участвовать в образовании её имущества (в гл. 4 ст. 65.2 ГК РФ), законодатель не в полной мере учитывает особенности отношений, возникающих в рамках некоммерческих организаций и их отдельных форм. Например, участие лиц, входящих в состав общественных организаций, носит, прежде всего, личный характер, поскольку их участие в формировании имущества организации не является обязательным. Внесение соответствующих взносов, как правило, устанавливается либо актами самой организации, либо является добровольным. Так, источниками формирования имущества общественно-объединения являются в том числе вступительные и членские взносы, если их уплата предусмотрена уставом, добровольные взносы и пожертвования (ст. 31 Закона об общественных объединениях).

Таким образом, корпоративные отношения занимают особое место в предмете регулирования гражданского законодательства и характеризуются действием норм не только о юридических лицах в целом, но и решениями собраний, выражающих действия участников корпорации, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия. Изменения и дополнения гражданского законодательства о юридических лицах, наделившие участников корпоративных организаций правами и обязанностями по отношению к самой корпорации (гл. 9.1 «Решения собраний» ГК РФ), существенно обогатили внутреннее правовое регулирование юридических лиц корпоративного типа.

Список литературы

1. *Аминов И.И.* Государственный аппарат в условиях административной и судебной реформы (теоретико-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 14, 15.
2. *Андреев Ю.Н.* Механизм гражданско-правовой защиты // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Андреев В.К., Лантев В.А.* Корпоративное право современной России: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.
4. *Антонова Е.С.* Понятие, содержание и особенности корпоративных прав // Юридический мир. – 2000. – № 11. – С. 24–28.
5. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963. – 196 с.
6. *Камышанский В.П., Карнушин В.Е.* Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. – М.: Статут, 2016. – 222 с.
7. Категории науки гражданского права: избр. тр.: в 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 48, 49, 54, 55.
8. *Лескова Ю.Г.* Саморегулируемые организации в системе некоммерческих корпоративных организаций // Юридическая наука. – 2011. – № 3. – С. 39.
9. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика её применения в хозяйственных обществах. – М.: Статут, 2008. – 509 с.
10. *Майорова К.И.* Корпоративные отношения в некоммерческих организациях: проблемы определения, природы и содержания // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6 (55). – Июнь. – С. 121–125.
11. *Пахомова Н.Н.* Основы теории корпоративных правоотношений (правовой аспект). – Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2004. – 113 с.
12. *Пахомова Н.Н.* Цивилистическая теория корпоративных отношений. – Екатеринбург, 2005. – 336 с.

13. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. – 2005. – № 9. – С. 138.
14. Сперанский В.К. Именные эмиссионные ценные бумаги в системе корпоративного и акционерного правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Краснодар, 2005. – 29 с.
15. Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 1999. – 190 с.
16. Суханов Е.А. О Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник гражданского права. – 2010. – № 4. – С. 4–21.
17. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М., 2014. – 456 с.
18. Эрделевский А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право. – 1997. – № 6. – С. 70.
19. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 224 с.

References

1. Aminov I.I. Gosudarstvennyj apparat v usloviyah administrativnoj i sudebnoj reformy (teoretiko-pravovye aspekty): avtoref. dis.... kand. yurid. nauk. – М., 2005. – S. 14, 15.
2. Andreev Yu.N. Mekhanizm grazhdansko-pravovoj zashchity // SPS “Konsul’tantPlyus”.
3. Andreev V.K., Laptev V.A. Korporativnoe pravo sovremennoj Rossii: monografiya. – 2-e izd., pererab. i dop. – М.: Prospekt, 2017. – 352 s.
4. Antonova E.S. Ponyatie, sodержanie i osobennosti korporativnyh prav // Yuridicheskij mir. – 2000. – № 11. – S. 24–28.
5. Bratus’ S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava. – М.: Gosyurizdat, 1963. – 196 s.
6. Kamyshanskij V.P., Karnushin V.E. Grazhdanskoe pravootnoshenie: social’no-psihologicheskij aspekt. – М.: Statut, 2016. – 222 s.
7. Kategorii nauki grazhdanskogo prava: izbr. tr.: v 2 t. T. 1. – М.: Statut, 2005. – S. 48, 49, 54, 55.
8. Leskova Yu.G. Samoreguliruemye organizacii v sisteme nekommercheskih korporativnyh organizacij // Yuridicheskaya nauka. – 2011. – № 3. – S. 39.
9. Lomakin D.V. Korporativnye pravootnosheniya: obshchaya teoriya i praktika ee primeneniya v hozyajstvennyh obshchestvah. – М.: Statut, 2008. – 509 s.
10. Majorova K.I. Korporativnye otnosheniya v nekommercheskih organizacijah: problemy opredeleniya, prirody i sodержaniya // Aktual’nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 6 (55). – Iyun’. – S. 121–125.
11. Pahomova N.N. Osnovy teorii korporativnyh pravootnoshenij (pravovoj aspekt). – Ekaterinburg: Nalogi i finansovoe pravo, 2004. – 113 s.
12. Pahomova N.N. Civilisticheskaya teoriya korporativnyh otnoshenij. – Ekaterinburg, 2005. – 336 s.
13. Rozhkova M.A. Korporativnye otnosheniya i vznikayushchie iz nih spory // Vestnik VAS RF. – 2005. – № 9. – S. 138.
14. Sперanskiy V.K. Imennye emissionnye cennye bumagi v sisteme korporativnogo i akcionernogo pravootnoshenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk: 12.00.03. – Krasnodar, 2005. – 29 s.
15. Stepanov P.V. Korporativnye otnosheniya v kommercheskih organizacijah kak sostavnaya chast’ predmeta grazhdanskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. – М., 1999. – 190 s.
16. Suhanov E.A. O Konceptii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel’sтва Rossijskoj Federacii // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2010. – № 4. – S. 4–21.
17. Suhanov E.A. Sravnitel’noe korporativnoe pravo. – М., 2014. – 456 s.
18. Erdelevskij A.M. O zashchite lichnyh neimushchestvennyh prav akcionerov // Hozyajstvo i pravo. – 1997. – № 6. – S. 70.
19. Yakovlev V.F. Rossiya: ekonomika, grazhdanskoe pravo (voprosy teorii i praktiki). – М.: RIC ISPI RAN, 2000. – 224 s.

УДК 343.131

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, СОДЕРЖАНИЕ, ГАРАНТИИ

Теплякова Ольга Алексеевна,
заместитель заведующего кафедрой уголовного права и процесса,
e-mail: oteplyakova@muiiv.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статье проанализированы нормы Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие право граждан на неприкосновенность жилища. Автором раскрыты основные гарантии, обеспечивающие защиту жилища от неправомерного проникновения в него сотрудниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: жилище, неприкосновенность жилища, принцип уголовного судопроизводства, ограничение прав граждан, следственные действия, проводимые в жилище

THE PRINCIPLE OF THE INVIOABILITY OF THE HOME IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE LEGAL FRAMEWORK, CONTENT, GUARANTEES

Teplyakova O.A.,
deputy head of the department of criminal law and procedure,
e-mail: oteplyakova@muiiv.ru,
Moscow Witte University, Moscow

The article analyzes the norms of the Constitution of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation, regulating the right of citizens to inviolability of the home. The author reveals the basic guarantees that ensure the protection of the home from illegal penetration into it by law enforcement officers.

Keywords: dwelling, inviolability of dwelling, principle of criminal proceedings, restriction of rights of citizens, investigative actions carried out in dwelling

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-80-83

Принципы определяют основные положения, на которых построена вся система уголовного процесса. Нарушение принципа рассматривается как существенное и влечет безусловную отмену составляющих по уголовному делу процессуальных решений.

Принципы уголовного процесса, источником которых являются права и свободы человека и гражданина, закреплены в гл. 1 и 2 Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году.

Одним из основных принципов уголовного судопроизводства является принцип неприкосновенности жилища, который гарантирован ст. 25 Конституции РФ 1993 года.

А всегда ли данная гарантия была закреплена в Конституции? К сожалению, нет.

Так, «новорожденная Республика» в 1918 году приняла Конституцию РСФСР, в которой, окрыленная своей победой, в основу всех задач поставила уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, беспощадное подавление эксплуататоров, установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства, в целях полного подавления буржуазии. Основываясь на поставленных задачах, граждане Республики имели право на бесплатное, полное и всестороннее образование, на проведение митингов и собраний. Они были обязаны трудиться: «Не трудящийся да не ест!». Ни о каких материальных правах не упоминалось. И только в Конституции РСФСР 1937 года граждане получают право на личную собственность, на жилой дом и подсобное хозяйство, право на неприкосновенность жилища и тайну переписки, при этом конституционным правом на жилище граждане наделены не были.

А уже в Конституции РСФСР 1978 года, как и в Конституции СССР 1977 года, граждане получают право на жилище, которое обеспечивается общественным контролем по справедливому распределению жилой площадью. Гражданам РСФСР и СССР также гарантировалась неприкосновенность жилища.

В 1992 году в Конституцию были внесены изменения и уже право на жилище, которое по-прежнему неприкосновенно, стало обеспечиваться путем предоставления жилых помещений на условиях найма, аренды либо путем приобретения или строительства. Но о справедливом распределении жилой площади речь уже не шла.

В Конституции РФ 1993 года в гл. 2 указано, что «...каждый гражданин имеет право на жилище, и никто не может быть произвольно лишен жилища и жилище неприкосновенно, при этом никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения...».

При этом в период с 1993 года с момента принятия Конституции РФ и вплоть до вступления в законную силу ныне действующего УПК РФ, то есть до 01.07.2002 года, выемка производилась лишь на основании постановления следователя и она не требовала санкции прокурора, а вот для производства обыска санкция прокурора уже требовалась. Таким образом, в вышеуказанный период следственные действия производились с соблюдением уголовно-процессуального закона, но с нарушением конституционных прав граждан.

Само понятие «жилище» определено как в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, так и в Уголовном кодексе РФ. Многие правоведы, рассматривая вопросы о понятии «жилища», обращаются к комментариям ст. 139 УК РФ. Однако, понятие «жилище» достаточно полно раскрыто именно в Уголовно-процессуальном кодексе, который определяет порядок уголовного судопроизводства и является обязательным для следователя, дознавателя, органа дознания и суда.

Итак, жилище – это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от форм собственности, входящее в жилой фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

При производстве определенных следственных действий, таких как выемка предметов, документов, обыск, которые необходимо провести в жилище, требуется разрешения суда, что закреплено как в ст. 25 Конституции РФ, так и в ч. 1 ст. 165 УПК РФ. А вот для осмотра жилища, что подразумевает под собой – осмотр места происшествия (в жилище), решение суда может потребоваться только при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. Однако мнения юристов о понятии «проживающие лица» расходятся, и многие, в том числе следователи и дознаватели, «проживание лица» приравнивают к «регистрации лица». Многие следователи и дознаватели, прибыв на осмотр места происшествия, который необходимо провести в жилище, и выяснив, что в квартире некоторое время проживают лица (собственно, в отношении которых и совершено преступление), которые не имеют регистрации в указанном жилище, не имеют никаких договоров об аренде жилья, не получают согласие у данных лиц на осмотр и отказываются производить осмотр без судебного решения. Данное мнение и решения следователя и дознавателя фактически ущемляет конституционное право таких «проживающих лиц».

Конституционные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, и тот человек, который законно находится на территории РФ, имеет право свободно выбирать место пребывания и жительства.

Конституционными правами наделен каждый гражданин РФ, и поэтому следователям, дознавателям и органам дознания нельзя забывать и о гражданах, которые в силу сложившихся обстоятельств «приобрели» статус «лицо без определенного места жительства (БОМЖ)».

Указанные граждане для временного своего проживания могут выбрать и подвальные помещения жилых домов, заброшенные постройки, помещения и сооружения, которые они так или иначе оборудуют как свое жилье. Соответственно, вторжение в такое «жилище» тоже должно соответствовать нормам Конституции РФ и УПК РФ, а именно: осмотр жилища с согласия проживающих, выемка и обыск на основании судебного решения.

Законодателем был предусмотрен и тот случай, когда обыск и выемку в жилище необходимо провести безотлагательно, а у следователя и дознавателя просто нет времени для обращения в суд с ходатайством о производстве обыска (выемки) в жилище, то согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ эти следственные

действия проводятся на основании постановления следователя (дознателя). Следователь (дознатель) после производства обыска или выемки в жилище в обязательном порядке в течение 3 суток уведомляет об этом прокурора и суд и предоставляет для признания его действий законными копии постановления о производстве обыска или выемки, нетерпящих отлагательств, и протокол самого обыска (выемки).

Таким образом, конституционные права граждан на неприкосновенность жилища не нарушаются, т.к. законность и обоснованность произведенных следственных действий все равно будут признаваться только судом.

Также решение суда требуется и при отказе в даче согласия на осмотр места происшествия (если местом происшествия является жилище) лиц, проживающих в жилище, и следователь (дознатель) в целях своевременной фиксации, сохранности и неутраты следов и предметов преступления выносит мотивированное постановление о производстве нетерпящего отлагательства осмотра места происшествия в жилом помещении.

Однако, возникает вопрос о том, как поступить следователю, если из жилища идет специфический трупный запах? В данном случае разрешение на осмотр трупа не требуется, т.к. это отдельное следственное действие, а разрешение на осмотр места происшествия (жилища) получить уже не у кого. В УПК РФ об этом ничего не сказано, но конституционное право на неприкосновенность жилища нарушено не будет, если следователь, вскрыв жилище, произведет осмотр в связи с тем, что конституционными правами наделен гражданин, а не труп.

Подводя итоги, отметим, что новыми являются следующие положения и результаты: проведен сравнительно-правовой анализ норм Конституции РСФСР, Конституции РФ, Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и Уголовно-процессуального кодекса РФ, на основании которого сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона в отношении лиц, имеющих определенный социальный статус.

Список литературы

1. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России от 12 апреля 1978 г. (с изменениями и дополнениями от: 27 октября 1989 г., 31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 г., 24 мая, 3 июля, 1 ноября 1991 г., 21 апреля, 9, 10 декабря 1992 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) (с изменениями и дополнениями от: 1 декабря 1988 г., 20, 23 декабря 1989 г., 14 марта, 26 декабря 1990 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40.

References

1. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki ot 12 aprelya 1978 g. [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim S»ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus».

3. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Rossijskoj Federacii – Rossii ot 12 aprelya 1978 g. (s izmeneniyami i dopolneniyami ot: 27 oktyabrya 1989 g., 31 maya, 16 iyunya, 15 dekabrya 1990 g., 24 maya, 3 iyulya, 1 noyabrya 1991 g., 21 aprelya, 9, 10 dekabrya 1992 g. [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami ot: 1 dekabrya 1988 g., 20, 23 dekabrya 1989 g., 14 marta, 26 dekabrya 1990 g. [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 29.07.2018) [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tant Plyus».
7. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR utv. VS RSFSR ot 27 oktyabrya 1960g. // Vedomosti VS RSFSR. – 1960. – № 40.

УДК 343.721

О КОНСТИТУЦИОННОМ «РАВЕНСТВЕ» ЗАЩИТЫ ВСЕХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Досюкова Татьяна Викторовна,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса,

e-mail: tdosukova@muiv.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статье рассматриваются вопросы несоответствия уголовно-правовых норм об ответственности за мошенничество конституционной декларации равенства защиты всех форм собственности и принципу равенства граждан перед законом. Автор исследует санкции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за различные виды мошенничества, и указывает на отсутствие их адекватности общественной опасности преступлений данного вида. Ставится вопрос о справедливости установления различных размеров значительного, крупного и особо крупного ущерба для «обычного» мошенничества и мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Используя систематический метод исследования, этимологию некоторых понятий, автор обращает внимание на неравенство защиты собственности юридических лиц – банков и юридических лиц – кредитных организаций с государственной охраной собственности других потерпевших. Констатируется нарушение принципа равенства граждан перед законом и равенства защиты всех форм собственности при мошенничестве в отношении застрахованного гражданина представителем организации-страхователя. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики по делам о мошенничестве.

Ключевые слова: собственность, санкция, закон, уголовная ответственность, мошенничество, потерпевший, общественная опасность

ABOUT CONSTITUTIONAL “EQUALITY” OF PROTECTION OF ALL FORMS OF PROPERTY IN THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

Dosyukova T.V.,

candidate of law, associate professor, associate professor

at the department of criminal law and procedure,

e-mail: tdosukova@muiv.ru,

Moscow Witte University, Moscow

The article deals with the issues of non-compliance of criminal law on liability for fraud with the constitutional Declaration of equality of protection of all forms of property and the principle of equality of citizens before the law. The author examines the sanctions of criminal law norms providing for responsibility for various types of fraud, and points to the lack of their adequacy to the public danger of crimes of this type. The question is raised as to the fairness of establishing different levels of significant, large and particularly large damage to “ordinary” fraud and fraud involving deliberate non-performance of contractual obligations in the field of business. Using a systematic method of research, using the etymology of some concepts, the author draws attention to the inequality of protection of property of legal entities – banks and legal entities – credit institutions with state protection of property of other victims. Violation of the principle of equality of citizens before the law and equality of protection of all forms of property in fraud against the insured citizen by the representative of the organization-the insured is stated. It is concluded that it is necessary to further improve the criminal law and law enforcement practice in cases of fraud.

Keywords: property, sanction, law, criminal liability, fraud, victim, public danger

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-84-88

В статье 8 Конституции Российской Федерации¹ декларируется равная защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Гарантом такой защиты выступает, в том числе, уголовное законодательство, а именно действующий с 01 января 1997 года Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), устанавливающий уголовную ответственность за преступления против собственности (гл. 21 УК РФ)². Стремясь к совершенствованию уголовного законодательства и достижению соответствия его развивающимся общественным отношениям в нашей стране, Государственной Думой РФ было принято 226 федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в уголовно-правовые нормы, декриминализируя деяния, переставшие, по мнению законодателя, быть общественно опасными, и возводя в ранг преступлений новые общественно опасные деяния. В число таких законов входит и Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, которым в дополнение к ст. 159 УК РФ (мошенничество) внесено еще шесть статей: 159.1 (мошенничество в сфере кредитования), 159.2 (мошенничество при получении выплат), 159.3 (мошенничество с использованием платежных карт), 159.4 (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности), 159.5 (мошенничество в сфере страхования) и 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации).

Салехардский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке конституционности ст. 159.4 УК РФ, устанавливающей ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности и являющейся специальной нормой по отношению к ст. 159 УК РФ. В запросе было указано на несоразмерность установленного в ст. 159.4 УК РФ наказания степени общественной опасности этого преступления и более мягкого по сравнению с общей нормой, содержащейся в ст. 159 УК РФ (мошенничество). Единственным основанием разграничения этих двух преступлений стало то, что лицо, обвиняемое в мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, имеет статус индивидуального предпринимателя или занимает руководящую должность в коммерческой организации. Иными словами, является специальным субъектом. Таким образом, в специальной норме ответственность за преступление, предусмотренное ст. 159.4 УК РФ, посягающее на дополнительный объект – общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности и совершенное специальным субъектом, то есть фактически более опасное, чем «обычное» мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, оказалась мягче [2, с. 493]. Кроме того, «обычное» мошенничество, совершенное в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ), предусматривающее максимальное наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет, относится к категории тяжких преступлений, а за точно такое же деяние, совершенное в сфере предпринимательской деятельности, установлен максимальный срок наказания в виде лишения свободы на срок до 5 лет, что относит последнее к категории преступлений средней тяжести. Не обеспечивается адекватная защита прав потерпевших от преступлений и тем, что в ст. 159.4 УК РФ, в отличие от общей нормы о мошенничестве, отсутствует указание на такой квалифицирующий признак состава преступления, как причинение значительного ущерба гражданину. Таким образом, нарушается принцип равенства всех перед законом.

По запросу Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности ст. 159.4 УК РФ (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности) Конституционным Судом РФ было принято постановление от 11.12.2014 г. № 32-П, в котором положения ст. 159.4 УК РФ признаны неконституционными⁴. По истечении шести месяцев со дня провозглашения указанного постановления федеральный законодатель не внес соответствующие изменения в УК РФ, ст. 159.4 УК РФ утратила силу. Целый год УК РФ содержал утратившую силу ст. 159.4 УК РФ.

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в актуальной редакции с поправками, внесенными Законом Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 (в ред. Федерального закона от 03 октября 2018 г. № 352-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

³ Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Изменения в УК РФ были внесены только в 2016 году Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ: ст. 159 УК РФ была дополнена частью 5, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, при условии причинения значительного ущерба, а также частями 6 и 7, предусматривающими квалифицирующие признаки в виде причинения крупного и особо крупного ущерба соответственно⁵. В примечаниях к ст. 159 УК РФ законодатель установил сумму значительного ущерба не менее десяти тысяч рублей (примечание 1), крупного размера – превышающую три миллиона рублей (примечание 2), особо крупного размера – превышающую двенадцать миллионов рублей (примечание 3). В примечании 4 законодатель оговорил, что действие вновь введенных частей ст. 159 УК РФ распространяется на случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации [4, с. 101; 6, с. 57]. Санкции вновь введенных уголовно-правовых норм содержат виды и размеры наказаний, в точности соответствующие санкциям ч. 2–4 этой же статьи.

Но и новая редакция ст. 159 УК РФ вызывает сомнения в равенстве защиты всех форм собственности, поскольку законодательно определены разные размеры значительного, крупного и особо крупного ущерба для «обычного» мошенничества и мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. По крайней мере, искусственно создан вопрос квалификации, если последнее мошенничество причинило ущерб на сумму до десяти тысяч рублей. Вероятно, законодатель оптимистично исходит из того, что любая предпринимательская деятельность постоянно приносит высокий доход, что вполне логично – а зачем в противном случае заниматься предпринимательской деятельностью? Однако в реальной действительности есть и такие индивидуальные предприниматели – физические лица, доход которых иногда может быть на уровне минимального размера оплаты труда или даже ниже в неблагоприятное время [5, с. 36]. Совершенное в отношении такого предпринимателя-«неудачника» мошенничество, причинившее ущерб на сумму девять тысяч девятьсот девяносто девять рублей девять копеек, тоже является мошенничеством в сфере предпринимательской деятельности, однако по букве закона будет уголовно ненаказуемым, поскольку не хватает одной копейки. Или такие действия следует квалифицировать по предыдущим частям ст. 159 УК РФ, «забыв» о роде деятельности потерпевшего? В таком случае, зачем вообще разделять виды мошенничества? Это один из возникающих вопросов.

Нарекания в части конституционной равной защиты всех форм собственности вызывают и остальные уголовно-правовые нормы о мошенничестве.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере кредитования, являются отношения собственности. Дополнительным объектом данного преступления являются общественные отношения, складывающиеся в сфере кредитования. Предметом является имущество в виде денежных средств банка или иного кредитора, то есть заемные денежные средства, полученные в результате банковского кредита [3, с. 91].

Потерпевшим от рассматриваемого преступления, согласно диспозиции ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, в уголовно-правовом смысле является банк или иной кредитор. Поскольку речь идет о сфере кредитования (дополнительный непосредственный объект), то иным кредитором (лат. *creditor*) может считаться лишь юридическое лицо – кредитная организация, имеющее лицензию на осуществление банковских операций. На это же обратил внимание и Пленум Верховного Суда РФ, указав в своем постановлении от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁶, что по смыслу закона кредитором в ст. 159.1 УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора. Этот вывод сделан на основании ч. 1 ст. 819

⁵ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ⁷, в которой после слов «кредитная организация» в скобках поставлено слово «кредитор», чем поставлен знак равенства между указанными понятиями, признанными ГК РФ синонимами с точки зрения грамматики русского языка.

Действительно, буквальное толкование понятия «кредитор» не позволяет включать в него иных займодавцев (физических или юридических лиц), передавших денежные средства виновному по договору займа [1, с. 37]. Согласно ст. 807 ГК РФ, по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества. При этом договор займа между гражданами должен быть заключен в письменной форме, если его сумма превышает не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда, а в случае, когда займодавцем является юридическое лицо, – независимо от суммы. В иных случаях договор займа может быть устным.

Если термин «иной кредитор» толковать расширительно, то в случае хищения заемных денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием в крупном или особо крупном размерах существенно ухудшится положение потерпевших граждан, поскольку за «обычное» мошенничество (ч. 1 ст. 159 УК РФ) максимальное наказание предусмотрено в виде лишения свободы на срок до двух лет, а за мошенничество в сфере кредитования (ч. 1 ст. 159.1 УК РФ) максимальное наказание предусмотрено в виде ареста на срок до четырех месяцев. Сравнение санкций, как и размера крупного и особо крупного ущерба, показывает неравенство защиты собственности юридических лиц – банков и юридических лиц – кредитных организаций с государственной охраной собственности других потерпевших.

Привилегированным является основной состав мошенничества при получении выплат (ч. 1 ст. 159.2 УК РФ), что в принципе не вызывает возражений. Исправлена в сторону реализации принципа справедливости уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ).

Сомнение в равенстве защиты всех форм собственности вызывает уголовно-правовая норма, содержащаяся в ст. 159.5 УК РФ (мошенничество в сфере страхования). Во-первых, санкция ч. 1 ст. 159.5 УК РФ мягче по сравнению с санкцией ч. 1 ст. 159 УК РФ – максимальное наказание за мошенничество в сфере страхования предусмотрено в виде ареста на срок до четырех лет. Во-вторых, размер крупного и особо крупного ущерба существенно выше, чем для «обычного» мошенничества – так же, как и для мошенничества в сфере кредитования он установлен свыше полутора миллионов и шести миллионов рублей соответственно. Если мошенничество будет совершено в отношении застрахованного гражданина представителем организации-страхователя, то налицо нарушение принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и равенства защиты всех форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). При этом размер значительного ущерба гражданину оставлен, согласно примечанию 2 к ст. 158 УК РФ, равным и более пяти тысяч рублей.

Таким образом, ряд уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за мошенничество, противоречат положению ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации, провозглашающей, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Следует признать необходимым дальнейшее совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики по делам о мошенничестве, предусмотренным ст. 159–159.6 УК РФ.

Список литературы

1. *Домовец С.С.* О некоторых способах совершения мошенничества в сфере кредитования и методах их выявления // Российский судья. – 2018. – № 8. – С. 36–40.
2. *Досюкова Т.В.* Вопросы совершенствования уголовной ответственности за новые виды мошенничества по действующему российскому уголовному законодательству // Актуальные проблемы и направления развития права, общества и государства в современной России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2017. – С. 491–496.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. 29.07.2018 № 225-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

3. *Красников А.С.* Новые статьи о мошенничестве: прогноз правоприменения // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 4 (37). – С. 179–182.
4. *Розенко С.В., Мурзина К.А.* Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. – 2017. – Вып. 1 (44). – С. 113–116.
5. *Ткачев И.О.* Предмет мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 89–93.
6. *Тресков В.И.* Осторожно: мошенничество! Как защитить себя и своих близких. – М.: Редакция «Российской газеты», 2018. – Вып. 8. – 144 с.
7. *Филатова М.А., Яни П.С.* Взаимосвязанные проблемы квалификации мошенничества и легализации преступных доходов // Законность. – 2018. – № 7. – С. 33–38.
8. *Шергин Р.Ю.* Сложности квалификации мошенничества // Законность. – 2018. – № 8. – С. 57–59.

References

1. *Domovets S.S.* about some ways of committing fraud in the field of lending and methods of their detection // Russian judge. – 2018. – No. 8. – P. 36–40.
2. *Dosyukova T.V.* Issues of improving criminal liability for new types of fraud under the current Russian criminal law // Actual problems and directions of development of law, society and state in modern Russia: materials of all-Russian scientific-practical conference. – M., 2017. – P. 491–496.
3. *Krasnikov A.S.* New articles about fraud: forecast of law enforcement // Bulletin of Omsk University. Series “Law”. – 2013. – No. 4 (37). – P. 179–182.
4. *Rozenko S.V., Murzina K.A.* features of qualification of fraud under the criminal legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Yugra state University. – 2017. – Is. 1 (44). – P. 113–116.
5. *Tkachev I.O.* The Subject of fraud in the sphere of entrepreneurial activity // Criminal law. – 2018. – No. 4. – S. 89–93.
6. *Treskov V.I.* Caution: fraud! How to protect yourself and your loved ones. – M.: Editorial office of Rossiyskaya Gazeta, 2018. – Vol. 8. – 144 p.
7. *Filatova M. A., Yani P. S.* Interrelated problems of qualification of fraud and legalization of criminal income. – 2018. – No. 7. – P. 33–38.
8. *Shergin R.Yu.* The Complexity of qualification of fraud // Legitimacy. – 2018. – No. 8. – P. 57–59.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (19)' 2019

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Демиденко В.К.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Электронное издание.

Подписано в тираж 12.08.2019 г.

Печ. л. 11,13. Усл.-печ. л. 10,35. Уч.-изд. л. 7,8.

Объем 13,39 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 19-0157.

Отпечатано в ООО «СиДи Копи»,

111024, Москва, ул. Пруд Ключики, д. 3, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8(495) 783-68-48, доб. 45-11.